

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

5
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: n.filin@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: n.filin@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoostev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- N.A. Filin*, Dr. of Sci. (History), associate professor, RSUH
- S.M. Ravandi-Fadai*, Cand. of Sci. (History), Institute of Oriental studies

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

Н.А. Филлин, доктор исторических наук, доцент, РГГУ

С.М. Раванди-Фадаи, кандидат исторических наук, ИВ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Alisa R. Shishkina, Japheth Bondzie Appah, Andrei V. Korotayev</i>	
Factors of socio-political (in)stability in West Africa [Факторы социально-политической (не)стабильности в Западной Африке]	12
<i>Никита А. Филин, Эрадж Б. Боев, Александр С. Ходунов</i>	
Дискурс противостояния Мохаммеда Реза-шаха и аятоллы Хомейни в Иране в 1978–1979 гг.	35
<i>Анна Н. Бурова</i>	
История и особенности формирования состава Высшего совета магистратуры Алжира	49
<i>Самир С. Мамедов</i>	
Эхо «арабской весны» в Объединенных Арабских Эмиратах	69
<i>Ксения А. Нестерова</i>	
Динамика и тенденции женских стартапов в японской предпринимательской среде	84

Международные отношения: история, историография, методология

<i>Завен А. Арабаджян</i>	
Россия и Англия в борьбе за железнодорожные концессии в Персии	99
<i>Николай А. Медушевский</i>	
Фактор христианизации и миссионерской деятельности в интеграции этнической идентичности эве	111
<i>Игорь В. Рыжов, Ольга О. Хохлышева, Олег А. Колобов</i>	
Последствия изменения международной ситуации через призму совещания ЛАГ в Джидде	125

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

Евгений О. Барсуков

Неординарная форма культа царских предков в Египте
XVI–XIII вв. до н. э. как маркер династических кризисов 139

Алексей В. Баранов

Концепт «совершенного человека» аятоллы Хомейни
в Иранской революции 149

Егор В. Хатунцев

Роль «Движения за свободу Ирана» в исламской революции
1978–1979 гг. 162

Игорь Л. Алексеев, Елена Е. Самойлова

Голоса перемен: женское реформаторство в современном исламе 177

Сергей Ю. Серёгичев

Борьба с исламо-экстремистскими вооруженными
группировками в 1990-е гг.: сравнительный анализ
алжирского и египетского кейсов 199

Книжная полка

Дмитрий С. Поляков

От идеи к практике: воплощение проекта курдской
самопровозглашенной автономии в Сирии.
Рецензия на книгу: *Вертяев К.В., Иванов С.М.,
Макаренко В.В.* Рожава: феномен курдской автономии в Сирии /
отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев. М.: ИВ РАН, 2023. 368 с. 213

Михаил Е. Смирнов

Политические элиты Танзании в меняющемся мире:
о сборниках тезисов международных конференций
«Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем:
исследования ученых России, Танзании и других стран»
(под ред. Д. Бондаренко; М.: ИАФ РАН, 2022. 189 с.);
«Место Африки в мире в прошлом и настоящем»
(под ред. Д. Бондаренко; М.: Ин-т Африки, 2024. 200 с.) 223

CONTENTS

Countries and regions of the world. Dynamics of development and patterns of interaction

<i>Alisa R. Shishkina, Japheth Bondzie Appah, Andrei V. Korotayev</i>	
Factors of socio-political (in)stability in West Africa	12
<i>Nikita A. Filin, Eradzh B. Boev, Aleksandr S. Khodunov</i>	
The discourse of the confrontation between Mohammad Reza Shah and Ayatollah Khomeini in Iran in 1978–1979	35
<i>Anna N. Burova</i>	
History and characteristics of forming the Superior Council of Magistracy in Algeria	49
<i>Samir S. Mamedov</i>	
Echoes of the “Arab Spring” in the United Arab Emirates	69
<i>Ksenia A. Nesterova</i>	
Dynamics and trends of female startups in the Japanese entrepreneurial environment	84

International Relations. History, historiography, methodology

<i>Zaven A. Arabadzhyan</i>	
Russia and England in the struggle for railway concessions in Persia	99
<i>Nikolai A. Medushevskii</i>	
The factor of Christianization and missionary activity in the integration of Ewe ethnic identity	111
<i>Igor V. Ryzhov, Olga O. Khokhlysheva, Oleg A. Kolobov</i>	
Consequences of changing international situation through the prism of the LAS meeting in Jeddah	125

Socio-political processes in the past and present

<i>Evgenii O. Barsukov</i>	
Extraordinary form of the cult of royal ancestors in Egypt of the 16th – 13th centuries BC as a marker of dynastic crises	139

<i>Aleksei V. Baranov</i>	
The concept of the “perfect man” by Ayatollah Khomeini in the Iranian Revolution	149
<i>Egor V. Khatuntsev</i>	
The role of the Movement for the Liberation of Iran in the Islamic Revolution 1978–1979	162
<i>Igor L. Alekseev, Elena E. Samoilova</i>	
Voices of change. Women’s reformism in modern Islam	177
<i>Sergei Yu. Seregichev</i>	
The fight against Islamic extremist armed groups in the 1990s. Comparative analysis of Algerian and Egyptian cases	199

Bookshelf

<i>Dmitrii S. Polyakov</i>	
From idea to practice. Realizing the project of the Kurdish self-proclaimed autonomy in Syria. Book review: <i>Vertyaev K.V., Ivanov S.M., Makarenko V.V.</i> Rozhava. The phenomenon of Kurdish autonomy in Syria / ed. by K.V. Vertyaev, I.A. Matveev. M.: IV RAN, 2023. 368 p.	213
<i>Mikhail E. Smirnov</i>	
Tanzanian political elites in a changing world. About the books of abstracts “Leadership and power in Africa in the past and present. Research by scientists from Russia, Tanzania and beyond” (ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2022. 189 p.; “The place of Africa in the world. The past and present” (ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2024. 200 p.)	223

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323(66)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-12-34

Factors of socio-political (in)stability in West Africa

Alisa R. Shishkina

HSE University, Moscow, Russia;

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, ashishkina@hse.ru*

Japheth Bondzie Appah

HSE University, Moscow, Russia, dappakh@edu.hse.ru

Andrei V. Korotayev

HSE University, Moscow, Russia;

*Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, akorotaev@hse.ru*

Abstract. Recently, West Africa is represented in the research literature as the epicenter of socio-political instability. That is most relevant for such countries as Mali, Nigeria or Burkina Faso. However, it is worth saying that, despite a number of factors that could lead to potential destabilization in Ghana, the country has been characterized in recent years by a fairly high level of socio-political stability. The present study seeks to determine the factors causing political regime destabilization in West Africa by evaluating important governance indicators, sociopolitical stability, economic advancement, and historical occurrences. The paper uses a mixed-methods approach as well as qualitative comparative analysis (QCA) as an analysis tool. The authors conclude that among the destabilizing factors in the region under study, the following can be considered the most significant: weak mechanisms of accountability within the state, deficient governance frameworks, and corruption. Moreover, if we are talking about Ghana, in that case such indicators as developed media infrastructure, active civil society, initiatives of the country's leadership to create inter-religious tolerance and co-operation, as well as the general culture of peace inherent in Ghanaians, become the main factors stabilizing the situation in the country.

Keywords: West Africa, terrorism, political stability, QCA, corruption, Ghana

© Шишкина А.Р., Аппах Дж.Б., Коротаев А.В., 2024

For citation: Shishkina, A.R., Appakh J.B. and Korotayev, A.V. (2024). “Factors of socio-political (in)stability in West Africa”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 12–34, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-12-34

Факторы социально-политической (не)стабильности в Западной Африке

Алиса Р. Шишкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия,

ashishkina@hse.ru

Джафет Бондзи Аппах

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

dappakh@edu.hse.ru

Андрей В. Коротаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия,

akorotaev@hse.ru

Аннотация. В последнее время Западная Африка представлена в исследовательской литературе как эпицентр социально-политической нестабильности. Это в наибольшей степени касается таких стран, как Мали, Нигерия или Буркина-Фасо. Однако стоит отметить, что, несмотря на ряд факторов, которые могли бы привести к потенциальной дестабилизации в Гане, эта страна в последние годы характеризуется довольно высоким уровнем социально-политической стабильности. Данное исследование направлено на определение факторов, вызывающих дестабилизацию политического режима в Западной Африке, путем оценки важных показателей государственного управления, социально-политической стабильности, экономического развития, а также некоторых исторических событий. В статье используется подход смешанных методов, а также качественный сравнительный анализ (QCA) в качестве инструмента анализа. Авторы приходят к выводу, что среди дестабилизирующих факторов в изучаемом регионе наиболее значимыми можно считать следующие: слабые механизмы подотчетности в государстве, несовершенные структуры управления и коррупция. При этом, если речь идет о Гане, то в данном случае основными факторами

стабилизации ситуации в стране становятся такие показатели, как развитая медиаинфраструктура, активное гражданское общество, инициативы руководства страны по формированию межрелигиозной толерантности и сотрудничества, а также общая культура мира, присущая ганцам.

Ключевые слова: Западная Африка, терроризм, политическая стабильность, QCA, коррупция, Гана

Для цитирования: Shishkina A.R., Appakh J.B. and Korotayev A.V. "Factors of socio-political (in)stability in West Africa" [Факторы социально-политической (не)стабильности в Западной Африке] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 12–34. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-12-34

After gaining independence in the 1950s, West African countries embarked on a journey to establish governance models and sociopolitical stability. Early aspirations for political stability, economic progress, and social equity, exemplified by leaders like Kwame Nkrumah, Thomas Sankara, and Patrice Lumumba, were, however, marred by challenges and uncertainties. The path to realizing these aspirations was marked by political turbulence, including Nkrumah's overthrow in 1966 in Ghana for example. Facing challenges and uncertainties, most West African countries experienced both periods of success and moments of crisis throughout its post-colonial history. These periods of success and crises have shaped the trajectory of governance in the region and provide valuable insights into the determinants of political stability.

Recently, political regimes in West Africa have faced various forms of instability, ranging from civil wars to regime shifts [Besenyő et al. 2024; Kostelyanets 2016]. Political instability has had a significant impact on West African society, particularly in terms of economic growth, health outcomes, and social security. Studies have shown that political instability is associated with lower economic growth rates, as factors such as terrorism, social unrest, let alone civil wars, hinder economic development [Julius et al. 2023].

Major destabilizing political events in post-colonial West Africa

The post-colonial period in West Africa was marked by significant political events, including decolonization, independence, and subsequent challenges. After a series of independence movements, West African countries gained autonomy in the late 1950s and 1960s, with

notable events such as the independence of Ghana under Kwame Nkrumah and the territorial redistribution of the region of French West Africa, which formed the basis of modern state borders. Liberia gained independence in 1847 and can be considered the oldest republic in Africa [Boafo-Arthur 2008]. Ghana, the first country in sub-Saharan Africa to gain independence in 1957, has experienced political instability, exemplified by the overthrow of Nkrumah in 1966. These events largely determined the political and socioeconomic portrait of West Africa in the postcolonial era, providing valuable insights into the drivers of political stability.

Subsequently, the fall of the French Federation in West Africa was associated with the radical position of the leader of Guinea Sekou Toure. He did not agree with Charles de Gaulle's plans for the independent French-speaking Africa within the French Community. Guinea's independence in 1958 triggered the full independence of the French-speaking colonies in this subregion in 1960 [Boafo-Arthur 2008].

West African post-colonial political history has been marked by both stable and unstable times. Several countries of West Africa have been plagued by notable civil wars, military coups, and failed economic development despite enviable natural resources [Jallow 2014; Besenyő et al. 2024]. This included conflicts and civil wars in Liberia and Sierra Leone, which led to the growth of war economies and the presence of mercenaries in the region [Straussberger 2022]. Countries such as Nigeria, Sierra Leone, Liberia, and Ivory Coast, experienced civil wars, while Ghana and Burkina Faso saw a succession of military coups after independence [Ajayi, Crowder 1971; Besenyő et al. 2024; Fain et al. 2024]. It can be inferred that the political sector in West Africa became heavily militarized in the early years after the colonialism.

The post-colonial period also saw conflicts and tensions between nationalist politicians and military leaders, as well as economic challenges and corruption among post-colonial leaders [Salihu 2016]. The leadership crisis in post-colonial African states has been attributed to the lack of visionary, transformational leadership required for effective rule, as well as the managerial skills needed for effective governance [Burimaso 2013]. Consequently, there was a significant focus on civil-military relations, with the advent of coups d'état being prevalent in the 1960s – 1980s in countries like Ghana, Nigeria, Guinea, Sierra-Leone and Ivory Coast followed by a relative decline in militarism during the third wave of democratization in the 1990s and the early 2000s [Korotayev et al. 2020; Straussberger 2022; Fain et al. 2024].

But recent years have seen an intensification of coup episodes in African countries such as Chad, Burkina Faso, Niger, Guinea, Mali and Guinea-Bissau [Adejumobi 2016; Fain et al. 2024; Копотаев и др. 2023]

with Burkina Faso, Niger and Mali withdrawing from the ECOWAS bloc. The political sector in West Africa has its roots in the air, not in the ground, and has become militarized, with the military in West African states becoming politicized [Jallow 2014; Fain et al. 2024]. What are the reasons for this situation? Are the government models of such countries the engine behind or are there other factors influencing the destabilizing of the political regime of these West African countries?

Drivers of socio-political instability in West African countries

This study is a continuation of a series of previous studies on the risks of sociopolitical destabilization in African countries [Korotayev, Zinkina 2015; Kostelyanets 2016; Korotayev, Meshcherina et al. 2019; Исаев и др. 2022; Korotayev, Ustyuzhanin et al. 2022; Зинькина, Коротаев 2022a; Зинькина, Коротаев 2022b; Korotayev, Issaev et al. 2023; Korotayev, Shulgin et al. 2023]. An important point that helped the authors come to conclusions regarding the factors of stability in Ghana are the results of a field study conducted in July 2013 in Ghana. During the field work, surveys and in-depth interviews were collected about the current state of the country in the international arena among university students, teachers, politicians and public figures (Korotayev, Issaev et al., 2023).

The emergence and spread of socio-political instability in West African countries may be associated with a number of factors. We can talk about external financing [Madubuegwu et al. 2021; Kostin, Korotayev 2024], the presence of the so-called youth bulge [Sawyer et al. 2022; Korotayev, Romanov et al. 2023; Ustyuzhanin et al. 2023a], the methodology of conducting religious sermons associated with differences in doctrinal and interpretive approaches to the concept of jihad [Aning, Abdallah 2013] and so on. These and other factors may be driving forces behind radicalization and its possible transformation into episodes of political violence. In addition, an important destabilizing factor in this case is the activities of terrorist groups banned in Russia, primarily the Islamic State and Al-Qaeda [Nsaibia, Weiss 2020].

If we talk about the youth factor in the context of processes of socio-political destabilization, we can mention Moller's study [Moller 1968], which notes that the risks of destabilization may be associated not only with an increase in the share of youth as such, but also with an increase in the number of elite youth seeking to carve out a path to social importance and wealth, while facing a lack of opportunities to achieve their goals [Korotayev, Issaev et al. 2013; Korotayev, Issaev et al. 2014; Korotayev, Malkov et al. 2014; Ustyuzhanin et al. 2022].

Jack Goldstone states that “the rapid growth of youth can undermine existing political coalitions, creating instability. Large youth cohorts are often drawn to new ideas and heterodox religions, challenging older forms of authority” [Goldstone 2002]. According to Ikelegbe [Ikelegbe 2020], in West African countries in recent decades, the issue of youth bulges has been particularly acute, which may largely explain the difficult trajectories of economic development of the countries.

Ikelegbe [Ikelegbe 2020] underscores the mismanagement and marginalization of youths, deeming it a squandering of vital human resources, which consequently fuels social conflicts and political instability. Moreover, Ugal [Ugal et al. 2011] delves into the far-reaching consequences of youth unemployment, including the emergence of delinquent subcultures and a surge in crime rates. We also may find empirical support to the notion that youth unemployment significantly correlates with the elevated risks of socio-political instability in developing countries. This proves that youth unemployment is a contributing factor to the political stability of a country.

At the same time, we can see a rather unique example from Ghana. This is a country neighboring such regions as Burkina Faso or Cote d'Ivoire, which regularly face manifestations of socio-political instability or terrorism. However, Ghana has been quite successful in resisting attacks in recent years, despite a number of factors potentially making the country vulnerable to terrorism and extremism [Korotayev, Issaev et al. 2023].

However, despite the changing socio-economic landscape, as well as the factors and prerequisites described above for the deterioration of the socio-political situation in the country, Ghana is a truly outstanding example of the prevalence of political stability in recent years against the backdrop of growing destabilization processes in the region [Amoah 2020; Korotayev, Issaev et al. 2023]. Indeed, Ghana demonstrates a high level of resistance to destabilization processes in the region, as well as significantly low rates of terrorist activity in the country.

Recently, Ghana has recorded the lowest level of terrorist attacks (for example, in most cases only one episode per year was recorded, while this level increased to 10 attacks only in 2020, after which this indicator stabilized again at a fairly low level). The described features are particularly indicative in comparison with some other countries of West Africa, including those located near the border with Ghana. Thus, Niger, Burkina Faso and Mali show significantly higher levels of instability, and in Nigeria over the past ten years there has been an absolutely off-scale level of terrorist attacks.

When talking about the types of Ghana's responses to threats of violent terrorism and extremism, it is worth highlighting several areas.

First of all, it is about the legal component. Thus, the country has adopted a legislative framework in accordance with regional and international conventions and protocols, including the Anti-Terrorism Act 2008, the Anti-Money Laundering Act 2008, the Organized Crime Act 2010, and National Framework for Preventing and Countering Violent Extremism and Terrorism. These legal documents ensure minimization of the threat of terrorism in the following areas: provision of preventive measures, identification and containment of terrorist threats, measures to protect territory and infrastructure, as well as measures to mitigate the effects of terrorist incidents [Aubyn 2021].

Further it is worth highlighting are efforts such as the Accra Initiative to Counter Violent Extremism in the Region launched in 2017 by such countries as, for example, Côte d'Ivoire, Ghana, Togo, Benin and Burkina Faso¹. The goal of this initiative was to prevent the dissemination of extremism from the Sahel region and fight against organized international crime.

The next level of preparedness for terrorist threats is rapid response, particularly through the combined efforts of the Ghana police, security services and military to build capacity and conduct counter-terrorism simulation exercises and counter-terrorism operations in border areas.

Next, let's move on to studying the factors that contribute to maintaining political stability in this country. First of all, in this case it is worth paying attention to *efforts to develop interfaith tolerance and cooperation*. Despite the general trend of increasing interreligious conflicts in West African countries, Ghana stands out as a country that has a fairly strong tradition of interfaith dialogue, due to which even occasional episodes of discrimination against Muslims in Christian schools rarely escalate into real conflicts.

Ghana can serve as an example of a heterogeneous society consisting of different ethnic groups. Historically, the population of this country has managed to acquire a certain level of national cohesion and noticeable tolerance towards representatives of other nationalities. The maintenance of this kind of dialogue is also largely due to the efforts of young people to develop interethnic and interfaith cooperation [Wandusim 2015].

The next parameter that explains Ghana's resilience in the face of the terrorist threat is its developed civil society. Civil society organizations play an important role in promoting democratic development [Whitfield 2003; Kumi 2022]. An example in this case is initiatives to resolve conflicts between nomadic herders and farmers in the Agogo region.

¹ *Ohene Agyapong K.* Report of the Committee on Defense and Interior on the 2023 annual budget estimates of the Ministry of National Security. 2022. Ministry of National Security, Accra, Ghana.

Further, a developed media network can be a factor contributing to the maintenance of socio-political stability in Ghana. One of the important tools in this case is the functioning of the media and communication, which carry elements of competition, interpretation, public mobilization and news dissemination, and also serve as broadcasters of the agenda and display of the identity of various political parties in the public sphere².

Qualitative comparative analysis

This study uses a mixed-method research design. Specifically, this research uses Crisp-set Qualitative Comparative Analysis (csQCA) to determine the mix of elements that contribute to a destabilised political system across the examples studied. QCA provides a systematic way to analysing the complex interaction of numerous elements that lead to regional political instability (Jordan 2011). For its application, QCA includes defining a particular result of interest, coupled with circumstances theorized to impact that outcome. After then, the information gathered from various cases – in this example, West African countries – will be tallied and quantified for every cause condition and result that is being examined. Finally, patterns in the resultant data array are found to highlight factors that favor the desired outcome, which in this instance is a destabilized political system.

In order to appropriately identify cases and examine them with respect to the existence of factors influencing the intended result, it is necessary to accurately describe what a destabilized political system in a West African country is as per this study. For the purpose of this article, socio-political destabilization is expressed not only through large-scale political unrest, ethnic clashes, significant civil unrest or war, as well as coups d'état that lead to regime change. These specific features were chosen as illustrations; rather, they are consistent with the government's fundamental responsibility to protect the lives and property of its citizens. Events such as political unrest, ethnic conflict, large-scale civil unrest, and coup d'états frequently result in property destruction and fatalities, weakening the government's fundamental mission and destabilizing it.

We also note that, as stated in this article, socio-political destabilization results from the cumulative effect of such variables as acts of violent extremism and terrorism, coups, civil wars, ethnic conflicts,

² The handbook of journalism studies / Ed. by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. L.: Routledge, 2009.

or the unconstitutional removal or assassination of the prime minister or president of a country. Because civil wars and ethnic strife cause widespread political violence, large numbers of casualties, as well as destruction of infrastructure, they may be regarded as significant factors in the destabilization of political systems. Further aggravating political instability are regime shifts brought about by coup d'états or unlawful removals, which weaken state legitimacy and cause governance frameworks to collapse.

To sum up, the study's target result is a destabilized political regime in a West African country, which is typified by significant political unrest, ethnic conflicts, widespread civil unrest or warfare, and coups that lead to regime shifts. This study intends to provide light on the intricate dynamics of socio-political instability in the area and suggest possible directions for intervention and conflict resolution by analyzing the casual variables that contributed to this result, notably civil war, ethnic strife, and regime shift.

To achieve the goals of this study and in relation to West Africa, six criteria have been determined as probable causative variables for political regime instability. They include the resource curse, weak political institutions/the government model, ethnic conflict, youth unemployment, violent extremism, and terrorism. Regarding Jordan (Jordan 2011), by considering the unique environment and the interactions between different components, the QCA approach allows a comprehensive understanding of the several paths via which regime instability may arise.

First of all, there are important causative factors that lead to political regime instability in West Africa, including weak political institutions and faulty governance models. Governmental systems' efficacy and legitimacy are threatened by structural flaws such as corruption, a lack of transparency, and inefficiency. Although social cohesion and political stability are weakened by these flaws, which can lead to an accumulation of power, an unequal distribution of resources, and essentially bad governance, political instability is that which has caused a major successful political revolution. The political stability of West Africa is then seriously threatened by high rates of young unemployment. Young people who are economically disadvantaged get more involved in criminal activity, social unrest, and demonstrations. The inability to find possibilities for productive work feeds inequality and weakens public confidence in public institutions. Furthermore, historical grudges, rivalry for resources, and feelings of marginalization causes ethnic strife, which is a serious danger to political stability in West Africa. Rapid escalation of tensions between ethnic groups can result in bloodshed, evictions, and societal divides. Furthermore, the spread of terrorism and violent extremism jeopardizes political stability in West Africa and

jeopardizes the safety of civilian populations and governments. Extremist organizations attack government agencies, widen social gaps, and impede overall progress in the economy. Political instability is further exacerbated and national sovereignty is compromised by outside meddling in the internal affairs of West African nations. Intra-national disputes can be exacerbated and attempts to establish democratic government hampered by external interference, whether they are diplomatic, economic, or military. Also, the phenomenon known as the “resource curse” might contribute to political unrest in West African nations endowed with abundant natural resources, which in turn causes poor economic outcomes and governance issues. Natural resource extraction dependency may weaken institutional capacity, distorts economies, and encourages corruption.

For this study, if the confluence of any of the above factors leads to a total overhaul of the political system, then we can say that there is an outcome of political instability.

There has been political instability, unrest, or turbulence of some type in several countries of West Africa lately. Benin has experienced political instability due to a variety of factors, including hard-fought elections and periods of authoritarian rule. Furthermore, Burkina Faso had political unrest and regime transitions, such as the Burkinabe Revolution that resulted in President Blaise Compaoré’s removal in 2014 and subsequent coups and coup attempts [Исаев и др. 2022]. Moreover, Côte d’Ivoire has experienced political turmoil and violence, such as an ethnic conflict and civil war in the early 2000s, which was connected to institutional issues with governance [Aubyn 2021]. Guinea has a past marked by numerous coups, civil turmoil, and authoritarian government. Liberia has seen substantial political unrest, including a civil war that lasted for 10 years and governance issues, which raises the possibility that the study of different forms of governance as destabilizing elements might be relevant. In addition, political unrest, including insurgencies, coupvolutions and coups, has occurred in Mali and Niger, especially in recent years [Fain et al. 2024; Коротаев и др. 2023]. There have been times of political unrest in these two West African nations, including military takeovers and contentious elections [Aubyn 2021]. In fact, after coupvolutions and coups that occurred in all three countries in 2020–2023, Niger Burkina Faso and Mali all declared their desire to officially exit the ECOWAS (the Economic Community of West African States).

The governance issues that Ghana and Nigeria have faced – corruption, ethnic conflict, and insurgency, for example – may be important to comprehending the region’s political unrest. Ghana’s democratic system is rather stable, although it has sometimes had difficulties and

controversies in its administration, which might have an impact on the political stability of West African countries.

Again, political instability, including civil war and governance issues, has also been experienced by Sierra Leone, Togo, and Guinea-Bissau, indicating possible links to governance model components. Their experience with political upheaval and competitive elections suggests that they may be relevant to the study of governance model types as elements that contribute to instability [Коротаев и др. 2022]. The countries in question are deemed suitable for this research due to their past political instability, which has been typified by military takeovers, political killings, and flaws within their political institutions. And lastly, when longstanding leader Yahya Jammeh was overthrown in 2017, the Gambia had a dramatic political shift in their system in the last couple of years.

All things considered, these nations have seen differing degrees of political instability and difficulties with governance, which might be impacted by elements specific to their particular socio-cultural and political environments. In the paragraphs that follow, further empirical analysis using QCA would provide deeper understandings of the particular combinations of elements that lead to the destabilization of political regimes in West Africa. The method's logic is not probabilistic; that is, it does not take into account the likelihood that few or many cases will exhibit particular characteristics.

After gathering data, we dive further into the qualitative comparative analysis technique to identify the intricate web of factors contributing to the instability of political regimes in West Africa. By applying Crisp-set Qualitative Comparative Analysis (csQCA) and incorporating knowledge from data collecting techniques, causal conditionality, and case selection, this research offers an analysis of the complex variables affecting political regimes stability in West Africa. Essentially, several values may be explored for every variable in csQCA, which broadens the scope of current QCA techniques and makes it easier to examine causative combinations in greater depth. csQCA, which builds on the equifinality principle, offers a flexible analytical framework that recognizes the many ways that regime instability manifests itself in various West African contexts.

The raw data table show whether variables are present or absent and how they affect political instability in West African nations. Providing the basis for the analysis is the primary purpose of the first table containing the raw data in Qualitative Comparative Analysis (QCA). Information on the existence or lack of particular conditions or characteristics across several cases – in this example, countries – is often included in this raw data table. Every column denotes a condition or factor that is being looked at, and every row represents a case.

In Table 1 below we encapsulate the above data in a table to help form a structured presentation of the data gathered. At a glance the table juxtaposes the causal conditionalities outlined above with corresponding reports from reputable sources inter alia the World Bank, International Labor Organization, Institute of Economics and Peace, etc.

Table 1

Raw data for QCA analysis

Country	Weak Political Institutions (World Bank, 2023)	Youth Unem- ployment (%) (ILO, 2024)	Ethnic Conflicts (UCDP, 2010–2023) Deaths	Terrorism Incidents (Global Terrorism Index, 2020)	External Interference (ACLED, 2020)	Resource Curse? Challenges (NRGI, 2020)
Nigeria	–1,07	10,27	48985 (High)	8,314	Moderate	53 (High)
Ghana	–0.10	7,92	17 (Low)	1,743	Low	69 (Low)
Mali	–0.84	3,11	11588 (High)	7,099	High	53 (High)
Burkina Faso	–0.47	7,44	6755 (High)	6,755	Moderate	59 (High)
Côte d’Ivoire	–0.73	5,40	1413 (High)	1,945	Low	55 (High)
Senegal	–0.29	6,22	69 (Low)	0,391	Low	75 (Low)
Guinea	–1.13	7,03	186 (Moderate)	0,41	Moderate	62 (Low)
Sierra Leone	–0.92	3,6	0 (Low)	0,229	Low	46 (High)
Liberia	–1,01	2,35	0 (Low)	0,191	Moderate	44 (High)
The Gambia	–0,62	10,29	0 (Low)	0,000	Low	N/A
Togo	–0,89	6,91	63 (Low)	0,000	Low	N/A
Benin	–0,53	4,20	43 (Low)	0,663	Low	N/A
Niger	–0,64	1,07	4373 (High)	5,617	Moderate	54 (High)
Guinea- Bissau	–1,24	4,13	0 (Low)	0,000	High	N/A

The next stage of the QCA analysis is the Dichotomized Set. For further clarity, Table 2 below shows the dichotomized information from Table 1 above.

Table 2

Dichotomized Information from Raw Data

<i>Country</i>	<i>Weak Political Institutions/ Governance Model</i>	<i>Youth Unemployment</i>	<i>Ethnic Conflict</i>	<i>Violent Extremism/ Terrorism</i>	<i>External Interference</i>	<i>Resource Curse</i>	<i>Political Instability</i>
Benin	1	0	0	1	1	0	0
Burkina Faso	0	1	1	1	1	1	1
Côte d'Ivoire	1	1	1	0	0	1	1
Guinea	1	1	1	0	0	0	1
Liberia	1	0	0	0	1	1	0
Mali	1	0	1	1	1	1	1
Niger	1	0	1	1	1	1	1
Nigeria	1	1	1	1	1	1	1
Ghana	0	1	0	0	1	0	0
Sierra Leone	1	0	1	0	0	1	0
Togo	1	1	0	0	0	0	0
Guinea-Bissau	1	1	0	0	1	0	0
The Gambia	1	1	0	0	0	0	1
Senegal	0	1	0	0	1	0	0

The table provides a structured overview of the presence (1) or absence (0) of different factors that have contributed to regime destabilization across the selected West African countries based on the raw data evaluated.

QCA shown the following results:

Result(s):				
weakpolinsti *		weakpolinsti *	WEAKPOLINSTI *	WEAKPOLINSTI *
YOUTHUNEMP	WEAKPOLINSTI *	YOUTHUNEMP *	YOUTHUNEMP *	YOUTHUNEMP *
* terrorism *	youthunemp *	ETHNICCONFLICT	ETHNICCONFLICT	ETHNICCONFLICT
extinflu *	ETHNICCONFLICT	* TERRORISM *	* terrorism *	* TERRORISM *
resourcecurse	* TERRORISM *	extinflu *	extinflu *	EXTINFLU *
+	resourcecurse	+	RESOURCECURSE	RESOURCECURSE
			+	
(Côte d'Ivoire+The Gambia)	(Mali+Niger)	(Burkina Faso)	(Guinea)	(Nigeria)

Thus, as follows from the above analysis, for countries with an increased level of socio-political instability (outcome coded 1), a key role in the instability processes was played by a combination of factors such as weak political institution, youth unemployment, terrorism and resource curse. At the same time, for such countries as Côte d'Ivoire, The Gambia, Burkina Faso, Guinea and Nigeria, the factor of external influence is important as well. Ethnic conflict variable demonstrated its influence for Mali, Niger, Burkina Faso, Guinea and Nigeria.

Conclusion

From the above it can generally be inferred that socio-political instability in West African countries may be caused mainly by weak political institutions, youth unemployment, spread of terrorism, ethnic conflicts as well as by institutional elements including accountability, deficient governance frameworks, and corruption. Citizens' faith in the government may be undermined when institutions are not operating efficiently or are being used for personal advantage. Protests, coups d'état, and political instability may flourish as a result. Furthermore, institutional flaws might facilitate foreign players' meddling in domestic politics, further undermining the stability of the government. Political regimes of West African countries have been shown to be significantly unstable by economic variables like income disparity and unemployment. Income inequality and high unemployment rates can also act as drivers of socio-political instability by triggering a subjective feeling of unhappiness.

This article also shows that, despite factors that predispose Ghana to certain types of instability, it maintains a high record of stability due to a developed network of media, a working system of informing the population about the consequences of terrorism and methods of

recruitment to good governance, an effective security sector with a long history of international peacekeeping, and successful initiatives to establish interreligious and ethnic dialogue. In addition, in this case it is worth mentioning the traditionalist system of society, as well as a developed network of family and community ties, which can serve as a kind of stabilizing factor.

For future research, it appears reasonable to take into account more directly the “youth bulge” factor (including its operationalization through the median age), as well as to consider such indicators as, for example, the level of urbanization, share of population with formal modern education or extremely low values of per capita GDP [Korotayev, Shulgin et al. 2023; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b; Ustyuzhanin et al. 2022a, Ustyuzhanin et al. 2023c), which is very relevant for West Africa in general, and its Sahel zone in particular.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 г. при поддержке гранта РФФ № 24-18-00650.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University in 2024 with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

Литература

- Зинькина, Коротаев 2022a – *Зинькина Ю.В., Коротаев А.В.* К прогнозированию некоторых структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Восточной и Южной Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Волгоград: Учитель, 2022. Т. 13. С. 363–402. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_10.
- Зинькина, Коротаев 2022b – *Зинькина Ю.В., Коротаев А.В.* К прогнозированию некоторых структурно-демографических рисков социально-политической дестабилизации в странах Северной и Западной Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Волгоград: Учитель, 2022. Т. 13. С. 322–362. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_10.

- Исаев и др. 2022 – *Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А.* Влияние «арабской весны» на «черную весну» в Буркина-Фасо // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 1. С. 98–109.
- Коротаев и др. 2022 – *Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Медведев И.Д., Слав М.* Типы политических режимов и революционной дестабилизации в XXI в. // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 4. С. 9–65. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-9-65.
- Коротаев и др. 2023 – *Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 316–331. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331.
- Adejumobi 2016 – *Adejumobi S.* Region-building in West Africa // Region-building in Africa / Ed. by D.H. Levine, D. Nagar. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 213–230. DOI: 10.1057/9781137586117_13.
- Ajayi, Crowder 1971 – History of West Africa / Ed. by J.F. Ajayi, M. Crowder. Vol. 1. L.: Longmans, 1971. 649 p.
- Amoah 2020 – *Amoah P.A.* Examining attitudes towards welfare in an in/security regime: evidence from Ghana // Social policy and society. 2020. Vol. 19. No. 4. P. 661–676.
- Aning, Abdallah, 2013 – *Aning E.K., Abdallah M.* Islamic radicalization and violence in Ghana // Militancy and violence in West Africa / Ed. by J. Gow et al. L.: Routledge. P. 90–124.
- Aubyn 2021 – *Aubyn F.K.* The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa: Assessing Ghana's vulnerabilities, resilience and responses // Conflict trends. 2021. Vol. 3. P. 14–21.
- Besenyő et al. 2024 – *Besenyő J., Issaev L., Korotayev A.* Introduction: terrorism and political contention in North Africa and the Sahel region // Terrorism and political contention. New perspectives on North Africa and the Sahel region / Ed. by J. Besenyő, et al. Cham: Springer Nature, 2024. P. 1–17. DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_1.
- Boafo-Arthur 2008 – *Boafo-Arthur K.* Democracy and stability in West Africa: The Ghanaian experience. Uppsala, 2008. URL: <https://nai.diva-portal.org/smash/get/diva2:279373/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения 26.02.2024).
- Burimaso 2013 – *Burimaso A.* Political leadership crisis in the post-colonial African states: The case of the Democratic Republic of Congo (DRC). Johannesburg: Wits University, 2013. 75 p.
- Fain et al. 2024 – *Fain E., Issaev L. and Korotayev A.* Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel // Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region / Ed. by L. Besenyő, A. Issaev, A. Korotayev. Cham: Springer Nature, 2024. P. 133–150. DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_1.
- Goldstone 2002 – *Goldstone J.* Population and security: how demographic change can lead to violent conflict // Journal of International Affairs. 2002. Vol. 56. No. 1. P. 3–22.

- Ikelegbe 2020 – *Ikelegbe A.* Youth bulge and West Africa: Understanding dispute triggers and conflict prevention // Preventive diplomacy, security, and human rights in West Africa / Ed. by O. Akiba. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 77–105.
- Jallow 2014 – *Jallow B.G.* Leadership in postcolonial Africa: an introduction // Leadership in postcolonial Africa / Ed. by B.G. Jallow. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 1–25. DOI: 10.1057/9781137478122_1.
- Jordan 2011 – *Jordan E., Gross M. E., Javernick-Will A.N., Garvin M.J.* Use and misuse of qualitative comparative analysis // Construction management and economics. 2011. Vol. 29. No. 11. P. 1159–1173.
- Julius et al. 2023 – *Julius M.E., Edouard T.K., Ongeh N.J. et al.* Political instability and HIV/AIDS response in the South West and North West region of Cameroon: a qualitative study / M.E. Julius, T.K. Edouard, N.J. Ongeh, A.N. Agbornkwai, O.A. Amadeus, I. Esa, K.E. Mekolle, N.A. Forbinake, C.N. Nkfusai, P.N. Atanga. N.Y.: Center for Open Science, 2023. 40 p.
- Korotayev, Issaev et al. 2013 – *Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A.* Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring events // Central European Journal of International and Security Studies. 2013. Vol. 7. No. 4. P. 28–58.
- Korotayev, Issaev et al. 2014 – *Korotayev A., Issaev L., Shishkina A.* The Arab spring: a quantitative analysis // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. No. 2. P. 149–169. DOI: 10.13169/arabstudquar.36.2.0149.
- Korotayev, Malkov et al. 2014 – *Korotayev A., Malkov S., Grinin L.* A trap at the escape from the trap? Some demographic structural factors of political instability in modernizing social systems // History & Mathematics / Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotayev. Volgograd, 2014. P. 201–267.
- Korotayev et al. 2020 – *Korotayev A., Medvedev I., Slinko E., Shulgin S.* The effectiveness of global systems for monitoring sociopolitical instability: a systematic analysis // Sociologicheskoe obozrenie. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 143–197. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-143-197.
- Korotayev, Meshcherina et al. 2019 – *Korotayev A., Meshcherina K., Katkova V.* Arab Spring and its echo in Sub-Saharan Africa: a quantitative analysis // Aziya i Afrika segodnya. 2019. No. 1. P. 17–24. DOI: 10.31857/S032150750003339.
- Korotayev, Romanov et al. 2023 – *Korotayev A., Romanov D., Zinkina J., Slav M.* Urban youth and terrorism: a quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?) // Political Studies Review. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 550–574. DOI: 10.1177/14789299221075908.
- Korotayev, Shulgin et al. 2023 – *Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L.* Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures // Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome / Ed. by V. Sadovnichy. Cham Springer 2023. P. 461–490. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_20.
- Korotayev, Ustyuzhanin et al. 2022 – *Korotayev A.V., Ustyuzhanin V.V., Zinkina J.V. et al.* On the mathematical modeling of the political and demographic future of Africa /

- A.V. Korotayev, V.V. Ustyuzhanin, J.V. Zinkina, S.G. Shulgin, L.E. Grinin // *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*. Volgograd: Uchitel', 2022. Vol. 13. P. 271–321. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.
- Korotayev, Zinkina 2015 – *Korotayev A., Zinkina J.* East Africa in the Malthusian trap? // *Journal of Developing Societies*. 2015. Vol. 31. No. 3. P. 385–420. DOI: 10.1177/0169796X15590322.
- Kostelyanets 2016 – *Kostelyanets S.V.* Terrorism in Africa: features, trends and prospects // *Paths to Peace and Security*. 2016. Vol. 51. No. 2. P. 101–113.
- Kostin, Korotayev 2024 – *Kostin M., Korotayev A.* USAID democracy promotion as a possible predictor of revolutionary destabilization // *Comparative Sociology*. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 240–278. DOI: 10.1163/15691330-bja10102.
- Kumi 2022 – *Kumi E.* Pandemic democracy: the nexus of COVID-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana // *Democratization*. 2022. Vol. 29. No. 5. P. 939–957.
- Madubuegwu et al. 2021 – *Madubuegwu C.E., Ibekaku U.K., Dominic O.E.* Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis // *Nigerian Journal of Social Development*. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 37–53.
- Moller 1968 – *Moller H.* Youth as a force in the modern world // *Comparative studies in society and history*. 1968. Vol. 10. No. 3. P. 237–260.
- Nsaibia, Weiss 2020 – *Nsaibia H., Weiss C.* The end of the Sahelian anomaly: how the global conflict between the Islamic State and al-Qaida finally came to West Africa // *CTC Sentinel*. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 1–14.
- Salihu 2016 – *Salihu N.* The colonial legacy of civil-military relations and democratic stability in West Africa // *Conflict Trends*. 2016. No. 4. P. 50–56.
- Sawyer et al. 2022 – *Sawyer P., Romanov D., Slav M., Korotayev A.* Urbanization, the youth, and protest: a cross-national analysis // *Cross-Cultural Research*. 2022. Vol. 56. No. 2–3. P. 125–149. DOI: 10.1177/106939712111059762.
- Straussberger 2022 – *Straussberger J.* Entangled political histories of 20th-century West Africa: the case of Guinean exile networks // *Journal of Global History*. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 477–495.
- Ugal et al. 2011 – *Ugal G.A., Eucharia N.N., Francis A.U.* Youth unemployment and its consequences in Calabar metropolis: need for government intervention // *Global Journal of Social Sciences*. 2011. Vol. 10. No. 1–2. P. 75–82.
- Ustyuzhanin, Korotayev 2023a – *Ustyuzhanin V., Korotayev A.* Education and revolutions. Why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? // *Cross-Cultural Research*. 2023. Vol. 57. No. 4. P. 352–390. DOI: 10.1177/10693971231162231.
- Ustyuzhanin, Korotayev 2023b – *Ustyuzhanin V., Korotayev A.* Revolutions and democracy. Can democracies prevent revolutionary armed violence? // *Comparative Sociology*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 95–137. DOI: 10.1163/15691330-bja10073.
- Ustyuzhanin et al. 2022a – *Ustyuzhanin V.V., Sumernikov E.A., Grinin L.E., Korotayev A.V.* Urbanization and revolutions: a quantitative analysis // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8.

- Ustyuzhanin et al. 2023c – *Ustyuzhanin V., Zinkina J., Korotayev A.* Dangerous youth: why do political uprisings take an unarmed form? // *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2023. No. 5. P. 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8.
- Wandusim 2015 – *Wandusim M.F.* Christian-Muslim relations in Ghana: the role of the youth // *Journal of advocacy, research and education*. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 223–230.
- Whitfield 2003 – *Whitfield L.* Civil society as idea and civil society as process: The case of Ghana // *Oxford Development Studies*. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 379–400.

References

- Adejumobi, S. (2016), “Region-building in West Africa”, in Levine, D.H. and Nagar, D., eds. *Region-Building in Africa*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. 213–230. DOI: 10.1057/9781137586117_13.
- Ajayi, J.F. and Crowder, M., eds. (1971), *History of West Africa*, vol. 1, Longmans, London, UK.
- Amoah, P.A. (2020), “Examining attitudes towards welfare in an in/security regime: evidence from Ghana”, *Social policy and society*, vol. 19, no. 4, pp. 661–676.
- Aning, E.K. and Abdallah, M. (2013), “Islamic radicalization and violence in Ghana”, in Gow, J., et al., eds., *Militancy and violence in West Africa*, Routledge, London, UK, pp. 90–124.
- Aubyn, F.K. (2021), “The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa: assessing Ghana’s vulnerabilities, resilience and responses”, *Conflict trends*, vol. 3, pp. 14–21.
- Besenyő, J., Issaev, L. and Korotayev, A. (2024), “Introduction: terrorism and political contention in North Africa and the Sahel region”, in Besenyő, J. et al., eds., *Terrorism and political contention. New perspectives on North Africa and the Sahel region*, Springer Nature, Cham, Switzerland, pp. 1–17, DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_1.
- Boafo-Arthur, K. (2008), Democracy and stability in West Africa: The Ghanaian experience, available at: <https://nai.diva-portal.org/smash/get/diva2:279373/FULLTEXT01.pdf> (Accessed 26 Feb. 2024).
- Burimaso, A. (2013), *Political leadership crisis in the post-colonial African states: The case of the Democratic Republic of Congo (DRC)*, Wits University, Johannesburg, South Africa.
- Fain, E., Issaev, L. and Korotayev, A. (2024), “Coupvolution as a Mechanism of Regime Change in the Sahel”, in J. Besenyő, L. Issaev, A. Korotayev, eds., *Terrorism and Political Contention. New Perspectives on North Africa and the Sahel Region*, Springer Nature, Cham, Switzerland, pp. 133–150, DOI: 10.1007/978-3-031-53429-4_1.
- Goldstone, J. (2002), “Population and security: how demographic change can lead to violent conflict”, *Journal of International Affairs*, vol. 56, no. 1, pp. 3–22.

- Ikelegbe, A. (2020), "Youth bulge and West Africa: Understanding dispute triggers and conflict prevention", in Akiba, O., ed., *Preventive diplomacy, security, and human rights in West Africa*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 77–105.
- Issaev, L.M., Korotayev, A.V. and Bobarykina, D.A. (2022), "Impact of the Arab Spring on the Black Spring in Burkina Faso", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. No. 1, pp. 98–109.
- Jallow, B.G. (2014), "Leadership in postcolonial Africa: an introduction", in Jallow, B.G., ed., *Leadership in postcolonial Africa*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. 1–25, DOI: 10.1057/9781137478122_1.
- Jordan, E., Gross, M.E., Javernick-Will, A.N. and Garvin, M.J. (2011), "Use and misuse of qualitative comparative analysis", *Construction management and economics*, vol. 29, no. 11, pp. 1159–1173.
- Julius, M.E., Edouard, T.K., Ongeh, N.J., Agbornkwai, A.N., Amadeus, O.A., Esa, I., Mekolle, K.E., Forbinake, N.A., Nkfusai, C.N. and Atanga, P.N. (2023), *Political instability and HIV/AIDS response in the South West and North West region of Cameroon: a qualitative study*, Center for Open Science, New York, USA.
- Korotayev, A., Grinin, L., Medvedev, I. and Slav, M. (2022), "Political regime types and revolutionary destabilization risks in the 21st century", *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 21, no. 4, pp. 9–65, DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-9-65.
- Korotayev, A., Issaev, L., Malkov, S. and Shishkina, A. (2013), "Developing the methods of estimation and forecasting the Arab Spring events", *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 28–58.
- Korotayev, A., Issaev, L. and Shishkina, A. (2014), "The Arab spring. A quantitative analysis", *Arab Studies Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 149–169, DOI: 10.13169/arab-studquar.36.2.0149.
- Korotayev, A., Issaev, L. and Shishkina, A. (2023), "Factors of socio-political stability in Ghana", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 316–331, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331.
- Korotayev, A., Malkov, S. and Grinin, L. (2014), "A trap at the escape from the trap? Some demographic structural factors of political instability in modernizing social systems", in Grinin, L.E. and Korotayev, A.V., eds., *History & Mathematics*, vol. 4, pp. 201–267.
- Korotayev, A., Medvedev, I., Slinko, E. and Shulgin, S. (2020), "The effectiveness of global systems for monitoring sociopolitical instability: a systematic analysis", *Sociologicheskoe Obozrenie*, vol. 19, no. 2, pp. 143–197, DOI: 10.17323/1728-192x-2020-2-143-197.
- Korotayev, A., Meshcherina, K. and Katkova, V. (2019), "Arab Spring and its echo in Sub-Saharan Africa. A quantitative analysis", *Aziya i Afrika segodnya*, no. 1, pp. 17–24, DOI: 10.31857/S032150750003339.
- Korotayev, A., Romanov, D., Zinkina, J. and Slav, M. (2023), "Urban youth and terrorism. A quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?)", *Political Studies Review*, vol. 21, no. 3, pp. 550–574, DOI: 10.1177/14789299221075908.

- Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J. and Grinin, L. (2023), "Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures", in Sadovnichy, V., eds., *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Springer, Cham, Switzerland, pp. 461–490. DOI: 10.1007/978-3-031-34999-7_20.
- Korotayev, A.V., Ustyuzhanin, V.V., Zinkina, J.V., Shulgin, S.G. and Grinin, L.E. (2022), "On the mathematical modeling of the political and demographic future of Africa", in *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], Uchitel', Volgograd, Russia, vol. 13, pp. 271–321, DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.
- Korotayev, A. and Zinkina, J. (2015), "East Africa in the Malthusian trap?", *Journal of Developing Societies*, vol. 31, no. 3, pp. 385–420, DOI: 10.1177/0169796X15590322.
- Kostelyanets, S.V. (2016), "Terrorism in Africa. Features, trends and prospects", *Paths to Peace and Security*, vol. 51, no. 2, pp. 101–113.
- Kostin, M. and Korotayev, A. (2024), "USAID democracy promotion as a possible predictor of revolutionary destabilization", *Comparative Sociology*, vol. 23, no. 2, pp. 240–278, DOI: 10.1163/15691330-bja10102
- Kumi, E. (2022), "Pandemic democracy: the nexus of Covid-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana", *Democratization*, vol. 29, no. 5, pp. 939–957.
- Madubuegwu, C.E., Ibekaku, U.K. and Dominic, O.E. (2021), "Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis", *Nigerian Journal of Social Development*, vol. 10, no. 1, pp. 37–53.
- Moller, H. (1968), "Youth as a force in the modern world", *Comparative studies in society and history*, vol. 10, no. 3, pp. 237–260.
- Nsaibia, H. and Weiss, C. (2020), "The end of the Sahelian anomaly: how the global conflict between the Islamic State and al-Qaida finally came to West Africa", *CTC Sentinel*, vol. 13, no. 7, pp. 1–14.
- Salihu, N. (2016) "The colonial legacy of civil-military relations and democratic stability in West Africa", *Conflict Trends*, no. 4, pp. 50–56.
- Sawyer, P., Romanov, D., Slav, M. and Korotayev, A. (2022), "Urbanization, the youth, and protest. A cross-national analysis", *Cross-Cultural Research*, vol. 56, no. 2–3, pp. 125–149, DOI: 10.1177/10693971211059762.
- Straussberger, J. (2022), "Entangled political histories of twentieth-century West Africa: The case of Guinean exile networks", *Journal of Global History*, vol. 17, no. 3, pp. 477–495.
- Ugal, G.A., Eucharia, N.N. and Francis, A.U. (2011), "Youth unemployment and its consequences in Calabar metropolis: need for government intervention", *Global Journal of Social Sciences*, vol. 10, no. 1–2, pp. 75–82.
- Ustyuzhanin, V. and Korotayev, A. (2023), "Education and revolutions. Why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms?", *Cross-Cultural Research*, vol. 57, no. 4, pp. 352–390, DOI: 10.1177/10693971231162231.

- Ustyuzhanin, V. and Korotayev, A. (2023), "Revolutions and democracy. Can democracies prevent revolutionary armed violence?", *Comparative Sociology*, vol. 22, no. 1, pp. 95–137, DOI: 10.1163/15691330-bja10073.
- Ustyuzhanin, V.V., Sumernikov, E.A., Grinin, L.E. Korotayev, A.V. (2022), "Urbanization and Revolutions. A Quantitative Analysis", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 10, pp. 85–95, DOI: 10.31857/S013216250018478-8.
- Ustyuzhanin, V., Zinkina, J. and Korotayev, A. (2023), "Dangerous youth. Why do political uprisings take an unarmed form?", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 82–96, DOI: 10.31857/S013216250025805-8.
- Wandusim, M.F. (2015), "Christian-Muslim relations in Ghana: the role of the youth", *Journal of advocacy, research and education*, vol. 4, no. 3, pp. 223–230.
- Whitfield, L. (2003), "Civil society as idea and civil society as process: The case of Ghana", *Oxford Development Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 379–400.
- Zinkina, J.V. and Korotayev, A.V. (2022), "Forecasting some demographic structural risks of socio-political destabilization in the countries of Eastern and Southern Africa", in *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], Uchitel', Volgograd, Russia, vol. 13, pp. 363–402, DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_11.
- Zinkina, J. and Korotayev A. (2022), "Forecasting some demographic structural risks of socio-political destabilization in the countries of Northern and Western Africa", in *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], Uchitel', Volgograd, Russia, vol. 13, pp. 322–362, DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_10.

Information about the authors

Alisa R. Shishkina, HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; ashishkina@hse.ru

Japheth Bondzie Appah, HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; dappakh@edu.hse.ru

Andrei V. Korotayev, HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 30/1 Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; akorotaev@hse.ru

Сведения об авторах

Алиса Р. Шишкина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; ashishkina@hse.ru

Джафет Бондзи Аппах, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; dappakh@edu.hse.ru

Андрей В. Коротаев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; akorotaev@hse.ru

Дискурс противостояния
Мохаммеда Реза-шаха и аятоллы Хомейни
в Иране в 1978–1979 гг.

Никита А. Филин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, n.filin@rggu.ru*

Эрадж Б. Боев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, ebboev@lunp.ru*

Александр С. Ходунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nalin13s@mail.ru*

Аннотация. Исламская революция в Иране считается одним из важнейших политических событий второй половины XX в. Она была достаточно неожиданной, так как режим шаха казался очень стабильным и экономически успешным. Революцию возглавило консервативное шиитское духовенство во главе с Хомейни. Противостояние между режимом шаха и движением аятоллы Хомейни началось еще с начала 1960-х гг., а в 1978–1979 гг. вступило в наиболее ожесточенную фазу, что сопровождалось конфликтным дискурсом с обеих сторон. Хомейни занимал непримиримую позицию по отношению к шаху и критиковал каждое его действие, называя его преступником и борцом против ислама. Шах, в свою очередь, пытался укрепить свою легитимность среди верующих иранцев и говорил, что оказывает покровительство исламу. Однако большинство иранских мусульман активно поддержало Хомейни, который обладал гораздо большим авторитетом и популярностью. В результате противостояния шах не выдержал напряжения и уехал из страны, а власть перешла к Хомейни. Шах после изгнания в интервью американским СМИ заявлял о том, что именно он по-настоящему заботился о своей стране, в то время как Хомейни хочет стереть ее историю и не собирается развивать Иран.

Ключевые слова: Иран, Мохаммад Реза Пехлеви, Рухолла Хомейни, революция, речь, протест, дискурс-анализ

Для цитирования: Филин Н.А., Боев Э.Б., Ходунов А.С. Дискурс противостояния Мохаммеда Реза-шаха и аятоллы Хомейни в Иране в 1978–1979 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 35–48. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-35-48

The discourse of the confrontation between Mohammad Reza Shah and Ayatollah Khomeini in Iran in 1978–1979

Nikita A. Filin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, n.filin@rggu.ru*

Eradzh B. Boev

*Linguistic University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, ebboev@lunn.ru*

Aleksandr S. Khodunov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, nalim13s@mail.ru*

Abstract. The Islamic Revolution in Iran is considered one of the most important political events of the second half of the 20th century. It was quite unexpected, since the Shah's regime seemed very stable and economically successful. The revolution was led by the conservative Shiite clergy led by Khomeini. The confrontation between the Shah's regime and the movement of Ayatollah Khomeini began in the early 1960s, and in 1978–1979 entered the most violent phase, which was accompanied by conflict discourse on both sides. Khomeini took an irreconcilable position towards the Shah and criticized his every action, calling him a criminal and a fighter against Islam. The Shah, in turn, tried to strengthen his legitimacy among Iranian believers and said that he was providing patronage to Islam. However, the majority of Iranian Muslims actively supported Khomeini, who had much greater authority and popularity. As a result of the confrontation, the Shah could not stand the tension and left the country, and power passed to Khomeini. After his expulsion, the Shah, in an interview with American media, claimed to be the one who truly cared about his country, while Khomeini wants to erase its history and is not going to develop Iran.

Keywords: Iran, Mohammad Reza Pahlavi, Ruhollah Khomeini, revolution, speech, protest, discourse analysis

For citation: Filin, N.A., Boev, E.B. and Khodunov, A.S. (2024), "The discourse of the confrontation between Mohammad Reza Shah and Ayatollah Khomeini in Iran in 1978–1979", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 35–48, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-35-48

В 1978–1979 гг. в Иране произошли беспрецедентные по силе и масштабу демонстрации против шахской власти, закончившиеся свержением шаха и установлением исламского правления в феврале 1979 г. Необычность этой революции заключается в том, что она произошла не в период затяжного кризиса, как многие знаменитые революции XX в., а экономического бума, длившегося два десятилетия. Обе стороны – и шахская власть, и сторонники аятоллы Рухоллы Хомейни – использовали различные приемы и методы борьбы с целью очернить противника и добиться перехода основной массы народа на свою сторону. При этом число погибших в ходе этих революционных демонстраций было относительно небольшим, учитывая колоссальный размах выступлений. В отечественной и зарубежной научной литературе достаточно подробно исследованы истоки, ход Исламской революции и причины ее победы. Поэтому в данном исследовании эти вопросы будут освещены кратко, а основное внимание будет уделено особенностям противостояния шахского режима и движения аятоллы Хомейни, в том числе с использованием дискурс-анализа, в рамках которого будут рассмотрены высказывания Мохаммеда Реза-шаха и Хомейни друг о друге.

Вначале следует обратиться к причинам масштабности революционных выступлений в Иране. Прежде всего, стоит рассмотреть экономическую динамику в Иране в годы, предшествовавшие революции. С одной стороны, ВВП на душу населения рос исключительно быстрыми темпами, увеличившись за 1956–1976 гг. в 4,2 раза – с 2,5 до 10,7 тыс. долл. по паритету покупательной способности (2-е место в мире после Ливии среди стран с населением свыше 1 млн чел.). Учитывая, что и само население Ирана в тот период быстро росло, общий объем ВВП увеличивался еще более быстрыми темпами¹. С 1973 г. данный процесс был во многом связан с резким ростом цен на нефть, принесшим Ирану десятки миллиардов долларов. Это позволило вывести множество людей

¹ Maddison Project Database. 2020. November 2. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2020> (дата обращения 22.04.2021).

из состояния бедности и недоедания. С другой стороны, администрация Мохаммеда-Реза Пехлеви хоть и уделяла большое внимание экономическим реформам и особенно индустриализации и строительству транспортной инфраструктуры, но при этом не оказывала должного внимания сглаживанию диспропорций в развитии регионов и развитию социальной сферы. Поэтому рост экономики был очень неравномерным и приводил к росту неравенства доходов как в разрезе регионов, так и в разрезе города и деревни и даже богатых и бедных городских кварталов [Алиев 2004, с. 431–432]. Особенно ярко это было видно на примере Тегерана, где фешенебельные кварталы богатых жителей на севере резко контрастировали с трущобами на юге города, лишенными элементарных удобств. Это привлекло внимание аятоллы Хомейни, который обличал режим за отсутствие заботы о бедных и нищенское существование жителей трущоб [Жуков 1999, с. 99]. Неравенство само по себе порождало недовольство заметной части общества. Кроме того, из-за резко ускорившейся инфляции индекс стоимости жизни в Иране в 1970–1976 гг. вырос в 1,9 раза. Правительство в 1978 г. приняло меры по обузданию инфляции путем резкого сокращения бюджетных расходов и особенно расходов на строительство, в результате чего экономический рост резко замедлился и стал отставать от темпов роста населения. Это привело к росту протестных настроений в обществе, особенно среди городских рабочих, доходы которых в 1970-е гг. увеличивались значительно быстрее инфляции, а уже летом 1978 г. 400 тыс. рабочих стали безработными, а реальная зарплата остальных резко упала. Поэтому страну охватила волна забастовок [Abrahamian 1982, pp. 497, 509–512].

Другой очень важной причиной нестабильности был бурный демографический рост, особенно среди городской молодежи. Так, общая численность населения Ирана за 1956–1976 гг. увеличилась с 19 млн до 33,7 млн чел., или в 1,8 раза, а городское население при этом выросло в 2,6 раза и достигло 47% [Assari, Mahesh 2011, p. 152]. При этом особенно быстро росло число мигрантов, переезжавших из сельской местности в города. По одной из оценок, в городах Ирана с 1966 по 1975 г. сконцентрировалось 5 млн мигрантов из деревень, в основном молодых, которые были заняты в значительной степени неквалифицированным трудом и часто были недовольны своим положением, что означало очень большой потенциал для политической нестабильности [Скляр 1993, с. 169].

Третья важная причина дестабилизации заключалась в жестком авторитарном политическом режиме, который не устраивал иранскую интеллигенцию. В стране в конце 1970-х гг. существо-

вала единственная разрешенная партия (Растахиз). Также, по некоторым данным, шахская тайная полиция САВАК осуществляла репрессии против инакомыслящих, пытая, сажая в тюрьмы, а иногда и убивая видных оппозиционно настроенных иранцев [Алиев 2004, с. 435]. В этой связи даже со стороны главного союзника Ирана – США в лице администрации Дж. Картера – на шахский режим было оказано давление с целью его либерализации, после чего шах в 1977 г. пошел на определенные уступки (освобождение части политзаключенных, назначение более либерального премьера и др.), которые тем не менее не удовлетворили исламистскую оппозицию [Abrahamian 1982, pp. 500–501].

Противостояние между шахом и аятоллой Хомейни восходит еще к началу 1960-х гг. Еще в начале 1963 г. аятолла начал критиковать «Белую революцию» – серию модернизационных реформ, начатых шахской администрацией, утверждая, что они на самом деле разработаны для ослабления роли духовенства в обществе и попадания Ирана в зависимость от Запада. Хомейни советовал шаху изменить свою политику. В июне 1963 г. он по указанию монарха был арестован, а после освобождения возобновил борьбу против режима, обвинив его в национальном унижении страны из-за предоставления дипломатического иммунитета американским советникам в Иране. После этого мятежный аятолла был выслан из Ирана в Турцию (1964 г.), затем в следующем году переехал в Ирак, а в октябре 1978 г. переехал во Францию. Даже находясь в изгнании, аятолла старался реагировать на каждый значимый политический шаг шаха, осуждая его как врага ислама и народа. Так, он резко осудил торжества, посвященные 2500-летию монархии в Иране в 1971 г.: «Нам не нужно это празднование, мы голодны, положите конец голоду мусульманского народа, не пируйте на трупах людей». Его выступления тайно отправляли в Иран в виде аудиокассет. Яркой особенностью проповедей Хомейни стал их предельно негативный тон по отношению к шаху и абсолютно всем его мероприятиям, даже тем, которые были направлены на социально-экономическое развитие Ирана и либерализацию его политической системы (аятолла считал все это уловкой для обмана легковверных иранцев), а также отождествление монарха с самыми отрицательными персонажами в истории ислама: прежде всего – с халифом-тираном Язидом, который согласно шиитской традиции подло убил праведника и мученика Хусейна. Он провозгласил борьбу с шахским режимом религиозной обязанностью всех мусульман [Жуков 1999, с. 24–41].

Шах, со своей стороны, стремился перехватить инициативу у Хомейни и доказать иранцам, что его политика полностью соответ-

ствуется исламской религии, а взгляды оппозиционно настроенного духовенства представляют собой искажение истинного ислама. Для этого он начал ссылаться на исламские тексты для оправдания реформ, в частности аграрной реформы, предоставления равных прав женщинам и борьбы с неграмотностью. Однажды шах приехал в священный для иранцев город Кум и стал убеждать кумских духовных лидеров, что он безупречно соблюдает нормы ислама и стоит ближе к Богу, чем они. Подконтрольная шаху пресса утверждала, что духовенство не имеет права заниматься политикой и может только улучшать моральный облик общества. Это сопровождалось усилением преследования несогласных духовных лидеров [Дорошенко 1985, с. 125–131, 180–182].

В январе 1978 г. с подачи шахского двора в газете «Эттелаат» была опубликована статья, очерняющая Хомейни. Там говорилось, что он в молодости был английским агентом, а сейчас ведет порочный образ жизни и в тайном союзе с коммунистами старается разрушить достижения «Белой революции», а иранская монархия прославлялась как прогрессивная. Вместо ожидавшегося падения престижа Хомейни эта статья, наоборот, вызвала возмущение его сторонников и фактически спровоцировала начало революции. Кумские медресе и базары закрылись, и тысячи семинаристов и сторонников Хомейни вступили в столкновение с полицией, требуя свержения режима и введения новой конституции. На следующий день Хомейни приветствовал протестующих в Куме и «прогрессивное» духовенство, поблагодарив их за борьбу с «тиранией» в лице шахского режима, призвал к продолжению демонстраций и обвинил шаха в сотрудничестве с Америкой с целью разрушения ислама и экономики страны. Массовые демонстрации против шаха повторялись в течение всего 1978 г. во всех крупных городах Ирана, и в них помимо духовенства активно участвовали торговцы, ремесленники, представители среднего класса, а с лета – и рабочие. Их поддержали и ведущие светские оппозиционные партии, прежде всего Национальный фронт. Вначале шах предпочитал подавлять протесты с помощью военных и полицейских. Затем, увидев, что протестная волна все более усиливается, он был вынужден пойти на уступки: в июле 1978 г. шах отменил ограничительные меры против торговцев и мелких предпринимателей, разрешил прессе печатать объективную информацию о протестах, которые раньше представлялись как сборища хулиганов, заменил главу САВАК на умеренного генерала, обещал провести полностью свободные выборы в парламент и начать переговоры с некоторыми религиозными лидерами. Однако Хомейни не был этим удовлетворен и призвал народ продолжать

протестовать, пока режим не будет свергнут. После народного возмущения трагедией в кинотеатре «Рекс» в городе Абадан 20 августа, когда в пожаре погибли более 400 человек и родственники жертв обвинили в поджоге режим, шах был вынужден пойти на новые уступки, снова освободил сотни политзаключенных и заменил премьера Дж. Амузегара на Дж. Шарифа-Эмами, который дружил со многими аятоллами, в надежде на то, что ему удастся успокоить духовенство. Новый премьер сразу же принял ряд мер по усилению религии в обществе, в частности выпустил из тюрьмы многих представителей духовенства и запретил в Иране азартные игры. Однако вскоре массовые протесты возобновились с новой силой, и шах 7 сентября ввел военное положение и запретил все демонстрации. После массовых столкновений в Тегеране и других городах он сформировал военное правительство, назначив в ноябре премьером генерала Г. Азхари. Вскоре после этого шах опять пошел на уступки, освободив более тысячи заключенных (в том числе несколько известных аятолл), отменил цензуру СМИ, арестовал множество непопулярных высших чиновников и распустил партию Растахиз. В телевизионном выступлении шах заявил, что услышал голос революции и исправит прежние ошибки. Эти меры также не помогли: лозунги протестующих принимали все более радикальный и бескомпромиссный характер, а их количество в декабре, во время траурного дня Ашура, превысило 2 млн человек, что говорит о гораздо большей популярности Хомейни, чем шаха, среди иранских мусульман. Оппозиция во главе с Хомейни по-прежнему отвергала любые компромиссы с властью. Всеобщая забастовка осенью парализовала экономику. В конце концов шах начал переговоры с оппозицией, назначил премьером Ш. Бахтияра, которого за компромисс с шахом исключили из Национального фронта, и в итоге уехал из Ирана в январе 1979 г. Его отъезд праздновали сотни тысяч людей. В феврале в страну вернулся Хомейни, которого встретили около 3 млн восторженных иранцев. К тому времени центральное правительство потеряло контроль над страной, а власть в центральных провинциях перешла к комитетам Хомейни во главе с представителями духовенства. К 11 февраля 1979 г. Хомейни окончательно установил контроль над страной [Abrahamian 1982, pp. 505–529].

Впрочем, стоит упомянуть, что в Иране проходили и демонстрации в поддержку шаха. Одна из них прошла в декабре 1978 г., и в ней участвовали сотни тысяч людей в крупных городах страны. Это означало, что даже непосредственно перед падением режима у шаха сохранялось значительное число сторонников [Скляров 1993, с. 169].

Шах тем временем продолжал пытаться укрепить религиозную легитимацию своей власти, стараясь дискредитировать восставшее духовенство, и объявил себя главным покровителем и защитником шиизма. В интервью крупнейшим иранским СМИ, отвечая на вопрос о протестах духовенства, шах заявил, что сам он является убежденным мусульманином и как монарх обязан защищать не только территориальную целостность Ирана, но и шиитскую религию, и на этом пути добился многого: например, отстранил такие важнейшие шиитские святыни, как мавзолей имама Резы в Мешхеде и Шах-Чераг в Ширазе. Отвечая на вопрос о протестующих в целом и о массовых беспорядках, шах выразил свое возмущение ограблениями и поджогами банков и другого имущества, что нанесло стране огромный ущерб, и заявил, что он, несмотря на все это, не отступит от своего намерения даровать иранцам весь объем демократических свобод, которые существуют в развитых западных странах². В своем выступлении по случаю исламского праздника Ид-аль-Фитр шах выразил надежду, что Иран станет еще сильнее и сможет добиться еще большего экономического процветания и духовного роста, поскольку страна в своем развитии опирается на учение Корана и слова пророка Мухаммеда. Он также подчеркнул, что народ Ирана гордится своей исламской религией, а власти Ирана стремятся добиться единства мусульман всего мира, чтобы они могли успешно защищать ислам и права мусульман³.

Хомейни, комментируя желание шаха показать себя истинным защитником ислама, заявил, что он тем самым обманывает народ, а на самом деле борется с исламом: «В этот благословенный месяц рамазан продажные издания и радиоцентры, которые в течение всего года заняты распространением антирелигиозных материалов для обмана простаков, начинают транслировать призывы к молитве и сами молитвы. Однако народ, который знает о душераздирающих столах людей, подвергающихся пыткам, слышит плач матерей по погибшим сыновьям – этот народ не должен обманываться относительно сути этих лицемерных демонстраций религиозности» [Полищук 2017].

Касаясь основных причин победы Исламской революции, можно сказать, что одной из них, по данным исследователей, была

متن کامل مصاحبه شاهنشاه آریامهر با نمایندگان وسایل ارتباط جمعی ایران²
[Полный текст интервью шахиншаха с представителями иранских СМИ] // Эттелаат. 19 авг. № 15690.

شاهنشاه: دعا میکنیم مسلمانان در کنار یکدیگر باشند³
[Шахиншах: я молюсь, чтобы мусульмане были сплоченными] // Эттелаат. 1978. 5 сент. № 15703.

непоследовательность и нерешительность шаха, который, видя, что теряет власть, метался от репрессий к уступкам и постоянно обращался за советами к американскому послу У. Салливену. Посол, в свою очередь, получал противоречивые и неадекватные ситуации указания из Вашингтона, поскольку власти США, продолжая поддерживать шаха, плохо понимали, что происходит в Иране и насколько сильным является революционное движение в этой стране [Агаев 1987, с. 18–34]. Кроме того, важную роль сыграл и фактор харизмы личности Хомейни, которому удалось объединить вокруг своего движения не только духовенство, но и самые широкие слои населения и политические движения – от радикальных консерваторов до прозападных либералов. Весьма важна была и тактика, примененная Хомейни. Он старался не допустить превращения революции в гражданскую войну и поэтому настаивал на неприменении оружия своими сторонниками, в том числе против шахских военных и полицейских, объяснив это тем, что они, возможно, в душе поддерживают демонстрантов, но вынуждены защищать режим. Поэтому общее число жертв революции, включая и исламских марксистов, по данным иранского ученого Эмадеддина Баки, было относительно небольшим и составило 4 тыс. человек⁴. Для сравнения, в гражданской войне в Алжире, в результате противостояния повстанцев с правительственной армией, по самым скромным подсчетам, погибло 100 тыс. человек [Бабкин 2001, с. 3]. Действительно, хотя демонстранты иногда и прибегали к погрому банков, магазинов и административных учреждений, они воздерживались от убийств военных и полицейских. Вооруженное восстание в Тегеране подняли отряды Организации моджахедов иранского народа, не подчинявшейся духовенству, в последние дни перед победой революции, когда режим уже был существенно ослаблен длительными протестами [Филин 2012, с. 55–66].

Шах после победы революции, находясь в изгнании за границей, продолжил выступать с жесткой критикой Хомейни. Так, в книге «Ответ истории» шах критиковал несправедливость революционных трибуналов, введенных аятоллой, а также цитировал письмо сына свергнутого исламистами премьера Шапура Бахтияра, адресованное Хомейни, где тот писал, что аятолла «несет

⁴ سلیمی نمین: تعداد کم شهدای انقلاب را به نفع شاه مصادره نکنید [Салими-Намин. Не думайте, что небольшое число жертв революции говорит в пользу шаха] // Тарих-е Ирани. 2011. 26 янв. URL: http://tarikhirani.ir/fa/news/271/سلیمی_نمین_تعداد_کم_شهدای_انقلاب_را_به_نفع_شاه_مصادره_نکنید (дата обращения 03.05.2024).

ответственность за мученическую гибель тысяч молодых иранцев и никогда не станет героем истории» [Пехлеви 2010]. В интервью американскому журналисту Дэвиду Фросту шах назвал Хомейни неграмотным и малообразованным человеком, которому помогли сделать революцию пропагандисты, очернявшие иранскую монархию и самого шаха. Шах категорически отверг все обвинения в убийствах и финансовых злоупотреблениях, выдвинутые исламистами, и даже сравнил их пропаганду с нацистской. Также он заявил, что и некоторые западные СМИ, а именно «Би-би-си», помогали исламистам, организовывая пропаганду против его правительства. Шах также обрушился на Хомейни с серьезными обвинениями, заявив, что тот ненавидит всю историю Ирана шахского периода, считает, что в иранской истории не было ни одного хорошего монарха, и собирается стереть из памяти иранцев 2500-летнюю монархию с ее великими достижениями. Сам же аятолла не имеет никакой программы для развития Ирана, и вся его деятельность продиктована лишь ненавистью к свергнутому шаху. Мохаммед-Реза говорил, что он, в отличие от Хомейни, по-настоящему заботился о стране⁵.

Со своей стороны, Хомейни продолжил критику своего главного политического противника и после его смерти в 1980 г. В своем религиозно-политическом завещании, написанном в 1983 г., аятолла восхищался Исламской революцией и сравнивал положение Ирана при шахе и при новом режиме, заявляя, что исламское правительство по-настоящему заботится об обездоленных и бедных слоях населения, обеспечив их чистой питьевой водой и больницами, в то время как режим шаха заботился лишь о богатых и не проводил никаких серьезных мероприятий по улучшению жизни малоимущих. Также Хомейни хвалил деятельность революционных трибуналов, сравнивая их с крайне несправедливыми, по его мнению, судами шахского режима. В духовном же плане, по словам Хомейни, шах и его приближенные осуществляли пропагандистскую кампанию по дискредитации ислама, препятствуя верующему народу познавать его заповеди, репрессируя и очерняя духовенство и преследуя скромных и целомудренных женщин, однако после революции весь народ получил возможность быстрого и успешного духовного совершенствования с по-

آخرین گفتگوی محمدرضا شاه پهلوی با دیوید فراست درباره خمینی و سرنوشت تلخ ایران⁵
[Последнее интервью Мохаммада Реза-шаха Пехлеви с Дэвидом Фростом о Хомейни и горькой судьбе Ирана] // Youtube. 2024. 31 марта. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1aQF9_WF5CQ (дата обращения 03.05.2024).

мощью лучших представителей шиитского духовенства. Хомейни отмечал, что ради этой главной цели – духовного совершенствования иранцев при одновременном обеспечении им достойных материальных благ – новые власти самоотверженно трудятся. Он опровергал слова шаха о том, что возглавляемые им сторонники религиозных ценностей якобы «в нашу эру хотят путешествовать верхом на ослах», заявив, что ислам приветствует новые открытия и технологическую модернизацию, однако выступает категорически против нравственной распушенности и нигилизма, что как раз и распространял сам свергнутый шах. Как отмечал Хомейни, шах, всячески борясь с влиянием духовенства, повсюду открывал увеселительные заведения и магазины по продаже алкоголя, тем самым сбивая молодежь с истинного пути, чтобы она забыла о необходимости соблюдать заповеди, предавалась земным удовольствиям и была равнодушна к происходящему в стране, а шахский двор и его западные хозяева тем временем грабили страну. И только после революции Иран обрел подлинную независимость от Запада [Жуков 1999, с. 111–139].

В заключение можно сделать вывод о том, что противостояние между режимом шаха и сторонниками Хомейни было весьма ожесточенным, что проявлялось как в кровопролитных уличных столкновениях демонстрантов с полицией и армией, так и в высказываниях и действиях шаха и аятоллы Хомейни. Конфликтный дискурс между этими двумя деятелями был чрезвычайно напряженным и интенсивным. Шах называл оппозиционное духовенство реакционным, а Хомейни называл шаха предателем и врагом ислама, обвинив его в чудовищных преступлениях. Несмотря на целый ряд уступок со стороны шаха, духовенство оставалось непреклонным и требовало его отречения от власти. Интересным представляется тот факт, что шах стремился укрепить религиозную легитимацию своей власти и пытался убедить духовенство и народ Ирана в том, что именно он, а не Хомейни, олицетворяет собой истинный ислам и всячески покровительствует исламской религии. Однако эти попытки окончились полной неудачей, и даже светская оппозиция присоединилась к движению Хомейни. В конечном итоге Исламская революция одержала победу, что было связано с нерешительностью шаха, присоединением к революционному движению самых разных слоев общества (духовенства, торговцев, рабочих, студентов), харизмой Хомейни, сплотившего вокруг себя различные партии и движения, а также его тактикой длительных ненасильственных демонстраций, которая способствовала небольшому количеству жертв среди их участников, несмотря на колоссальный размах протестного движения. После поражения

и изгнания из страны шах продолжил критиковать Хомейни, заявляя, что аятолла собирается стереть великую историю Ирана и не имеет никакого намерения заботиться о стране, в отличие от него. Хомейни, в свою очередь, в религиозно-политическом завещании жестко раскритиковал внутреннюю и внешнюю политику шаха и написал, что созданный им исламский строй гораздо больше отвечает материальным и духовным потребностям иранцев, чем монархический режим.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы «Проектные научные коллективы РГГУ» в 2023 г. Название проекта – «Социально-политическое развитие современного Ирана через призму текстов иранских СМИ».

Acknowledgements

Research is completed within the program “Project Scientific Collectives of RSUH/RGGU” in 2023. Name of the project: “Socio-political development of modern Iran through the prism of Iranian media texts”.

Литература

- Агаев 1987 – *Агаев С.Л.* Иран между прошлым и будущим: События. Люди. Идеи. М.: Политиздат, 1987. 319 с.
- Алиев 2004 – *Алиев С.М.* История Ирана: XX век. М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2004. 648 с.
- Бабкин 2001 – *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. 280 с.
- Дорошенко 1985 – *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 232 с.
- Жуков 1999 – *Жуков Д.* Небо над Ираном ясное: Очерк политической биографии имама Хомейни. М.: Палей, 1999. 156 с.
- Пехлеви 2010 – *پهلوی محمد رضا. پاسخ به تاریخ. تهران: زریاب, 2010. 462 ص.* [Пехлеви М.Р. Ответ истории. Тегеран: Зарьяб, 2010. 462 с.]
- Полищук 2017 – *Полищук А.И.* Взгляды Имама Хомейни на СМИ // Международные коммуникации. 2017. № 2. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/khomeini> (дата обращения 05.05.2024).
- Скляров 1993 – *Скляров Л.Е.* Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности: Революция и контрреволюция. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 255 с.

- Филин 2012 – *Филин Н.А.* Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран: 1979–2008 гг.: факторы устойчивости государственной власти. М.: РГГУ, 2012. 284 с.
- Abrahamian 1982 – *Abrahamian E.* Iran between two revolutions. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1982. 562 p.
- Assari, Mahesh 2011 – *Assari A., Mahesh T.M.* Urbanization process in Iranian cities // *Asian Journal of Development Matters*. 2011. Special vol. 5. No. 1. P. 151–154.

References

- Abrahamian, E. (1982), *Iran between two revolutions*, Princeton University Press, Princeton, N.J., USA.
- Agayev, S.L. (1987), *Iran mezhdu proshlym i budushchim: Sobytiya. Lyudi. Idei* [Iran between the past and the future. Events. People. Ideas], Politizdat, Moscow, USSR.
- Aliev, S.M. (2004), *Istoriya Irana: XX vek* [History of Iran. 20th century], Institut vosto-kovedeniya RAN, Kraft+, Moscow, Russia.
- Assari, A. and Mahesh, T.M. (2011), “Urbanization process in Iranian cities”, *Asian Journal of Development Matters*, special vol. 5, no. 1, pp. 151–154.
- Babkin, S.E. (2001), *Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.)* [Religious extremism in Algeria (1992–2000)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Doroshenko, E.A. (1985), *Shiitskoe dukhovenstvo v sovremennom Irane* [The Shiite clergy in modern Iran], Nauka, Moscow, USSR.
- Filin, N.A. (2012), *Sotsial'no-istoricheskoe razvitie Islamskoi Respubliki Iran: 1979–2008 gg.: faktory ustoichivosti gosudarstvennoi vlasti* [The social and historical development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008). The factors of the stability of state authority], RGGU, Moscow, Russia.
- .2010. پهلوی محمد رضا. پاسخ به تاریخ. تهران: زریاب. [Pahlavi, M.R. (2010), *Answer to history*, Publishing house “Zaryāb”, Tehran, Iran]
- Polishchuk, A.I. (2017), “Imam Khomeini’s views on the media”, *Mezhdunarodnye kommunikatsii*, no. 2, available at: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/khomeini> (Accessed 5 May, 2024).
- Sklyarov, L.E. (1993), *Iran 60–80-kh godov: traditsionalizm protiv sovremennosti: Revolyutsiya i kontrrevolyutsiya* [Iran in the 1960–1980s. Traditionalism against the present. Revolution and counter-revolution], Nauka, Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Zhukov, D. (1999), *Nebo nad Iranom yasnnoe: Ocherk politicheskoi biografii imama Khomeini* [The sky over Iran is clear. Essay on the political biography of Imam Khomeini], Paleya, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Никита А. Филин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; n.filin@rggu.ru

Эрадж Б. Боев, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия; 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а; ebboev@lunn.ru

Александр С. Ходунов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nalim13s@mail.ru

Information about the authors

Nikita A. Filin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; n.filin@rggu.ru

Eradzh B. Boev, Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 31a, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155; ebboev@lunn.ru

Aleksandr S. Khodunov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nalim13s@mail.ru

История и особенности формирования состава Высшего совета магистратуры Алжира

Анна Н. Бурова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, burova-denjak@mail.ru*

Аннотация. В работе проведено исследование истории и особенностей формирования Высшего совета магистратуры – одного из высших конституционных органов Алжирской Народно-Демократической Республики. Проанализированы изменения, которые наблюдались в его составе на различных исторических этапах существования независимого алжирского государства. Рассмотрены соответствующие положения конституций, органических законов и иных законодательных актов. Высший совет магистратуры в Алжире в качестве конституционного органа был предусмотрен на каждом этапе развития страны после получения независимости в 1962 г., начиная с положений первой Конституции 1963 г. и заканчивая конституционными поправками 2020 г., которые внесли значительные изменения как с точки зрения самого состава совета, так и порядка его формирования. Это было связано с политическим развитием Алжира, в котором начиная с 2019 г. наблюдались протесты и демонстрации с требованиями глубоких реформ, в том числе в судебной отрасли.

Ключевые слова: судебная система, корпус магистратов, конституция, реформирование, исполнительная власть

Для цитирования: Бурова А.Н. История и особенности формирования состава Высшего совета магистратуры Алжира // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5 С. 49–68. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-49-68

History and characteristics of forming the Superior Council of Magistracy in Algeria

Anna N. Burova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
burova-denjak@mail.ru*

Abstract. The author analyzes the history and features of forming the Superior Council of Magistracy, which is one of the highest constitutional bodies

of the People's Democratic Republic of Algeria. The article reveals the changes that were observed in its composition at various historical stages of the existence of the independent Algerian state. The author considers the relevant provisions of constitutions, organic laws and other legislative acts. The Superior Council of Magistracy as a constitutional body was featured at every stage of the country's development since political independence in 1962, from the provisions of the first Constitution of 1963 to the constitutional amendments of 2020, which introduced significant changes both in terms of the composition itself and the procedures for its formation. It was related to the political development of Algeria, which, since 2019, has witnessed protests and demonstrations demanding deep reforms, including judicial one.

Keywords: judicial system, magistracy, constitution, reforms, executive power

For citation: Burova, A.N. (2024), "History and characteristics of forming the Superior Council of Magistracy in Algeria", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 49–68, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-49-68

Введение

В период, последовавший за событиями «арабской весны» начала 2010-х гг., многие страны в регионе столкнулись с необходимостью осуществлять глубокие социально-политические преобразования, призванные обеспечить непрерывное развитие общества и государства в новых условиях. В числе таких стран оказался Алжир, в котором начиная с 2019 г. наблюдались охватившие все слои населения протесты и демонстрации, получившие название «Аль-Хирак». Требования протестующих были направлены на реформирование в ряде общественных сфер, в том числе ситуации в области судебной системы. В 2020 г. в ответ на данный общественный запрос были приняты поправки к конституции, а также была осуществлена судебная реформа, которая затронула ряд важнейших судебных организаций, в том числе Высший совет магистратуры Алжира. Изменения коснулись таких аспектов его функционирования, как порядок формирования, состав и полномочия, что, как ожидается, неизбежно окажет влияние на положение всей судебной отрасли. Основным вопросом исследования является историческая трансформация структуры и состава Высшего совета магистратуры, а также особенностей его формирования на различных этапах развития страны, начиная с обретения политической независимости в 1962 г. и заканчивая принятием нового Основного судебного закона в 2022 г.

Тема эта, несмотря на ее крайнюю важность для понимания отличительных черт трех ветвей власти в Алжире и сложных процессов их взаимоотношений, пока не встретила должного внимания со стороны отечественных авторов. В российской историографии получили освещение лишь ее отдельные аспекты, в частности, проблема полномочий Высшего совета магистратуры была рассмотрена в статье А.А. Соловьева «Основные полномочия Высшего совета магистратуры Алжирской Народно-Демократической Республики», в которой автор подробно останавливается на разноплановых полномочиях совета в период до судебной реформы 2020 г. Однако данная проблема более подробно исследована в алжирской научной литературе; в частности, можно выделить работы К. Джалаба, Дж. Гресси и А. Аббас. Данное исследование призвано отчасти восполнить этот пробел. Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей формирования состава Высшего совета магистратуры в различные исторические периоды, а также влияния данных особенностей на отношения между ветвями власти в Алжире.

Положение Высшего совета магистратуры Алжира в конституционном законодательстве

Высший совет магистратуры Алжирской Народно-Демократической Республики (далее – Совет) является одним из важнейших государственных конституционных органов, призванным обеспечивать защиту независимого положения судебной власти и контроль над профессиональной деятельностью магистратов. В каждой из конституций Алжира после обретения политической независимости в 1962 г. содержались положения, посвященные данному Совету. В частности, статья 174 Конституции Алжира 1976 г. предусматривала, что магистраты являются ответственными перед Советом за исполнение своих профессиональных обязанностей в порядке, установленном законодательством. В статье 182 говорилось о том, что Высший совет магистратуры выносит решения, согласно положениям, установленным законодательством, по вопросам назначения магистратов, перемещения и продвижения по службе, а также осуществляет контроль за их надлежащим исполнением обязанностей¹.

¹ دستور 1976، المؤرخ في 22 نوفمبر لسنة 1976، الجريدة الرسمية للجمهورية الجزائرية، العدد 90، الصادرة بتاريخ 24 نوفمبر 1976. [Конституция 1976 г. от 22.11.1976 г. Официальный вестник АНДР. № 90, дата публикации 24.11.1976 г.]. URL: <https://www.el-mouradia.dz/assets/texts/constitution/1976.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

Статья 146 Конституции Алжира 1989 г. утверждала, что Совет, во главе которого находился первый председатель Верховного суда, контролирует соблюдение Основного судебного закона и контролирует надлежащее исполнение магистратами своих обязанностей². Статья 156 Конституции Алжира 1996 г. в редакции 2016 г.³ устанавливала принцип независимости судебной власти, наряду со статьями 165–166, которые утверждали, что судья должен подчиняться исключительно верховенству права. Данные положения подтверждались также в Органическом законе № 11/04, опубликованном 06.09.2004 г. и содержащем Основной судебный закон⁴.

Данному Совету были посвящены статьи 167, 173–176 конституционных поправок 2016 г. Согласно статье 167 магистраты несут ответственность перед Высшим советом магистратуры за исполнение своих обязанностей в порядке, предусмотренном законодательством. В 2004 г. был опубликован специальный Органический закон, который был посвящен функционированию Совета (Органический закон № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»).

В соответствии с Конституционными поправками 2016 г. цель учреждения Высшего совета магистратуры состояла в управлении профессиональной деятельностью магистратов, в частности назначениями на должность, продвижениями по службе, перемещениями и дисциплинарными взысканиями⁵. Совет был уполномочен выполнять разноплановые задачи, в том числе в области управления судебными делами, а также совещательные функции,

² دستور 1989، المؤرخ في 23 فبراير لسنة 1989، الجريدة الرسمية للجمهورية الجزائرية، العدد 09، الصادرة بتاريخ 01 مارس 1989. [Конституция 1989 г. от 23.02.1989 г. Официальный вестник АНДР. № 09, дата публикации 01.03.1989 г.]. URL: <https://www.el-mouradia.dz/assets/texts/constitution/1989.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

³ Конституция 1996 г. была изменена, в соответствии с законом № 01/16 от 06.03.2016 г., содержащим Конституционные поправки. Закон № 01/16 опубликован в Официальном вестнике АНДР № 14 от 2016 г.

التعديل الدستوري سنة 2016 الصادر بموجب القانون رقم 01 16 المؤرخ في 6 مارس 2016، المتضمن تعديل URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-arabe/2016/A2016014.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

⁴ المواد 7، 8، 15 من القانون العضوي رقم 11 04، المؤرخ في 06 سبتمبر لسنة 2004، المتضمن القانون الأساسي للقضاء. [Статьи 7, 8, 15 Органического закона № 11/04 от 06.09.2004 г., содержащего Основной судебный закон]. URL: https://droit.mjustice.dz/sites/default/files/loi_org_nouv_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

⁵ المادة 174 من التعديل الدستوري لسنة 2016. [Статья 174 Конституционных поправок 2016 г.]. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-arabe/2016/A2016014.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

связанные с предоставлением мнения Совета президенту страны и министру юстиции по вопросам, связанным с правовой сферой.

Высший совет магистратуры в Алжире формируется двумя способами: как путем избрания, так и назначения его членов. В то же время Совет отличается своим смешанным составом, поскольку его членами являются как представители исполнительной власти, которые входят в Совет по должности, представители корпуса магистратов, так и представители иных профессиональных областей, находящихся вне судебной отрасли. Состав совета и регламент выполнения его задач различаются, исходя из тематики заседаний (рядовые заседания и заседания, рассматривающие дисциплинарные взыскания).

Состав Совета на рядовых заседаниях

Указ 27/69, содержащий Основной судебный закон, предусматривал, что председателем Совета является президент государства⁶. Данное положение оставалось неизменным на всех дальнейших этапах развития Алжира – его подтверждали статья 181 Конституции 1976 г., Основной судебный закон от 1989 г.⁷, Законодательный указ № 05/92⁸. Также Органический закон № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях» предусматривал, что на рядовых заседаниях пост председателя Совета занимал президент страны⁹. Также в состав Совета входили:

المادة 61 من المرسوم رقم 27 69، المؤرخ في 13 مايو لسنة 1969، المتضمن القانون الأساسي للقضاء.

[Статья 61 Указа № 27/69, содержащего Основной судебный закон, от 13.05.1969 г.]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/1969/dz-government-gazette-dated-1969-05-16-no-42.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

المادة 63 من القانون رقم 21 89، المؤرخ في 12 ديسمبر لسنة 1989، المتضمن القانون الأساسي للقضاء.

[Статья 63 Закона № 21/89, содержащего Основной судебный закон, от 12.12.1989 г.]. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/1989/F1989054.PDF> (дата обращения 07.05.2024).

المادة 63 من المرسوم التشريعي رقم 05 92، المؤرخ في 24 أكتوبر لسنة 1992، المعدل والمتمم للقانون

الأساسي للقضاء 21 89. [Статья 63 Законодательного указа № 05/92, редактирующего и дополняющего Основной судебный закон 21/89, от 24.10.1992 г.]. URL: <https://gazettes.africa/akn/dz/officialGazette/government-gazette/1992-10-26/77/ara@1992-10-26> (дата обращения 07.05.2024).

المادة 3 من قانون عضوي 04 12 مؤرخ في 06 سبتمبر 2004، يتعلق بتشكيل المجلس الأعلى للقضاء وعمله

وصلاحياته. [Статья 3 Органического закона № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/2004/dz-government-gazette-dated-2004-09-08-no-57.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

- 1) министр юстиции в качестве заместителя председателя;
- 2) первый председатель Верховного суда;
- 3) генеральный прокурор Верховного суда;
- 4) 10 магистратов, которые избираются со стороны своих коллег следующим образом:
 - 2 магистрата из Верховного суда (один из которых представляет суд, а другой – генпрокуратуру),
 - 2 магистрата из Госсвета (один из которых судья, а другой – государственный комиссар),
 - 2 магистрата из судебных советов (один из которых представляет суд, а другой – генпрокуратуру),
 - 2 магистрата из руководящих судебных инстанций, помимо Госсвета (один которых судья, а другой – государственный комиссар),
 - 2 магистрата из судов, подчиняющихся системе судов общей юрисдикции (один из которых представляет суд, а другой – прокуратуру);
- 5) 6 деятелей вне судебного корпуса, отобранных президентом страны за их заслуги и компетенции;
- 6) директор, уполномоченный центральным управлением министерства юстиции осуществлять управление работой корпуса магистратов. Ему было предоставлено право принимать участие в работе Совета, за исключением итоговых закрытых обсуждений.

Таким образом, руководство Совета было представлено высшими представителями исполнительной власти, доля которой в Совете была весьма значительна. Совет, как и во многих других странах, в том числе Франции, возглавлял президент страны (согласно статье 173 Конституции и статье 3 Органического закона о Совете), что подчеркивало высокий статус и значимость данной организации. Однако ряд исследователей и специалистов в области права считали главенство в Совете президента вмешательством со стороны главы исполнительной власти в сферу деятельности судебной власти [Ghressi 2018].

Присутствие в Совете министра юстиции также вызывало обширную дискуссию, поскольку некоторые видели в этом нарушение принципа независимости судебной власти [Abbas 2017]. С другой стороны, приверженцы данного присутствия считали его необходимым, поскольку оно было призвано обеспечить согласованность интересов судей и правительства. Некоторые правоведы требовали более четко установить отношения министра юстиции с судебной властью и разделить задачи, противоречащие принципу разделения властей и независимости судей. В процессе обсуждения

проекта Органического закона о Совете в Национальной народной ассамблее ряд депутатов предлагали убрать министра юстиции из состава Совета [Amrush 2018].

Некоторые исследователи рекомендовали устранить из состава Совета президента республики и заменить его на первого председателя Верховного суда (как, например, во Франции), а также удалить из состава Совета министра юстиции с целью обеспечения большей независимости судебной системы [Abbas 2017]. Согласно другой точке зрения, присутствие в составе Совета министра юстиции в качестве заместителя председателя Совета было призвано предотвратить лоббирование интересов магистратов. Также присутствие министра юстиции в качестве заместителя председателя могло иметь символическое значение, поскольку отражало двойственный характер судебной системы, представленной как судами общей юрисдикции, так и административными судами, что должно было привести к формированию более эффективной судебной власти [Ghressi 2018].

Пункт о назначении президентом шести человек, представляющих внесудебные отрасли, также вызвал широкие споры в комитете по административным и правовым вопросам, а также среди независимых депутатов Национальной народной ассамблеи. Некоторые из депутатов указывали на необходимость присутствия в Совете представителей народа и предлагали изменить статью 3 таким образом, чтобы снизить число членов, назначаемых президентом, до трех человек и включить в его состав по одному депутату из обеих палат парламента. Однако данное предложение было отклонено как нарушающее принцип разделения ветвей власти [Amrush 2018].

Статья 3 Органического закона № 12/04 указывала, что Совет состоял из двенадцати магистратов, из них двое – по должности. Число представителей судейского корпуса – шесть (из них пять избираются, а один по должности); другая половина представлена представителями прокуратуры (из них пять избираются и один по должности), и еще шесть членов не являются представителями корпуса магистратов; также в состав Совета входят министр юстиции и директор по персоналу в министерстве юстиции (оба – по должности).

Таким образом, число избираемых на уровне всех судебных инстанций судей составило пять человек; представителей прокуратуры и государственных комиссаров – также пять человек. По мнению некоторых исследователей и правоведов, данное представительство не являлось сбалансированным и не отражало реального положения дел. Во-первых, не учитывалось численное соотношение судей на уровне судов и судебных советов (представ-

ляющих подавляющее большинство) и представителей прокуратуры и государственных комиссаров на уровне тех же судебных инстанций (представляющих меньшинство). Во-вторых, поскольку представители прокуратуры и государственные комиссары находились в подчинении министерству юстиции, данное обстоятельство могло привести к конфликту интересов [Ghressi 2018].

Что касается таких высших государственных органов, как Верховный суд и Государственный совет, каждый из них был представлен в Совете двумя судьями. Данное представительство также считалось несбалансированным, поскольку Госсовет ранее представлял собой лишь одну из восьми палат Верховного суда [Ghressi 2018]. Таким образом, состав Совета не полностью отражал реальное представительство магистратов, особенно судей. Органический закон № 12/04 утверждал исключение директоров из министерства юстиции от членства в Совете. Однако в целях обеспечения координации между министерством юстиции и Советом утверждалось участие в работе Совета директора центрального управления министерства юстиции, уполномоченного руководить корпусом магистратов, без права участия в итоговых закрытых обсуждениях¹⁰.

Состав Совета на заседаниях, рассматривающих дисциплинарные взыскания

С целью обеспечения более справедливого и объективного рассмотрения дела о дисциплинарном взыскании состав Совета на заседаниях, рассматривающих дела о дисциплинарном взыскании, был предусмотрен иной, нежели на рядовых заседаниях.

Основной судебный закон от 1969 г. утверждал, что «В тех случаях, когда Высший совет магистратуры выносит решение в качестве дисциплинарного органа, его возглавляет первый председатель Высшего совета магистратуры»¹¹. После публикации

المادة 3 من قانون عضوي 12 04 مؤرخ في 06 سبتمبر 2004، يتعلق بتشكيل المجلس الأعلى للقضاء وعمله¹⁰ [Статья 3 Органического закона № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/2004/dz-government-gazette-dated-2004-09-08-no-57.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

المادة 22 من المرسوم رقم 69 27 المؤرخ في 13 مايو سنة 1969، المتضمن القانون الأساسي للقضاء¹¹ [Статья 22 Указа № 27/69, содержащего Основной судебный закон, от 13.05.1969 г.]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/1969/dz-government-gazette-dated-1969-05-16-no-42.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

Основного судебного закона от 1989 г. руководство Советом в его дисциплинарном составе перешло к первому председателю Верховного суда¹². Данное положение сохранилось в Органическом законе № 12/04, согласно которому состав Совета в качестве дисциплинарного органа был следующий:

- первый председатель Верховного суда в качестве председателя;
- законный представитель министра юстиции; директор, уполномоченный вести дела судейского корпуса в министерстве юстиции;
- 10 магистратов из числа членов Высшего судебного совета;
- глава секретариата Высшего судебного совета¹³.

Таким образом, на заседаниях, рассматривающих дисциплинарные взыскания, президент республики не являлся председателем Совета. В целях обеспечения более справедливого рассмотрения дела о дисциплинарном взыскании из состава Совета исключались президент и министр юстиции, а председателем назначался первый председатель Верховного суда. Данные положения были установлены как в Конституции 1989 г., так и в Конституции 1996 г.¹⁴ Министр юстиции инициировал дисциплинарное рассмотрение дела (лично или через представителя из числа членов центрального управления министерства юстиции).

Органический закон № 11/04 от 2004 г., содержащий Основной судебный закон, предусматривал, что если министр юстиции получал сведения о совершении магистратом серьезного нарушения, касающегося ненадлежащего исполнения профессиональной деятельности, или нарушения, затрагивающего профессиональную репутацию и не позволяющего ему оставаться на своей должности, издавалось постановление об его приостановлении полномочий сразу же после проведения первоначального расследования, вклю-

¹² المادة 88 من القانون رقم 21 89، المؤرخ في 12 ديسمبر سنة 1989، المتضمن القانون الأساسي للقضاء. [Статья 88 Закона № 21/89, содержащего Основной судебный закон, от 12.12.1989 г.]. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/1989/F1989054.PDF> (дата обращения 07.05.2024).

¹³ المادة 21 من قانون عضوي 04 12 مؤرخ في 06 سبتمبر 2004، يتعلق بتشكيل المجلس الأعلى للقضاء وعمله وصلاحياته. [Статья 21 Органического закона № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/2004/dz-government-gazette-dated-2004-09-08-no-57.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

¹⁴ [Статья 155 Конституции 1996 г. и статья 146 Конституции 1989 г.]. URL: <https://www.el-mouradia.dz/assets/texts/constitution/1996.pdf>; <https://www.el-mouradia.dz/assets/texts/constitution/1989.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

чающего в себя разъяснения соответствующего магистрата и уведомления постоянного бюро Совета¹⁵. Министр юстиции передавал дело о дисциплинарном взыскании председателю Совета в его дисциплинарном составе в кратчайшие сроки с тем, чтобы оно было рассмотрено на ближайшем заседании. Совету было необходимо вынести решение по дисциплинарному делу в срок 6 месяцев после даты отстранения и приостановления полномочий магистрата¹⁶. В ином случае происходило автоматическое восстановление магистрата в должности [Соловьев 2022].

Министр юстиции подавал дело о дисциплинарном взыскании в Совет в его дисциплинарном составе и назначал своего представителя из числа членов центрального управления министерства юстиции для проведения дисциплинарного расследования. Представитель имел право участия в дискуссиях, однако не имел права участия в итоговых закрытых обсуждениях. Совет в его дисциплинарном составе созывался к заседанию первым председателем Верховного суда, который утверждал график заседаний и информировал об этом министра юстиции¹⁷. Секретарю Совета было необходимо вести протокол каждого заседания и подписывать его у председателя¹⁸. Совет был обязан вынести решение по рассматриваемому делу на закрытом заседании и в обстановке полной секретности. Его постановления, которые должны были быть в достаточной степени обоснованными, предусматривали наложение санкций, предусмотренных в Органическом законе, содержащем Основной судебный закон. Решение по отстранению и приостановлении полномочий не подлежало разглашению ни на каких условиях [Azzaz 2019].

المادة 65 من القانون العضوي 11 04 المؤرخ في 06 سبتمبر سنة 2004، المتضمن القانون الأساسي للقضاء [Статья 65 Органического закона № 11/04 от 06.09.2004 г., содержащего Основной судебный закон]. URL: https://droit.mjustice.dz/sites/default/files/loi_org_nouv_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

المادة 66 من القانون العضوي 11 04 المؤرخ في 06 سبتمبر سنة 2004، المتضمن القانون الأساسي للقضاء [Статья 66 Органического закона № 11/04 от 06.09.2004 г., содержащего Основной судебный закон]. URL: https://droit.mjustice.dz/sites/default/files/loi_org_nouv_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

المادة 18 [Статья 18 Регламента Высшего совета магистратуры Алжира]. URL: https://droit.mjustice.dz/sites/default/files/reglem_inter_c_magistr_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

المادة 25 من القانون العضوي رقم 11 04 مؤرخ في 6 سبتمبر سنة 2004، المتضمن القانون الأساسي للقضاء [Статья 25 Органического закона № 11/04 от 06.09.2004 г., содержащего Основной судебный закон]. URL: https://droit.mjustice.dz/sites/default/files/loi_org_nouv_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

История формирования состава Высшего совета магистратуры

На различных этапах развития независимого Алжира в состав Совета вносились корректировки, значительно отличающие его от нынешнего состава. В свете Основного судебного закона 1969 г. в Совет в качестве дисциплинарного органа входили следующие лица:

- первый председатель Верховного суда;
- директор по судебным вопросам и директор генерального управления министерства юстиции;
- генпрокурор Верховного суда;
- представители партии Фронт национального освобождения;
- члены советов, избираемых всеобщим голосованием;
- судьи, избираемые со стороны своих коллег.

На рядовых заседаниях состав Совета был следующим:

- президент страны в качестве председателя;
- министр юстиции в качестве заместителя председателя;
- директор по судебным вопросам;
- директор генерального управления министерства юстиции;
- первый председатель Верховного суда;
- генеральный прокурор Верховного совета¹⁹.

Таким образом, в эпоху главенства в Алжире однопартийной системы до конца 1980-х гг. в Совете наблюдалось представительство политической власти, а именно правящей партии (Фронт национального освобождения, ФНО). Три члена Совета представляли партию, три члена – избираемые политические советы. Данные 6 членов были назначаемы на основании запроса от организаций, к которым они принадлежали. Другие члены (двое судей из суда и судья из прокуратуры) представляли судебные советы, а также трое судей из судей советов в прокуратуре на уровне судов первых инстанций. Все данные магистраты избирались путем голосования представителей корпуса магистратов на срок до двух лет.

На следующем этапе развития Алжира, с провозглашением системы многопартийности и началом политической либерализации в конце 1980-х гг., состав Совета стал иным. Новая конституция 1989 г.

المادة 61 من المرسوم رقم 69 المؤرخ في 13 مايو سنة 1969، المتضمن القانون الأساسي للقضاء¹⁹

[Статья 61 Указа № 27/69, содержащего Основной судебный закон, от 13.05.1969 г.]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/1969/dz-government-gazette-dated-1969-05-16-no-42.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

в статье 129 предусматривала независимость судебной власти; в статье 138 утверждалось, что судья подчиняется исключительно закону. Далее последовало принятие нового Основного судебного закона 1989 г., согласно которому из дисциплинарного состава Совета были удалены представители партии ФНО и избираемых советов.

Также состав Совета в качестве дисциплинарного органа отличался, исходя из того, какую судебную инстанцию представлял магистрат-ответчик. Это было сделано для того, чтобы удалить магистратов, представляющих генпрокуратуру, из состава Совета при рассмотрении дел магистратов суда, поскольку магистраты прокуратуры не обладали такой независимостью, как магистраты суда. При рассмотрении дела о дисциплинарном взыскании судей Совет возглавлял первый председатель Верховного суда, без присутствия магистратов прокуратуры. При рассмотрении дела о дисциплинарном взыскании прокуроров Совет возглавлял первый председатель Верховного суда и генпрокурор Верховного суда в качестве заместителя председателя, без присутствия судей, избираемых в советах. Такое различие в составе Совета гарантировало независимость судей от представителей прокуратуры, которые подчиняются министру юстиции. Однако позднее власти отказались от данного принципа, согласно законодательному указу № 05/92, и та же тенденция продолжилась далее в Основном судебном законе от 2004 г.

Что касается состава Совета на рядовых заседаниях, Основной судебный закон от 1989 г. предусматривал, что Совет возглавляет президент республики, а в его состав входят:

- министр юстиции в качестве заместителя;
- первый председатель Верховного суда;
- заместитель председателя Верховного суда;
- 3 члена, избираемые президентом республики;
- директор по персоналу и управлению кадрами из министерства юстиции;
- 4 судьи и 3 прокурора, избираемые на уровне судебных советов;
- 6 судей и 3 прокурора, избираемые из судов²⁰.

Таким образом, в Совете на рядовых заседаниях также отсутствовали представители политической сферы – партии и избираемых советов, что стало положительным фактором в его становлении на новом этапе развития страны. Однако уже в начале 1990-х гг.

²⁰ المادة 64 من القانون رقم 21 89 المؤرخ في 12 ديسمبر 1989، المتضمن القانون الأساسي للقضاء

[Статья 63 Закона № 21/89, содержащего Основной судебный закон, от 12.12.1989 г.]. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/1989/F198.9054.PDF> (дата обращения 07.05.2024).

Алжир вошел в фазу беспрецедентного кризиса, оказавшись на грани гражданской войны и вступив в эпоху «черного десятилетия». В данных чрезвычайных условиях исполнительные власти приняли решение внести поправки в Основной судебный закон в соответствии с Законодательным указом № 05/92 от 24.10.1992 г. Данный указ сокращал полномочия Совета и вновь менял его состав, увеличив число представителей министерства юстиции и уменьшив число избираемых магистратов [Azzaz 2019]. Таким образом, состав Совета оказался следующим:

- президент республики;
- министр юстиции;
- первый председатель Верховного суда;
- генеральный прокурор Верховного суда;
- 4 деятеля, назначаемые президентом за их заслуги извне корпуса магистратов. В числе этих лиц был генеральный директор по государственным должностям и 3 директора из министерства юстиции – директор по гражданским делам, директор по уголовным делам, директор по персоналу и управлению кадрами;
- 2 магистрата, представляющие Верховный суд;
- судья и прокурор, избираемые из судебных советов;
- судья и прокурор, избираемые из судов.

Некоторые алжирские исследователи полагали, что в сравнении Органического закона от 2004 г. с предыдущими Основными судебными законами именно Основной судебный закон от 1989 г. устанавливал гарантии реальной независимости судебной власти и нейтралитет юстиции. Состав Совета в соответствии с данным законом был более сбалансированным, нежели по Органическому закону № 12/04 от 2004 г. «О составе Высшего судебного совета, его деятельности и полномочиях» [Ghressi 2018].

Порядок проведения сессий и заседаний Совета

Совет собирается на рядовых заседаниях в ходе двух сессий в год и может собираться на внеочередных сессиях на основании запроса председателя или его заместителя. По мнению некоторых исследователей, данных сессий недостаточно для того, чтобы рассмотреть все разноплановые задачи, однако члены Совета подтвердили, что данных сроков достаточно для рассмотрения всех основных вопросов, в ином случае возможно проведение внеплановых сессий [Azzaz 2019].

В организационную структуру Совета входят постоянное бюро и секретариат. Значительная роль как в формировании, так и работе данных органов принадлежит министру юстиции. Он находится во главе постоянного бюро Совета, которому посвящена статья 10 Органического закона № 12/04. В состав бюро входят 4 члена, которым ассистируют два сотрудника министерства юстиции, назначаемые министром. Статья 31 Регламента Совета предусматривает, что члены постоянного бюро избираются путем прямого тайного голосования, большинством голосов в один тур. Голосование происходит на первом заседании Совета. Согласно статье 32 Регламента, любой из членов Совета может подать свою кандидатуру для избрания в постоянное бюро. Никаких особых условий для этого не предусмотрено.

Что касается секретариата, его состав различался на протяжении этапов развития страны. Основной судебный закон № 27/69 в статье 19 предусматривал, что состав и порядок функционирования секретариата должен быть определен постановлением министра юстиции. Таковое постановление было опубликовано 15.07.1969 г. и утверждало, что во главе секретариата Совета должен стоять магистрат, назначенный министром юстиции. Данные положения были пересмотрены в новом Основном судебном законе № 21/89 (статья 64), во главе секретариата становился магистрат первого ранга. Данное положение было детализировано Президентским указом № 32/90, в котором говорилось, что министр юстиции назначает магистрата первого ранга для руководства секретариатом Совета, которому должны помогать административные сотрудники²¹. Таким образом, министр юстиции получал широкие полномочия, которые в дальнейшем были еще больше усилены. Законодательный указ № 05/92, редактирующий и дополняющий Основной судебный закон № 21/89, предусматривал руководство секретариатом со стороны представителя министерства юстиции в должности не ниже заместителя директора²². Работа секретариата должна была быть организована согласно указу министра юстиции.

²¹ المادة 1 من المرسوم الرئاسي رقم 32 90، المؤرخ في 24 يناير سنة 1990. [Статья 1 Президентского указа № 32/90, опубликованного 24.01.1990 г.]. URL: <https://www.joradp.dz/FTP/jo-francais/1990/F1990004.PDF> (дата обращения 07.05.2024).

²² المادة 64 من المرسوم التشريعي رقم 05 92، المؤرخ في 24 أكتوبر لسنة 1992، المعدل والمتمم للقانون الأساسي للقضاء 21 89. [Статья 64 Законодательного указа № 05/92, редактирующего и дополняющего Основной судебный закон 21/89, от 24.10.1992 г.]. URL: <https://gazettes.africa/akn/dz/officialGazette/government-gazette/1992-10-26/77/ara@1992-10-26> (дата обращения 07.05.2024).

В Органическом законе № 12/04 (статья 11) руководство секретариатом переходило к представителю корпуса магистратов первого ранга. На главу секретариата было возложено, помимо прочих, такое значимое полномочие, как подготовка проекта бюджета. Данные изменения рассматривались как позитивное достижение с точки зрения самостоятельности судебной власти, которое тем не менее было ограниченным, поскольку полномочия по назначению главы секретариата были возложены на министра юстиции [Boughogal 2019]. В состав секретариата Совета входили также административный и расчетно-финансовый отделы, руководители которых должны оказывать содействие в работе главе секретариата [Malag, Mekhalat 2021].

Члены Совета не могли быть повышены или переведены по службе в ходе своего членства в Совете²³. В случае вакантности должности до срока окончания членства приглашается представитель суда, прокуратуры или государственный комиссар, который получил большинство голосов в списке неизбранных судей²⁴. Решения Совета считались действительными в случае присутствия, как минимум, двух третей его членов. Принятие решений Совета осуществлялось большинством голосов, в случае равного количества голосов превалирующим считался голос председателя. Все обсуждения не подлежали разглашению ни в какой форме²⁵.

Конституционные и судебные реформы 2020 г.

Независимость судебной власти стала одним из требований протестного движения в Алжире с начала 2019 г., которое началось одновременно с беспрецедентными судебными процессами

المادة 6 من القانون العضوي رقم 11 04 مؤرخ في 6 سبتمبر سنة 2004، المتضمن القانون الاساسي للقضاء [Статья 6 Органического закона № 11/04 от 06.09.2004 г., содержащего Основной судебный закон]. URL: https://droit.mjjustice.dz/sites/default/files/loi_org_nouv_ar.pdf (дата обращения 07.05.2024).

المادة 7 من القانون العضوي 04 12 من 6 سبتمبر سنة 2004، يتعلق بتشكيل المجلس الأعلى للقضاء وعمله [Статья 7 Органического закона № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/2004/dz-government-gazette-dated-2004-09-08-no-57.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

المواد 12 16 من قانون عضوي 04 12 مؤرخ في 06 سبتمبر 2004، يتعلق بتشكيل المجلس الأعلى للقضاء وعمله وصلاحياته [Статьи 12–16 Органического закона № 12/04 от 06.09.2004 г. «О составе Высшего совета магистратуры Алжира, его деятельности и полномочиях»]. URL: <https://archive.gazettes.africa/archive/dz/2004/dz-government-gazette-dated-2004-09-08-no-57.pdf> (дата обращения 07.05.2024).

над высшими государственными чиновниками. Представители корпуса магистратуры также приняли участие в данном движении, объявив о своей позиции, поддерживающей протестующих. В частности, профсоюз судей сыграл значительную роль в требованиях независимости магистратов и улучшения условий работы судей [Hammad, Kantaoui 2024]. Одним из наиболее важных направлений конституционной реформы, которая была вынесена на референдум в 2019 г., стали поправки в области судебной власти. Данные поправки подтвердили принцип независимости магистратов. Была ограничена роль президента в том, что касалось назначения на судебные должности, поскольку для этого было необходимо учитывать мнение Высшего совета магистратуры [Jalab 2022].

Конституция в редакции 2020 г. отвергала идею гарантирования независимости судебной системы со стороны президента республики, утверждая принцип разделения властей и независимости судебной системы, которая должна обеспечиваться Советом. Помимо конституционных изменений, был принят новый Органический закон № 12/22, посвященный Совету. Статья 2 утверждала, что Совет является независимой инстанцией, обладающей административной и финансовой самостоятельностью. Статья 73 подчеркивала, что бюджет Совета не относится к министерству юстиции, а регистрируется в отдельном пункте общего бюджета государства после одобрения Советом²⁶.

Ранее, за исключением Конституции 1963 г., указания о составе Совета содержались исключительно в законах, однако в ходе конституционной реформы 2020 г. они вновь были вынесены на конституционный уровень, что свидетельствовало о повышении статуса Совета и его положения относительно законодательной и исполнительной власти [Hammad, Kantaoui 2024]. Статья 180 Конституционных поправок 2020 г. предусматривала, что Высший совет магистратуры обеспечивает независимость магистратов, а также утверждала новый состав Совета, который подвергся значительным изменениям по сравнению с Конституционными поправками 2016 г. В новый состав Совета входят:

- 1) президент в качестве председателя;
- 2) первый председатель Верховного суда в качестве заместителя председателя;

المواد 2، 73 من قانون عضوي رقم 12 22 مؤرخ في 27 يونيو 2022، يحدد طرق انتخاب أعضاء المجلس
الاعلى للقضاء وقواعد تنظيمه وعمله [Статьи 2, 73 Органического закона № 12/22 от 27.06.2022 г. «О способах избрания членов Высшего совета магистратуры Алжира и правилах его организации и работы»]. URL: <https://legisdz.com/ar/LawTexts/> (дата обращения 07.05.2024).

- 3) председатель Государственного совета;
- 4) 15 магистратов, избираемые своими коллегами:
 - 3 магистрата из Верховного суда, из которых двое представляют суд и один представляет генпрокуратуру,
 - 3 магистрата из Государственного совета, из которых двое судей и один – государственный комиссар,
 - 3 магистрата из судебных советов, из которых двое представляют суд и один представляет генпрокуратуру;
 - 3 магистрата из административных судебных инстанций, помимо Государственного совета, из которых двое судей и один – государственный секретарь,
 - 3 магистрата, представляющие систему обычных судов, из которых двое представляют суд и один представляет генпрокуратуру;
- 5) 6 человек, избираемые согласно их квалификации извне корпуса магистратов. Из них двоих отбирает президент, двоих – спикер Национальной народной ассамблеи (не из числа депутатов), двоих отбирает председатель Совета нации (не из числа сенаторов);
- 6) 2 магистрата из профсоюза судей;
- 7) председатель Национального совета по правам человека.

Таким образом, численность Совета была заметно увеличена по сравнению с конституцией в редакции 2016 г. (с 20 до 27 человек). Порядок формирования нового состава Совета также был скорректирован. Вследствие данных изменений состав Совета стал более разнообразным и представляющим различные ветви власти, государственные институты и организации, в том числе Национальный совет по правам человека.

Заключение

Высший совет магистратуры в Алжире считается конституционным институтом, призванным обеспечивать независимость судебной власти и уважение положений Органического закона, содержащего Основной закон о судебной власти. Состав и порядок формирования Совета подвергались изменениям на протяжении независимого развития страны, в зависимости от социально-политических условий. В Совете фигурировали как избираемые, так и назначаемые лица; в частности, президент имел право назначать как лиц национальной компетенции, так и ряд представителей корпуса магистратов.

Состав Совета часто становился объектом критики, в первую очередь по причине широкого присутствия и руководящей роли

представителей исполнительной власти. Присутствие в Совете большого числа магистратов также не считалось исключительно положительным фактором. Ряд исследователей и правоведов полагали, что организация более сбалансированного состава Совета, в который бы вошли также представители депутатского корпуса и иных профессиональных областей, стала бы гарантией защиты прав магистратов и должного контроля за их профессиональной деятельностью.

На протяжении различных этапов государственного развития страны Совет в большей или меньшей степени был подвержен влиянию исполнительной власти. Данное влияние негативно отражалось на функционировании судебной системы. Присутствие большого числа представителей исполнительных институтов могло оказывать воздействие на принимаемые Советом решения. Таким образом, Совет не полностью реализовывал цели и принципы, направленные на создание правового государства, и нуждался в дальнейшем преобразовании, что произошло в ходе конституционной и судебной реформ 2020 г. По итогам протестного движения в стране были проведены существенные реформы как конституции, так и ряда законов, в том числе касающихся судебной власти в целом и Высшего совета магистратуры в частности. Изменения коснулись как порядка его формирования, так и состава, который стал более разнообразным и сбалансированным. Как ожидается, это будет способствовать обеспечению большей независимости судебной власти и, тем самым, реализации более беспристрастного и объективного правосудия.

Литература

- Соловьев 2022 – Соловьев А.А. Основные полномочия Высшего совета магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 1. С. 86–93. DOI: 10.46279/ASMO.2022.21.93.0.
- Abbas 2017 – أمال عباس. المجلس الأعلى للقضاء بين الوجود والاحتواء \\ المجلة الجزائرية للعلوم القانونية – 45 66. ص. 45 66. العدد 02، المجلد 54، والاقتصادية والسياسية، [Abbas A. Высший совет магистратуры Алжира: между независимостью и сдерживанием // Алжирский журнал юридических и политических наук. 2017. № 2 (54). С. 45–66].
- Azzaz 2019 – سعيدة عزاز. تنظيم وتسيير المجلس الأعلى للقضاء كهيئة تأديبية \\ مجلة العلوم الاجتماعية – 103 80. ص. 103 80. العدد 18، 2019، [Azzaz C. Организация управления Высшим советом магистратуры в качестве дисциплинарного органа // Алжирский журнал социальных и гуманитарных наук. 2019. № 18. С. 80–103].

- Amrush 2018 – قراءة قانونية نقدية في تشكيلة المجلس الأعلى للقضاء الجزائري \\\ دفاتر 344 331. ص. 2018. 19. العدد 10، المجلد 10، السياسة والقانون، [Amrush X. Критический анализ состава Высшего судебного совета Алжира // Ученые записки в области политики и права. 2018. № 10 (19). С. 331–344].
- Boughogal 2019 – فتحة بوغقال. تدخل وزير العدل في مؤسسة المجلس الأعلى للقضاء وأثره على استقلال السلطة القضائية في الجزائر \\\ مجلة الحقوق والحريات، المجلد 05، العدد 02. 2019. ص. 119 135 [Буокаль Ф. Вмешательство министра юстиции в институт Высшего совета магистратуры и его влияние на независимость судебной власти в Алжире // Права и свободы. 2019. № 2 (5). С. 119–135].
- Ghressi 2018 – جمال غريسي. المجلس الأعلى للقضاء في الجزائر بين النصوص والواقع. دراسة قانونية تحليلية لتشكيلته، نظام سيره وصلاحياته \\\ مجلة العلوم القانونية والسياسية، المجلد 09، العدد 02. 2018. 50. 65. ص. [Гресси Дж. Высший совет магистратуры Алжирской Народной Демократической Республики между документами и реальностью: Аналитико-правовой анализ его состава, системы и полномочий // Алжирский журнал юридических и политических наук. 2018. № 2 (9). С. 50–65].
- Jalab 2022 – كمال جلاب. سياسات استقلال القضاء في الجزائر: مكانة القضاء في الدستور المعدل لسنة 2020 \\\ [Джалаб К. Независимость судебной власти в Алжире: роль судебной власти в конституционных поправках 2020 г. // Власть. 2022. № 2 (4). С. 86–104].
- Malag, Mekhalat 2021 – سعيد ملق، بلقاسم مخلط. المجلس الأعلى للقضاء: البنية الهيكلية والوظيفة – [Malag C., Mekhalat B. Высший совет магистратуры: организационная структура и совещательные функции // Голос закона. 2021. № 3 (7). С. 1301–1320].
- Hammad, Kantaoui 2024 – عبد الله حماد، عبد الله كتناوي. المجلس الأعلى للقضاء الجزائري بين التبعية والاستقلالية (دراسة مقارنة بين التعديلين الدستوريين 2016 و 2020) \\\ مجلة الحقوق والعلوم الإنسانية. 249 229. ص. 2024. 1. العدد 17، المجلد 17 [Хаммад А., Кантауи А. Высший совет магистратуры Алжира: между субординацией и независимостью (сравнительное исследование конституционных поправок 2016 и 2020 гг.) // Алжирский журнал права и гуманитарных наук. 2024. № 1 (17). С. 229–249].

References

- Solovyev, A.A. (2022), “Basic powers of the Superior Council of Magistracy of the People's Democratic Republic of Algeria”, *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*, no. 1, pp. 86–93, DOI: 10.46279/ASMO.2022.21.93.0.
- Abbas, A. (2017) آمال عباس. المجلس الأعلى للقضاء بين الوجود والاحتواء \\\ المجلة الجزائرية للعلوم [“The Supreme Judicial Council between existence and containment”, *Revue Algérienne des Sciences Juridiques et Politiques*, vol. 54, no. 2, pp. 45–66].
- Azzaz, S. (2019) سعيدة عزاز. تنظيم وتسيير المجلس الأعلى للقضاء كهيئة تأديبية \\\ مجلة العلوم [“Organization of the governance for

- the Superior Council of Magistracy as a disciplinary body”, *Algerian Journal of Socio-Humanitarian Sciences*, no. 18, pp. 80–103].
- Amrush, H. (2018) قراءة قانونية نقدية في تشكيلة المجلس الأعلى للقضاء الجزائري \ \ [“Critical analysis of the Superior Council of Magistracy composition”, *Cahiers de Politique et de Droit*, vol. 19, no. 10, pp. 331–344.
- Boughogal, F. (2019) فتحة بوغال. تدخل وزير العدل في مؤسسة المجلس الأعلى للقضاء وأثره على استقلالية السلطة القضائية في الجزائر \ \ مجلة الحقوق والحريات، المجلد 05، العدد 02، 2019. ص. 119–135 [“Interference by the Minister of Justice in the institution of the Superior Council of the Judiciary and its impact on the independence of the judiciary in Algeria”, *Rights and Freedoms*, vol. 5, no. 2, pp. 119–135].
- Ghressi, J. (2018) جمال غريسي. المجلس الأعلى للقضاء في الجزائر بين النصوص والواقع. دراسة قانونية تحليلية لتشكلاته، نظام سيره وصلاحياته \ \ مجلة العلوم القانونية والسياسية، المجلد 09، العدد 02، 2018. ص. 50–65 [“The Higher Council of the Magistracy of the People's Democratic Republic of Algeria between documents and reality. Analytical and legal analysis of its composition, system and powers”, *Algerian Journal of Law and Political Sciences*, vol. 9, no. 2, pp. 50–65].
- Jalab, K. (2022) كمال جعلاب. سياسات استقلال القضاء في الجزائر: مكانة القضاء في الدستور المعدل لسنة 2020 \ \ مجلة “حكامة”، المجلد الثاني، العدد 4، 2022. ص. 86–104 [“The independence of the judiciary in Algeria: The position of the judiciary in the 2020 Constitutional amendment”, *Hikama*, vol. 4, no. 2, pp. 86–104].
- Malag, S. and Mekhalat, B. (2021) سعيد معلق، بلقاسم مخلط. المجلس الأعلى للقضاء: البنية الهيكلية \ \ [“Supreme Council of the Magistracy. Organizational structure and advisory functions”, *Voice of Law*, vol. 7, no. 3, pp. 1301–1320].
- Hammad, A. and Kantaoui, A. (2024) والاسـتقلالية (دراسة مقارنة بين التعديليين الدستوريين 2016 و2020) \ \ مجلة الحقوق والعلوم الإنسانية. المجلد 17، العدد 1، 2024. ص. 249–229 [“The Higher Council of the Magistracy of Algeria. Between subordination and independence (a comparative study of the 2016 and 2020 constitutional amendments)”, *Algerian Journal of Law and Humanitarian Sciences*, vol. 17, no. 1, pp. 229–249].

Информация об авторе

Анна Н. Бурова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; burova-denjak@mail.ru

Information about the author

Anna N. Burova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; burova-denjak@mail.ru

Эхо «арабской весны» в Объединенных Арабских Эмиратах

Самир С. Мамедов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, slavin-kelevra@mail.ru*

Аннотация. В работе исследуется феномен «арабской весны» и ее хаотичного появления как в регионе в целом, так и в Объединенных Арабских Эмиратах в частности, ее особенности, последствия и реакция государства на данные события. Изучены требования сформировавшейся оппозиции, ее истоки и последующая судьба в контексте революционных событий на Ближнем Востоке. Важное место в организованной оппозиции отведено организации «Ислях», являющейся эмиратской ячейкой активной в период «арабской весны» организации «Братья-мусульмане»*. Рассмотрены правительственные контрмеры, политические послабления и упрощение получения гражданства детьми, родившимися в браке с иностранцами. Также в работе уделяется внимание основам государственной власти в ОАЭ, так как именно они влияют на сформированные запросы оппозиционной стороны, в основном представленной интеллигенцией, а также дают четкое понимание о масштабах индивидуального влияния на принимаемые в стране решения со стороны фактического главы государства. Это, в свою очередь, обязывает изучить бэкграунд и мировоззренческие позиции бывшего президента федерации Халифы бин Заеда Аль-Нахайяна по отношению к столь важным событиям, затронувшим весь регион Ближнего Востока и Северной Африки в разной степени. В рассмотренном комплексном подходе содержится ответ на вопросы, связанные с событиями «арабской весны» в Эмиратах, их базисом, решением и последствиями для федерации.

Ключевые слова: ОАЭ, «арабская весна», «Ислях», государственность, Персидский залив, оппозиция, национальная безопасность

Для цитирования: Мамедов С.С. Эхо «арабской весны» в Объединенных Арабских Эмиратах // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 69–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-69-83

© Мамедов С.С., 2024

*Запрещенная в РФ террористическая организация.

Echoes of the “Arab Spring” in the United Arab Emirates

Samir S. Mamedov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, slavin-kelevra@mail.ru*

Abstract. The work studies the phenomenon of the Arab Spring and its chaotic emergence both in the region as a whole and in the United Arab Emirates in particular, its features, consequences and the state's reaction to these events. The demands of the formed opposition, its origins and subsequent fate in the context of revolutionary events in the Middle East are analyzed. An important place in the organized opposition is given to the Islyah organization, which is an Emirati cell of Muslim Brotherhood* active during the Arab Spring. The author considers the government countermeasures, political relaxations and simplification of obtaining citizenship for children born in marriage with foreigners. The work also pays attention to the basic principles of state power in the UAE, since they influence the formed demands of the opposition side, mainly represented by the think tanks, and also provide a clear understanding of the scale of individual influence on decisions made in the country by the actual head of state. It in turn, obliges one to study the background and ideological positions of the former president of the federation, Khalifa bin Zayed Al Nahyan, in relation to such important events that affected the entire region of the Middle East and North Africa to varying degrees. The comprehensive approach answers the questions related to the events of the Arab Spring in the Emirates, their basis, solution and consequences for the federation.

Key words: UAE, Arab Spring, Islyah, statehood, Persian Gulf, opposition, national security

For citation: Mamedov, S.S. (2024), “Echoes of the ‘Arab Spring’ in the United Arab Emirates”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Studies. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 69–83, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-69-83

«Арабская весна» – сложное политическое явление, выходящее за рамки восстаний и падений ряда политических режимов в арабских странах в первые месяцы 2011 г. Ее влияние на регион сложно переоценить, так как оно актуально и в настоящее время, а масштабность произошедших событий проявляется в политических и социальных реалиях Северной Африки и Ближнего Востока.

Стихийность, массовость и хаотичность протестов внесли свои коррективы в развитие отдельных арабских стран и региона в целом. Политический застой и активность улиц стали общими факторами для беспрецедентной массовой мобилизации арабских обществ. Неожиданность произошедшего невольно вызывает ассоциации с «черным лебедем» – понятием, введенным в оборот американским писателем ливанского происхождения Нассимом Талебом в его известной одноименной работе. Автор считает, что события, создающие переломный момент в истории, являются беспрецедентными и ошеломительными поначалу в силу своей непредсказуемости и масштабам влияния на общество, однако человек впоследствии склонен к объяснению этого через предшествующие процессы в силу специфики своего когнитивного аппарата. В связи с этим делается вывод о том, что даже большой объем изученной информации и данных не позволяет с точностью спрогнозировать появление «лебеда» и его последствий для социума [Ильина, Чипизубова 2023, с. 16]. Соответственно, возникает закономерный вопрос: как минимизировать влияние таких событий на государство и возможно ли это в современном мире?

В данном контексте особый интерес представляет опыт арабских стран Персидского залива, так как они смогли избежать радикальных потрясений и последствий «арабской весны» (с разной степенью успешности). Несмотря на то что политические, экономические, демографические и социальные условия в странах Персидского залива резко отличаются от реалий жизни в Северной Африке и на Ближнем Востоке, чувство общности, заимствование мобилизационных подходов и способов борьбы сделали возможной вспышку волнений в регионе Персидского залива, особенно в Омане и Бахрейне [Труевцев 2012, с. 23].

Основные события

16 февраля 2011 г., когда телекамеры всего мира были сосредоточены на Каире и Тунисе, десятки тысяч людей собрались на Жемчужной развязке в самом сердце столицы Бахрейна Манама, чтобы призвать к изменениям. Ночью бахрейнские силы вошли в лагерь, чтобы разогнать демонстрантов. Тогда же было проведено экстренное заседание Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАГПЗ), в ходе которого было принято решение о поддержке правящей семьи Халифа. В ходе противостояния протестующих и полиции, продолжавшегося в последующие недели, погибло более 45 человек и было арестовано около 1500 человек,

а еще несколько тысяч уволены с работы¹. В Омане беспорядки вспыхнули после того, как сотни демонстрантов вышли на улицы северного портового города Сохар с требованиями рабочих мест и ликвидации коррупции. Султан Кабус незамедлительно отреагировал, уволив 12 министров и повысив государственные зарплаты, одновременно согласившись увеличить пособия по безработице и минимальную заработную плату на 40%. Эти меры вернули спокойствие в страну [Colombo 2012, p. 114].

Оман и Бахрейн стали наиболее сложными кейсами «арабской весны» среди членов ССАГПЗ (протесты также были проведены в Кувейте и Восточной провинции Саудовской Аравии). В данном контексте выделяется положение Объединенных Арабских Эмиратов, которые можно считать одной из «наименее пострадавших» стран региона в целом. Рябь «арабской весны» достигла берегов ОАЭ с очень существенным отличием. В то время как в Египте, Йемене, Ливии, Сирии и Бахрейне десятки тысяч людей вышли на улицы с требованием свержения режима, в Эмиратах 133 человека, среди которых были преподаватели университетов, представители интеллигенции, журналисты и госслужащие, направили письмо президенту ОАЭ шейху Халифе Аль Нахайяну с требованием реформы политической системы страны [Colombo 2012, p. 114]. В следующем месяце, в апреле 2011 г., четыре неправительственные организации: Ассоциация юристов, Ассоциация учителей, Ассоциация национального наследия «Шухух» и Ассоциация факультетов университетов написали общее письмо, в котором выражались те же требования, выдвинутые 133 заявителями в их обращении [Al-Zo'by, Başkan 2015, p. 405].

На фоне масштабных протестов в других арабских странах подобная форма выражения недовольства может показаться малозначительной, однако в эмиратском политическом контексте требования 133 подписантов и четырех ассоциаций были не менее радикальными. Обе стороны потребовали политической реформы Федерального национального совета, которая принесла бы фундаментальные изменения в государственную систему ОАЭ. Ведь созданный после обретения независимости, этот совет носил консультативный характер, и до 2006 г. семь правителей Эмиратов назначали всех его членов [Хохлова 2020, с. 69]. В 2006 г. половина членов совета стала избираться коллегией выборщиков, состоящей из 6689 эмиратцев: их кандидатуры были предварительно одобрены

¹ Shouting in the Dark // Al-Jazeera. 19.06.2012. URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/2011/08/201184144547798162.html> (дата обращения 08.03.2024).

семью шейхами, а другая половина членов совета по-прежнему назначалась самими правителями. Такая структура позволяла сохранять доминирование позиций высшего совета Эмиратов. Подписанты и ассоциации требовали, чтобы Федеральный национальный совет избирался всеобщим голосованием и обладал законодательными и надзорными полномочиями [Al-Zo'by, Başkan 2015, p. 405]. Ведь главной проблемой существующей системы они считали отсутствие прозрачности и консультативный характер Федерального совета, который не позволяет влиять на принимаемые государством решения [Koch 2011]. Таким образом, они призывали к коренным изменениям в структуре власти, что не могло остаться без внимания государства.

События «арабской весны», с одной стороны, и политические требования – с другой, вызвали неоднозначную реакцию со стороны правительства. Был предпринят ряд социально-экономических мер, которые стали важной поддержкой для населения, однако страна не увидела крупных политических изменений, о которых писала интеллигенция.

В начале марта 2011 г. бывший президент ОАЭ шейх Халифа ибн Зайед распорядился инвестировать около 1,5 млрд долларов в сферу водоснабжения и электроснабжения на севере страны. В том же месяце государство увеличило на 70% выплаты военнослужащим и сотрудникам министерства обороны, вышедшим на пенсию. В сентябре 2011 г. численность коллегии выборщиков была увеличена с 6689 до 129 274 человек. 28 ноября 2011 г. шейх Халифа также помиловал 554 заключенных и погасил их долги и штрафы².

Государство также направило значительную экономическую помощь для стабилизации ситуации [Mainuddin 2016, p. 173]. Пакеты финансовой помощи предлагались для смягчения любых социально-экономических проблем в северных эмиратах [Forstenlechner 2012, p. 55]. Нет никаких доказательств того, что такая финансовая поддержка предотвратила неминуемое восстание; это не та угроза, которую на самом деле представляла ситуация в стране. На этот счет еще в 2004 г. посольство США в Абу-Даби отмечало, что «плохие экономические условия в Северных Эмиратах ... по сравнению с богатством Абу-Даби и Дубая может быть фактором, вызывающим недовольство среди некоторых граждан ОАЭ, которые могут быть более восприимчивы к сообщениям экстремистов». Затем в американском анализе цитируется эмират-

² Sheikh Khalifa pardons 554 prisoners for National Day // The National. 27.11.2011. URL: www.thenational.ae/news/uae-news/sheikh-khalifa-pardons-554-prisoners-for-national-day (дата обращения 08.03.2024).

ский политолог Эбтисам аль-Кетби, который предупредил, что «отсталые экономические условия и экстремизм в некоторых частях ОАЭ могут представлять собой серьезную угрозу» [Forstenlechner 2012, p. 55]. Он также считает беспрецедентным случаем в истории ОАЭ объединение либеральной оппозиции в лице интеллигенции и консерваторов, представленных организацией «Ислях», которые вместе выразили свое желание изменить страну в рамках петиции. В этом он видит вызов для правительства ОАЭ. Комментарий аль-Кетби были актуальны в разгар «арабской весны», так как с точки зрения безопасности и стабильности было необходимо уделить серьезное внимание северным эмиратам и попытаться преодолеть этот большой социально-экономический разрыв в качестве важной профилактики стабильного развития федерации.

Кроме того, в честь 40-го Национального дня были увеличены зарплаты всем служащим федерального правительства. Судебным органам, работникам Минздрава и государственным учителям повысили зарплату до 100%³. В этой связи также стоит выделить шаг, который является довольно прогрессивным для страны Персидского залива: шейх Халифа предоставил эмиратским женщинам, состоящим в браке с неэмиратцами, право подавать заявление на получение гражданства для своих детей и приказал всем государственным учреждениям обращаться с их детьми как с эмиратцами⁴. Учитывая строгую политику стран региона в отношении выдачи паспортов, этот шаг является показательным компромиссом со стороны правительства, которое немедленно отреагировало на ситуацию.

В качестве очередного жеста доброй воли президент страны выделил 2500 земельных участков гражданам Абу-Даби, а также учредил фонд стоимостью 2,74 млрд долл. для помощи гражданам с низкими доходами⁵. В своем обращении к нации по случаю 40-летия суверенитета шейх Халифа обратился к гражданам с уверенностью и решимостью, но что более важно, он не сделал ни единого

³ Salaries of UAE federal staff raised by 100% // Emirates 24/7. 30.11.2011. URL: <https://www.emirates247.com/news/emirates/salaries-of-uae-federal-staff-raised-by-100-2011-11-30-1.430917> (дата обращения 08.03.2024).

⁴ Children of Emirati mothers, expatriate fathers offered citizenship // The National News. 30.11.2011. URL: <https://www.thenationalnews.com/uae/children-of-emirati-mothers-expatriate-fathers-offered-citizenship-1.435309> (дата обращения 08.03.2024).

⁵ President issues National Day resolutions // Gulf News. 30.11.2011. URL: <https://gulfnews.com/uae/president-issues-national-day-resolutions-1.940718> (дата обращения 08.03.2024).

упоминания о сложившейся ситуации и требованиях политических реформ⁶. Это решение может быть связано с желанием сделать акцент на устойчивости государственного развития и подчеркнуть единство общественной позиции или же с нежеланием создавать дополнительную огласку и рекламу малочисленной оппозиции.

Кроме того, данный шаг важен и с медийной точки зрения, ведь государственная помощь создала позитивный фон и атмосферу в массовых медиа, которые, несомненно, стали одним из масштабных факторов «арабской весны». Существует также большое количество работ, посвященных влиянию современных медиа и социальных сетей на массовость и агрессивность протестов, происходивших во время «арабской весны». Некоторые исследователи выделяют этот фактор в группу системообразующих, другие же считают его дополнительным кусочком пазла в этой сложной картине. В этом контексте нужно учесть высокий уровень развития информационных технологий в Эмиратах. Произошедшие события в очередной раз подтвердили важную роль современных технологий. Однако ее сложно отнести к основополагающей, ведь на примере массовых протестов в других странах можно убедиться в том, что они лишь упрощают коммуникацию в уже радикализованной среде, а пример активно цифровизирующихся ОАЭ, избежавших массовых беспорядков, подтверждает данную гипотезу [Wiest, Eltantawy 2012].

Правительство Эмиратов выбрало свой путь противостояния зарождающейся оппозиции внутри страны и обеспечения государственной гегемонии. Во-первых, были арестованы пятеро открытых оппозиционеров, или так называемая пятерка ОАЭ: Ахмед Мансур (эмиратский инженер, правозащитник), Фахд Салим Далак (онлайн-активист), Ахмад Абдул Халек (онлайн-активист), Нассер бин Гейт (экономист и преподаватель) Хасан Али Хамис (онлайн-активист). Примечательно, что Ахмед Мансур был единственным членом «пятерки», который также являлся одним из 133 подписантов. Во-вторых, в ОАЭ были распущены выборные советы двух ассоциаций (Ассоциации юристов и учителей, которые подписали письмо с требованием политической реформы), и в их состав были назначены должностные лица, одобренные правительством. Пятеро задержанных были официально обвинены в июле 2011 г. в публичном оскорблении руководства страны и окончательно приговорены к тюремному заключению (Мансур – на три года, а остальные – на два года) в ноябре 2011 г. В этой волне арестов также был задержан

⁶ Sheikh Khalifa addresses the nation on National Day // Khaleej Times. 01.12.2011. URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/shaikh-khalifa-addresses-the-nation-on-national-day> (дата обращения 08.03.2024).

глава ассоциации Аль-Шухух Фахад Салем аль Шеххи, но он был отпущен спустя неделю⁷.

Таким образом государство использовало как жесткую, так и мягкую силу, чтобы избежать потенциальных угроз в стране [Нуе 2009]. Правительство отправило двойственный сигнал обществу о том, что оно не готово мириться с какой-либо конкуренцией, однако в то же время принимает необходимость постепенного реформирования законодательства и изменений в стране.

*Фактор «Братьев-мусульман»**

Разумеется, появление политических требований со стороны эмиратской интеллигенции не являлось единственной проблемой для государства в период общеарабской турбулентности. Куда более серьезной представлялась потенциальная угроза со стороны движения «Братья-мусульмане (БМ)»*. «Арабская весна» стала большой возможностью для групп, связанных с БМ*, которые получили огромный плацдарм для активных действий в арабских странах, охваченных недовольством и протестами. В связи с этим давние страхи элиты Абу-Даби по поводу этой организации кристаллизовались. Эти движения, казалось, служили доказательством того, что Братство не было просто пассивной группой, предлагающей только риторику. Скорее от них ожидали решительных действий в ситуации, когда представится возможность быстро прийти к власти [Дасгема 2013, р. 3].

История деятельности БМ* в Эмиратах уходит в 70-е гг. XX столетия. К моменту получения независимости от Британии в 1971 г. в новообразованном государстве не было своего высшего учебного заведения⁸, поэтому молодые эмиратцы отправлялись в Египет, Кувейт и другие арабские страны, чтобы получить высшее образование [Al-Zo'by, Başkan 2015, р. 403]. Во время учебы за границей некоторые эмиратцы присоединялись к организации «Братья-мусульмане»* и принимали ее идеологию. Таким образом, некоторые из них становились носителями идей Братства* в ОАЭ после своего возвращения. Чуть позже, в 1974 г., они основали собственную ассоциацию «Ислях»⁹ благодаря щедрому стартовому

⁷ The UAE five: Amnesty urgent action // The Guardian. 11.09.2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/sep/11/amnesty-urgent-action-uae-five> (дата обращения 23.01.2024).

⁸ Первый университет страны был основан в 1976 г. шейхом Заедом.

⁹ Араб. إصلاح – реформа, исправление.

гранту от шейха Рашида бин Саида Аль Мактума, правителя Дубая и вице-президента ОАЭ. Благодаря этой финансовой помощи Братья* также открыли филиалы в Рас-эль-Хайме и Фуджейре. Четыре года спустя, в 1978 г., «Ислях» также начал издавать свой собственный журнал *Islah Journal*, тем самым получив канал для распространения своего послания [Al Nuqaidan 2011].

Переломным моментом в эмиратской политике безопасности стали события 2001 г. в Нью-Йорке. До этого ОАЭ не были близким партнером Запада в сфере безопасности. В частности, двое из угонщиков самолетов 11 сентября были гражданами Эмиратов, а второй старший сын шейха Заеда, шейх Султан, получил выговор за свои крайние взгляды. ОАЭ также были одним из трех государств, признавших Талибан в качестве официального правительства Афганистана, прежде чем отозвать его 22 сентября 2001 г. Незадолго до терактов в США Эмираты принимали на лечение Усаму бен Ладена [Hedges 2021, p. 418]. После теракта в Нью-Йорке в 2001 г. ОАЭ присоединились к международной борьбе с экстремизмом в сотрудничестве с Западом и стали активным противником любых форм экстремизма в странах БВСА. Так, в рамках этой деятельности в Абу-Даби работает центр по борьбе с экстремизмом Хедая¹⁰, в рамках Глобального контртеррористического форума был открыт Центр Саваб¹¹ для противодействия пропаганде и дискурсу ДАИШ**. ОАЭ также стали первым государством БВСА, официально подтвердившим сотрудничество с полицией Евросоюза в рамках антитеррористической борьбы¹².

Государство ведет активную политику в сфере безопасности, поэтому в связи с событиями в Нью-Йорке оно увеличило не только международное сотрудничество в рамках взаимодействия с другими государствами, но и стало внимательней относиться к внутренней ситуации. Так, в 2003 г. состоялся ряд встреч между правительством

¹⁰ Abdullah opens Hedayah centre // Khaleej Times. 14.12.2012. URL: <https://www.khaleejtimes.com/article/abdullah-opens-hedayah-centre> (дата обращения 08.03.2024).

** Запрещенная в РФ террористическая организация.

¹¹ UAE & US Launch Sawab Center – New Digital Communications Hub to Counter Extremist Propaganda // Embassy of the United Arab Emirates in Washington DC. 08.07.2015. URL: <https://www.uae-embassy.org/news/uae-us-launch-sawab-center-%E2%80%93-new-digital-communications-hub-counter-extremist-propaganda> (дата обращения 08.03.2024).

¹² UAE: Chapter 2. Country Reports: Middle East and North Africa // U.S. Department of State 07.05.2007. URL: <https://2009-2017.state.gov/j/ct/rls/crt/2006/82733.htm> (дата обращения 08.03.2024).

федерации и организацией «Ислях». В рамках этих переговоров «Исляху» было предложено отказаться от своих связей с БМ* и закончить политическую деятельность на территории ОАЭ. Взамен на это организация могла получить финансовую поддержку и поддержку правительства в образовательной сфере, однако стороны не достигли договоренности [Al Suwaidi 2019, p. 115].

Отношение к БМ* в стране стало меняться после ряда неприятных событий: предполагаемой связи с египетскими террористическими атаками в 1995 г., участия двух угонщиков самолетов 11 сентября, имевших связи с филиалами «Ислях» в Северных Эмиратах, а затем и самой «арабской весны» – все это усилило напряженность, превратив движение в центр полемики против правительства Эмиратов. Глава страны Мухаммад бен Зайед не мог не отреагировать на «арабскую весну» и потенциальную активность «Братьев-мусульман»* в регионе. В то время как некоторые лидеры имеют репутацию людей, отдающих приоритет экономическому государственному управлению (например, эмир Дубая Мухаммед бен Рашид и шейх Хамад бин Джасим Аль Тани, бывший министр иностранных дел и премьер-министр Катара), Мухаммад бен Зайед, бэкграунд которого был непосредственно связан с вопросами безопасности и обороны, отдавал приоритет бескомпромиссному подходу в решении проблем безопасности. Таким образом, его (и, следовательно, ОАЭ) ответ «Братству»* полностью отражает его непримиримую позицию в области обеспечения безопасности [Gause 2015].

Правительство Эмиратов отреагировало двояко, понимая специфику, демонстрирующую взаимодействие внутренних и региональных проблем. «Проблема “Братьев”»* в ОАЭ была представлена как угроза, требующая чрезвычайных мер и оправдывающая действия за пределами нормальных границ политических процедур» [Buzan 1998, p. 24]. После смерти в 2010 г. поддерживающего «Ислях» эмира Рас-эль-Хаймы шейха Сакра бин Мухаммада правительство страны начало полномасштабную атаку против «Братьев-мусульман»* на местном и региональном уровнях [Al-Zo'by, Başkan 2015, p. 402]. Более 100 человек были арестованы и приговорены, а «Ислях» и «Братья-мусульмане»* были признаны террористическими группами [Katzman 2017, pp. 5–6]. Однако репрессии не ограничивались исламистами: ряд аналитических центров, не связанных с «Исляхом», таких как Исследовательский центр Персидского залива¹³ и немецкий фонд имени Конрада Аде-

¹³ “There is no freedom here”. Silencing dissent in the United Arab Emirates // Amnesty International. 25.01.2015. URL: https://www.amnesty.be/IMG/pdf/emirats_arabes_unis_-_18_11_2014.pdf (дата обращения 09.03.2024).

науэра¹⁴, были либо запрещены, либо их разрешения на деятельность в стране не были продлены.

Подтверждением твердой позиции правительства в вопросе БМ* стали слова главы полиции Дубая, назвавшего их основной предполагаемой угрозой национальной безопасности. Так, Дахи Халфан отметил 18 января 2012 г., что: «Угроза БМ* безопасности Персидского залива по значимости эквивалентна иранской угрозе» [Ragab 2017, p. 41]. Подобные сравнения демонстрируют серьезное отношение к потенциалу исламистов в регионе, так как Иран исторически является одним из наиболее активных акторов региона, чьи политические интересы зачастую расходятся со взглядами стран ССАГПЗ.

Эмираты настороженно отнеслись к приходу БМ* к власти в странах, затронутых «арабской весной», так как это могло вдохновить «Ислях» на создание условий для политических перемен в ОАЭ. Поэтому правительство страны выступило против оказания какой-либо финансовой помощи Египту во время пребывания Братства* в правительстве с июня 2012 по июнь 2013 г. В то время министр иностранных дел Эмиратов Абдулла бен Заед раскритиковал БМ* за неуважение национальных границ и обвинил их в заговоре с целью «подорвать суверенитет государств». Он призвал все страны Персидского залива сотрудничать, чтобы противостоять этой угрозе [Ragab 2017, p. 41].

Заключение

Сцены народных протестов и массовых демонстраций, которые можно было наблюдать во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки во время «арабской весны», не стали реальностью для ОАЭ. Петиция, подписанная 133 общественными деятелями и адресованная президенту, представляет собой основную выраженную идею оппозиции в этой стране. Учитывая это, публичная кампания, которую государство ведет с 2011 г. против «Братьев-мусульман»* на местном и региональном уровнях, может показаться чрезмерно масштабной. Тем не менее «Братство»* и его потенциал представляли собой вызов для Эмиратов, потому что оно порождает оппозиционный активизм, который оспаривает претензии государства на законную власть, легитимность которой

¹⁴ German, US institutes in UAE closed // Gulf News. 05.05.2012. URL: <https://gulfnews.com/uae/government/german-us-institutes-in-uae-closed-1.1004603> (дата обращения 09.03.2024).

была подтверждена в том числе после завершения событий «арабской весны».

В ОАЭ позиция государства во многом отождествляется с позицией фактического лидера, поэтому реакция на происходившие в стране и регионе события была отчасти обоснована подходом шейха Мухаммада бен Зайеда Аль Нахайяна, который в прошлом преобразовал Вооруженные силы и продемонстрировал подход, ориентированный на безопасность и готовность применить силу. «Арабская весна» стала апогеем давно накапливавшейся обеспокоенности по поводу «Исляха». На фоне открытия политического дискурса, растущих вызовов стабильности развития государства, которые были вызваны успехами БМ* во всем регионе, правительство отреагировало в рамках сохранения выстроенной системы безопасности.

Возвращаясь к вопросу о «черном лебеде», нужно отметить, что его последствия для Объединенных Арабских Эмиратов могли быть куда более негативными, чем те, которые мы наблюдали в период «арабской весны». Однако Эмираты смогли минимизировать влияние одного из наиболее масштабных социально-политических явлений в истории региона и подтвердить легитимность существующей системы власти.

Литература

- Ильина, Чипизубова 2023 – *Ильина Е.В., Чипизубова П.А.* Цифровизация на Ближнем Востоке: угроза региональной безопасности или инструмент ее поддержания? // *Мировая политика*. 2023. № 3. С. 15–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-na-blizhnem-vostoke-ugroza-regionalnoy-bezopasnosti-ili-instrument-ee-podderzhaniya/viewer> (дата обращения 23.01.2024).
- Труевцев 2012 – *Труевцев К.М.* «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // *Полития*. 2012. Т. 1. № 64. С. 21–32.
- Хохлова 2020 – *Хохлова А.А.* Существует ли «Ближневосточный монархический авторитаризм» после «арабской весны»? // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 9. С. 69. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43976593_60050637.pdf (дата обращения 23.01.2024).
- Al Nuqaidan 2011 – *Al Nuqaidan M.* Al Ikhwan al Muslimun* fi al Emarat: Al Tamdid wa al Inhesar [Братья-Мусульмане* в Эмиратах: расширение и отступление] // *Al Ikhwan al Muslimun* wa al Salafiyun fi al Khalij* [Братья-мусульмане* и салафиты в Заливе]. Дубай: Аль-Месбар, 2011. С. 7.
- Al Suwaidi 2019 – *Al Suwaidi Kh.H.M.* The UAE and the Challenge of Political Legitimacy Post-Arab Spring 2011–2019. D. Sc. Thesis (Philosophy). Durham: Durham University, 2019. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/13656/1/AlSuwaidi-000631037.pdf?DDD35> (дата обращения 23.01.2024).

- Al-Zo'by, Başkan 2015 – *Al-Zo'by M., Başkan B.* Discourse and oppositionality in the Arab Spring. The case of the Muslim Brotherhood* in the UAE // International sociology. 2015. Vol. 30. No. 4. P. 401–417. doi.org/10.1177/0268580914554664.
- Buzan 1998 – *Buzan B., Wæver O., Wilde J., de.* Security: A new framework for analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
- Colombo 2012 – *Colombo S.* The GCC and the Arab Spring. A tale of double standards // The international spectator. 2012. Vol. 47. No. 4. P. 110–126. DOI:10.1080/03932729.2012.733199.
- Gause 2015 – *Gause G.* Understanding the Gulf States // Democracy journal. 2015. No. 36. URL: <https://democracyjournal.org/magazine/36/understanding-the-gulf-states/> (дата обращения 23.01.2024).
- Dacrema 2013 – *Dacrema E.* New emerging balances in the post-Arab Spring. The Muslim Brotherhood* and the Gulf monarchies // ISPI Analysis. 2013. January. No. 155. P. 1–6. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/analysis_155_2013.pdf (дата обращения 23.01.2024).
- Forstenlechner 2012 – *Forstenlechner I., Rutledge E., Alnuaimi R.S.* The UAE, the “Arab Spring” and different types of dissent // Middle East policy. 2012. Vol. 19. No. 4. P. 54–67.
- Hedges 2021 – *Hedges M.* Small state security engagement in post-Arab Spring MENA: The case of the United Arab Emirates // Asian Affairs. 2021. Vol. 52. No. 2. P. 412–425. doi.org/10.1080/03068374.2021.1916248.
- Katzman 2017 – *Katzman K.* The United Arab Emirates (UAE). Issues for U.S. policy // Congressional Research Service, Report No. 21852. 2017. P. 5–6. URL: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/uscrs/2017/en/117446> (дата обращения 23 Jan. 2024).
- Koch 2011 – *Koch C.* Economics Trumps politics in the United Arab Emirates // Political change in the Arab Gulf States: Stuck in transition / Ed. by M.A. Tetreault, G. Okruhlik, A. Kapiszewski. Boulder, Co: Lynne Reinner, 2011. P. 167–189.
- Mainuddin 2016 – *Mainuddin R.G.* Arab Spring and democratic transition in the GCC. Continuity amidst change // Asian journal of peacebuilding. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 161–186. URL: https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/98884/1/02_Rolin%20G.%20Mainuddin_DOI.pdf (дата обращения 23.01.2024).
- Nye 2009 – *Nye J.* Get smart, combining hard and soft power // Foreign affairs. 2009. Vol. 88. Iss. 4. P. 160–163.
- Ragab 2017 – *Ragab E.* Beyond money and diplomacy. Regional policies of Saudi Arabia and UAE after the Arab Spring // The international spectator. 2017. Vol. 52. No. 2. P. 37–53. URL: <https://sci-hub.ru/10.1080/03932729.2017.1309101> (дата обращения 23.01.2024).
- Wiest, Eltantawy 2012 – *Wiest J.B., Eltantawy N.* Social media use among UAE college students one year after the Arab Spring // Journal of Arab & Muslim media research. 2012. Vol. 5. No. 3. P. 209–226. URL: https://sci-hub.ru/https://doi.org/10.1386/jammr.5.3.209_1 (дата обращения 23.01.2024).

References

- Al Nuqaidan, M. (2011), "Al Ikhwan al Muslimun fi al Emarat Al Tamdid wa al Inhesar" [Muslim Brotherhood* in Emirates. Expansion and Retreat], in *Al Ikhwan al Muslimun wa al Salafiyun fi al Khalij* [Muslim Brotherhood* and Salafis in the Gulf], Al Mesbar, Dubai, UAE, p. 7.
- Al Suwaidi, Kh.H.M. (2019), *The UAE and the Challenge of Political Legitimacy Post-Arab Spring 2011–2019*. D. Sc. Thesis (Philosophy), Durham University, Durham, UK, available at: <http://etheses.dur.ac.uk/13656/1/AlSuwaidi-000631037.pdf?DDD35> (Accessed 23 Jan. 2024).
- Al Zo'by, M., and Başkan, B. (2015), "Discourse and oppositionality in the Arab Spring. The case of the Muslim Brotherhood* in the UAE", *International sociology*, vol. 30, no. 4, pp. 401–417, doi.org/10.1177/0268580914554664.
- Buzan, B., Wæver, O., and Wilde, J., de (1998), *Security: A new framework for analysis*, Lynne Rienner, Boulder, CO, USA.
- Colombo, S. (2012), "The GCC and the Arab Spring. A tale of double standards", *The international spectator*, vol. 47, no. 4, pp. 110–126, DOI:10.1080/03932729.2012.733199.
- Dacrema, E. (2013), "New emerging balances in the post-Arab Spring. The Muslim Brotherhood* and the Gulf monarchies", *ISPI Analysis*, no. 155, pp. 1–6, available at: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/analysis_155_2013.pdf (Accessed 23 Jan. 2024).
- Gause, G. (2015), "Understanding the Gulf States", *Democracy Journal*, no. 36, available at: <https://democracyjournal.org/magazine/36/understanding-the-gulf-states/> (Accessed 23 Jan. 2024).
- Forstenlechner, I., Rutledge, E., and Alnuaimi, R.S. (2012), "The UAE, the 'Arab Spring' and different types of dissent", *Middle East policy*, vol. 19, no. 4, pp. 54–67.
- Hedges, M. (2021), "Small state security engagement in post-Arab Spring MENA: The case of the United Arab Emirates", *Asian Affairs*, vol. 52, no. 2, pp. 412–425.
- Ilyina, E.V. and Chipizubova, P.A. (2023), "Digitalization in the Middle East. A threat to regional security or a tool for maintaining it?", *Mirovaya politika*, vol. 3, p. 15–30, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-na-blizhnem-vostoke-ugroza-regionalnoy-bezopasnosti-ili-instrument-ee-podderzhaniya/viewer> (Accessed 23 Jan. 2024).
- Katzman, K. (2017), "The United Arab Emirates (UAE). Issues for U.S. policy", *Congressional Research Service*, Report No. 21852, pp. 5–6, available at: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/uscrs/2017/en/117446> (Accessed 23 Jan. 2024).
- Khokhlova, A.A. (2020), "Is there a 'Middle Eastern monarchical authoritarianism' after the Arab Spring?", *Aziya i Afrika segodnya*, vol. 9, p. 69, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43976593_60050637.pdf (Accessed 23 Jan. 2024).
- Koch, C. (2011), "Economics Trumps politics in the United Arab Emirates", in Tet-reault, M.A., Okruhlik, G. and Kapiszewski, A., eds., *Political change in the Arab Gulf States: Stuck in transition*, Lynne Rienner, Boulder, CO, USA, pp. 167–189.

- Mainuddin, R.G. (2016), “Arab Spring and democratic transition in the GCC. Continuity amidst change”, *Asian journal of peacebuilding*, vol. 4, no. 2, pp. 161–186, available at: https://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/98884/1/02_Rolin%20G.%20Mainuddin_DOI.pdf (Accessed 23.01.2024).
- Nye, J. (2009), “Get smart, combining hard and soft power”, *Foreign affairs*, vol. 88, iss. 4, pp. 160–163.
- Ragab, E. (2017), “Beyond money and diplomacy. Regional policies of Saudi Arabia and UAE after the Arab Spring”, *The international spectator*, vol. 52, no. 2, pp. 37–53, available at: <https://sci-hub.ru/10.1080/03932729.2017.1309101> (Accessed 23 Jan. 2024).
- Truevtsev, K.M. (2012), “‘Arab Spring’ – progress, actors, technology and intermediate results”, *Politiya*, vol. 1, no. 64, pp. 21–32.
- Wiest, J. B. and Eltantawy, N. (2012), “Social media use among UAE college students one year after the Arab Spring”, *Journal of Arab & Muslim media research*, vol. 5, no. 3, pp. 209–226, available at: https://sci-hub.ru/https://doi.org/10.1386/jammr.5.3.209_1 (Accessed 23 Jan. 2024).

Информация об авторе

Самир С. Мамедов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; slavin-kelevra@mail.ru

Information about the author

Samir S. Mamedov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; slavin-kelevra@mail.ru

Динамика и тенденции женских стартапов в японской предпринимательской среде

Ксения А. Нестерова
Токийский университет, Токио, Япония,
nka-2020@mail.ru

Аннотация. Правительство Японии стало уделять все большее внимание привлечению женщин в социально-экономическую жизнь страны. В частности, женское предпринимательство в Японии с каждым годом набирает более масштабные обороты. Министерство экономики Японии и частные экономические фонды особо отмечают эффективные методики и интересные нововведения женских стартапов. Несмотря на активную деятельность в данной области, количество зарегистрированных женщинами компаний не превышает 1–2% в последнее десятилетие. Помимо этого, японским предпринимательницам в сфере наукоемких технологий приходится справляться не только с общими проблемами гендерного характера, типичными для японской предпринимательской среды, но и с проблемами, присущими исключительно сфере стартапов. Однако невысокая конкурентоспособность по количественным показателям относительно мужского бизнеса полностью восполняется качественными показателями. Реструктурирование женских компаний, их переход с «единорога» на «зебру», а также рост результатов и соответствующее расширение рынка фемтех позволяют говорить о положительной динамике и актуальности женских бизнес-проектов в современной экономике Японии. Серьезный научный интерес вызывает ответ на вопрос: какие факторы оказывают влияние на японских предпринимательниц в сфере стартапов и какие тенденции мы можем наблюдать в ближайшее время?

Ключевые слова: Япония, женское предпринимательство, стартап, гендерное неравенство, фемтех, Кисида, Абэ

Для цитирования: Нестерова К.А. Динамика и тенденции женских стартапов в японской предпринимательской среде // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 84–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-84-98

Dynamics and trends of female startups in the Japanese entrepreneurial environment

Ksenia A. Nesterova

The University of Tokyo, Tokyo, Japan, nka-2020@mail.ru

Abstract. The Japanese government has been focusing more and more on the involvement of women in the socio-economic life of the country. Thus female entrepreneurship in Japan is gaining momentum every year. The Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan and private economic funds note quite effective techniques and interesting innovations of female startups. Despite the active implementation of high technologies and new methods in entrepreneurial activity by Japanese businesswomen, the number of registered companies does not exceed 1–2% in the last decade. Moreover, Japanese women entrepreneurs in the high-tech sector have to cope not only with the general gender issues typical of the Japanese entrepreneurial environment, but also have to face unique challenges of the startup sector. However, the low competitiveness in terms of quantitative indicators relative to male businesses is fully compensated by qualitative indicators. The restructuring of women's companies, their transformation from “unicorn” to “zebra”, as well as the growth of results and the related widening of the femtech market, indicate the positive dynamics and relevance of women's business projects in the current Japanese economy. It is of serious scholarly interest to answer the question: what factors influence startup entrepreneurial activity among Japanese female entrepreneurs and what trends can we observe in the near future?

Keywords: Japan, female entrepreneurship, female startup, gender inequality, femtech, Kishida, Abe

For citation: Nesterova, K.A. (2024), “Dynamics and trends of female startups in the Japanese entrepreneurial environment”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 84–98, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-84-98

Введение

В последние десятилетия японские политики активно занялись поддержкой женского предпринимательства, обращая особое внимание на область стартапов. Японская предпринимательская среда все еще очень консервативна и основывается на традиционной структуре ведения бизнеса. Следует отметить, что большая часть японского бизнеса – это унаследованные компании, находящиеся на рынке уже долгие десятилетия без существенной реструкту-

ризации. Вследствие этого стартапы рассматриваются как ключ к перезагрузке японской экономики и японских компаний. Новая, но достаточно перспективная тенденция подтолкнула правительство Японии к активному финансовому содействию. В ноябре 2022 г. премьер-министр Фумио Кисида в рамках политики «нового капитализма»¹ официально объявил о принятии «5-летнего плана по развитию стартапов»². Согласно этому плану предполагалось десятикратное увеличение количества стартапов, а также выделение одного триллиона йен на его реализацию. Также целью «пятилетнего плана» является увеличение инвестиций в стартапы в десять раз к 2027 г. Особым мотивом активного государственного участия в развитии благоприятной для стартапов среды внутри Японии является увеличение и привлечение зарубежных инвестиций. Можно сказать, что правительство стремится сделать Японию крупнейшим центром стартапов в Азии, а также одним из ведущих в мире стартап-центров³. Министерство торговли Японии назвало данную тенденцию «Вторым созидательным экономическим бумом»⁴ в стране⁵.

Женские стартапы также не остались без внимания политиков. Следует сказать, что еще при Сидзо Абэ было положено начало

¹ Атарасии сихон сюги но гурандо дэзайн оёби дзикко: кэйкаку [Грандиозный план разработки и реализации нового капитализма]. 2022 // Найкаку канбо: [Секретариат кабинета министров]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/kaigi/dai8/shiryu1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

² Сута:тоаппу икусэй гоканэн кэйкаку [Пятилетний план развития стартапов]. 2023 // Найкаку канбо: [Секретариат кабинета министров]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/bunkakai/suikusei_dai3/siryu1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

³ Сута:тоаппу икусэй гоканэн кэйкаку но поинто [Ключевые факты пятилетнего плана развития стартапов]. 2023 // Нихон сэйсаку кинъю: ко:ко [Японская финансовая корпорация – отдел малого и среднего бизнеса]. URL: <https://www.jfc.go.jp/n/findings/pdf/434.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

⁴ «1-й Экономический бум в Японии» / «экономическое чудо» – официально признанный период активного экономического роста с середины 50-х гг. по начало 70-х гг. XX в.

⁵ Сута:тоаппу но тикара дэ сякай кадай кайкэцу то кэйдзай сэйтё: о касоку суру [Использование возможностей стартапов для решения социальных проблем и ускорения экономического роста]. 2024 // Кэйдзай сангё:сё: [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: https://www.meti.go.jp/policy/newbusiness/meti_startup-policy.pdf (дата обращения 12.01.2024).

проведению круглых столов о проблемах женщин в этой области, в частности актуальное и на сегодняшний день отсутствие «ролевой модели». В 2019 г. на конференции «Круглый стол женщин-предпринимательниц, запускающих будущее» уже обсуждались более детальные проблемы, возникающие во время реализации бизнес-проектов, как, например, совмещение проекта с воспитанием детей и замужеством. На первый взгляд обсуждение подобных вопросов может показаться незначительным. Однако, учитывая тот факт, что в японском обществе по-прежнему сохраняется традиционное распределение гендерных ролей, а в бизнес-сфере инвесторами являются преимущественно мужчины, такие вопросы, действительно, зачастую становятся камнем преткновения во время питчингов⁷. Тем не менее японское правительство показывает свою вовлеченность в разрешение подобных проблем.

В 2023 г. было объявлено о том, что политический курс «Продвижение стартапов и переход к новой индустриальной структуре»⁸ продолжит оставаться приоритетным направлением комплексной политики правительства⁹. В частности, «женский вопрос» *Дзёсэй-бан хонэбуто но хо:син* (яп. 女性版骨太の方針 2023)¹⁰ в данных мерах был рассмотрен отдельно, что подтвердило серьезные намерения правительства к включению женщин в социально-экономическую сферу Японии. Особое внимание в рамках данного курса

⁶ Тю:сё:кигё: хакусё. 1-3-3 таё:на кигё:но дзиттай [Белая книга средних и малых предприятий: 1-3-3 реальное положение разнообразных новых компаний]. 2020 // Кэйдзай сангёсё [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/2020/chusho/b1_3_3.html (дата обращения 12.01.2024).

⁷ Питчинг – устная или визуальная презентация проекта с целью нахождения инвесторов.

⁸ Сута:ттоаппу но суисин то аратана сангё: ко:дзо:энотенкан (яп. スタートアップの推進と新たな産業構造への転換).

⁹ Инобэ:сён дзюнкан но дзицугэн ни мукэта сэйсаку но хо:ко:сэй [Направленность политики на реализацию цикла инноваций]. 2024 // Кэйдзай сангё:сё: [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: https://www.meti.go.jp/shingikai/sankoshin/sangyo_gijutsu/innovation/pdf/002_03_00.pdf (дата обращения 12.01.2024).

¹⁰ Дзёсэйбан хонэбуто но хо:син (дзёсэй кацуяку дандзё кё:до: санкаку но дзю:тэн хо:син) [Сильная политика в интересах женщин (Приоритетная политика по расширению прав и возможностей женщин и гендерному равенству, 2023 г.)]. 2023 // Дандзё кё:до: санкаку кайги [Совет гендерного равенства]. URL: https://www.gender.go.jp/kaigi/danjo_kaigi/siryu/pdf/ka70-s-1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

было уделено женскому жизненному циклу и различным морально-этическим проблемам на рабочем месте, с которыми японкам приходится сталкиваться в настоящее время¹¹.

Проблемы японских предпринимательниц на разных этапах стартапа

Ранее уже были упомянуты некоторые из проблем, характерных для женских стартапов, как, например, отсутствие ролевой модели и строгое разделение гендерных ролей, влияющие на социально-экономическую среду и возможности реализации в обществе [Debroux 2010]. Однако можно утверждать, что эти проблемы являются общими для всех японских предпринимательниц. Какие же проблемы стоят перед японками, непосредственно связанными со средой инновационного бизнеса? В первую очередь, хотелось бы отметить недостаточное число женщин во всей экосистеме стартапов, как, например, острая нехватка женщин-инвесторов, женщин-консультантов, женщин-наставников, а также женщин, входящих в оценочные комиссии, определяющие рентабельность проекта. Количественная нехватка кадров в экосистеме влияет также и на непосредственное число женских стартапов. Несмотря на активные правительственные меры последних лет, в рамках которых предполагалось повышение количества новых женских стартапов, как минимум, на 10%, их общее количество на 2023 г. не превышало 9% от общего числа японских стартапов¹².

Отдельно стоит рассмотреть некоторые факторы, нехарактерные для обычной предпринимательской деятельности, но играющие большую роль в сфере стартапов, а именно особенности создания и реализации стартапа и взаимодействие участников внутри экосистемы. Действительно, большие проблемы наблюдаются в поиске необходимых контактов и актуальных данных, требующихся на этапе создания стартапа. Как было упомянуто ранее, японская бизнес-среда достаточно закрытая, поэтому женщинам

¹¹ French A., Imahashi R., Suzuki W. Inside Japan's gender problem: The men tasked with empowering women // NIKKEI ASIA. 25.01.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/The-Big-Story/Inside-Japan-s-gender-problem-The-men-tasked-with-empowering-women> (дата обращения 12.01.2024).

¹² Дзёсэй кигё:ка сизэн паккэйдзи [Пакет поддержки женщин-предпринимателей]. 2023 // Кэйдзай сангё:сё: [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/siry08-1.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

без надлежащей поддержки и специальных институциональных структур участие в ней представляется практически невозможным: 49% женщин не к кому обратиться по вопросам продвижения своих проектов, сбору инвестиций¹³. Однако даже если проект удалось реализовать на первоначальном этапе, возникает проблема, связанная с IPO¹⁴, которое, в свою очередь, является одним из важнейших этапов по продвижению стартапа. Тем не менее около 50% женщин планируют отложить IPO на долгий срок в 5 и 10 лет¹⁵. Ввиду того что потребности на рынке стартапов меняются очень быстро, как и сам рынок, существует большая вероятность того, что без концентрированной и быстрой реализации проекта, подготовке к IPO и последующему продвижению проект полностью потеряет свою актуальность и не будет реализован.

Как на этапе подготовки, так и на этапе реализации женский стартап сталкивается с трудностями. При продвижении нового стартапа, его выход на рынок происходит в основном через крупные компании или слияние с ними. Однако на японском рынке по-прежнему мало компаний, владельцами которых являются женщины [Nakazawa 2022]. По этой причине для преобладающего числа мужчин в оценочных комиссиях и комиссиях по распределению инвестиций женские стартапы не представляют интереса ввиду непонимания необходимости и важности целей проекта. Однако в последние годы заметны улучшения в частных компаниях. Согласно данным Агентства финансовых услуг, несмотря на то что у 77% инвесторов инвестиции, направленные на женские проекты, на данный момент составляют менее 10%, 65% инвесторов готовы к увеличению финансирования женских стартапов¹⁶, что говорит о положительной динамике в вопросе преодоления гендерной предвзятости в бизнес-среде.

¹³ «Сута:тоаппу кайвай ни окэру джэнда: но тайё:сэй» ни кансүру анкэ:то [Опрос на тему «Гендерное разнообразие в мире стартапов»]. 2022 // Кинъю:тё: [Агентство финансовых услуг]. URL: https://www.fsa.go.jp/common/about/kaikaku/openpolicylab/dei_startup02_1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

¹⁴ IPO (Initial Public Offering) – первичное публичное размещение акций на фондовой бирже.

¹⁵ «Сута:тоаппу кайвай ни окэру джэнда: но тайё:сэй» ни кансүру анкэ:то [Опрос на тему «Гендерное разнообразие в мире стартапов»]. 2022 // Кинъю:тё: [Агентство финансовых услуг]. URL: https://www.fsa.go.jp/common/about/kaikaku/openpolicylab/dei_startup02_1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

¹⁶ «Сута:тоаппу кайвай ни окэру джэнда: но тайё:сэй» ни кансүру анкэ:то [Опрос на тему «Гендерное разнообразие в мире стартапов»]. 2022 //

Заключительным этапом стартапа является «выход на прибыль» или окупаемость проекта, но здесь также существуют некоторые сложности. Ввиду недостатков в образовательной системе Японии как у мужских, так и у женских стартапов часто возникают трудности в создании окупаемого проекта [Inada 2020]. Помимо этого, в консервативной японской предпринимательской среде, склонной к большому доверию и поощрению людей с опытом и большому доверию к крупным компаниям с историей [Morikawa 2016], для начинающих компаний и молодых людей при отсутствии возможности слияния или получения одобрения от крупной компании вероятность осуществления проекта значительно снижается. Несильная привлекательность японского рынка (за исключением некоторых частных проектов) для иностранных компаний и относительно небольшое количество инвестиций с их стороны также не способствуют разрешению текущих проблем.

Тенденции в области женских стартапов

Проблемы, с которыми сталкиваются женщины в сфере стартапов, государственный и частный сектор Японии восприняли как задачи, ввиду чего приложили многочисленные усилия для их разрешения в последние годы. Именно по этой причине мы можем говорить о благоприятных тенденциях в развитии и восприятии женских стартапов. В первую очередь стоит сказать, что общий процент девушек–руководительниц проектов показал положительный рост и составил 7,69% в 2017 г.¹⁷, после чего в 2023 г. вырос до 8,3%¹⁸. Также особые меры предпринимаются в области усовершенствования образовательных инициатив и бизнес-ком-

Кинью:тё: [Агентство финансовых услуг]. URL: https://www.fsa.go.jp/common/about/kaikaku/openpolicylab/dei_startup02_1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

¹⁷ Токубэцу кикаку. Дзэнкоку дзёсэй сятё: Бунсэки [Специальный проект: Анализ женщин–президентов компаний во всей стране]. 2017 // Кабусики гайся тэйкоку дэ:та банку [Акционерная компания Тэйкоку]. URL: <https://www.tdb.co.jp/report/watching/press/pdf/p170503.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

¹⁸ Доля женщин-президентов составляет 8,3%, что является рекордным показателем, но все еще ниже 10% // Teikoku date bank. 29.11.2023. URL: <https://prtimes.jp/main/html/rd/p/000000778.000043465.html> (дата обращения 12.01.2024).

муникаций в рамках «Национальной сети организаций поддержки женщин-предпринимателей»¹⁹. Помимо этого, правительственная поддержка позволила укрепить взаимодействие между исследователями, венчурными капиталистами и отраслевыми компаниями. За последние годы также были упрощены административные и налоговые процедуры²⁰ и учреждены кредиты с низкими процентами для женщин, молодых и пожилых людей, которые стремятся к занятию бизнесом²¹. Категории женщин, для которых предназначалась поддержка в области стартапов, поделили на две большие группы: до 35 лет и после 55 лет²², что также говорит о продуманном курсе, направленном на разные слои общества для удовлетворения нужд каждого из них.

Особое внимание в рамках мер по развитию женских стартапов начиная с 2019 г. было приковано к вопросам создания ролевой модели. С 2023 г. данную задачу планируется решать по трем направлениям – популяризация женских стартапов среди школьников; заграничные стажировки для студенток и молодых специалистов; командировки по обмену опытом для предпринимательниц в рамках международных стартапов, венчурных компаний, акселераторских центров в Силиконовой долине, Бостоне, Нью-Йорке, Сан-Диего, а также Израиле и Сингапуре. Среди прочего планируется создание японских бизнес-центров

¹⁹ スタートアップ支援政府機関プラットフォーム (Plus)

²⁰ Сута:тоапу но сикин тѣ:тацу ни кансуру кигѣ: но дзиттай тѣ:са оѣби кѣнто:кай дзисси то [Исследование фактической ситуации компаний в отношении финансирования стартапов, проведение обзорных встреч и т. д.]. 2023 // Кѣйдзай сангѣ:сѣ: [Финансовый отдел, Департамент предпринимательской среды, агентство малого и среднего предпринимательства, Министерство экономики, торговли и промышленности]. URL: https://www.meti.go.jp/meti_lib/report/2022FY/000211.pdf (дата обращения 12.01.2024).

²¹ Дзѣсѣй кигѣ:ка вариай сѣкай ити то:си сю:ѣкирицу но такай сута: тоапу экосисутѣму сикаго [Чикаго, стартап-экосистема с самой высокой в мире долей женщин-предпринимателей и самой высокой рентабельностью инвестиций]. 2020 // Джетро [Японская организация по развитию внешней торговли]: URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/_Reports/02/2020/d424aa0de448ed5b/202003.pdf (дата обращения 12.01.2024).

²² Дзѣсѣй кигѣ:ка сизѣн паккѣ:дзи [Пакет поддержки женщин-предпринимателей]. 2023 // Кѣйдзай сангѣ:сѣ: [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/siryos-1.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

в Кремниевой долине и Бостоне²³. Особое внимание хотелось бы уделить проблемам японской образовательной системы, не позволяющей подготавливать достаточное количество девушек, заинтересованных в создании инновационных проектов. В целях восполнения подобных пробелов начиная с 2005 г. при поддержке правительства и кабинета министров Министерство образования Японии учредило специальный конкурс *рико тярэ* (яп. リコチャレ)²⁴ для старшеклассниц и студенток, заинтересованных в технических специальностях²⁵. Подобные мероприятия позволяют не только повысить осведомленность девушек о технологической и инновационной среде, но и оказывает положительное влияние на выбор карьеры.

Динамичная государственная поддержка женских стартапов коснулась и некоторых частных компаний, которые также заинтересованы в продвижении женских инициатив. Руководство MPower Partners²⁶ заявило, что планирует нанимать большее количество женщин в инвестиционные структуры, с целью гендерной диверсификации в сферах венчурного капитала и стартапов²⁷. Однако наиболее важной тенденцией для женских стартапов является предположительный переход большинства из них с «единорога»²⁸ на «зебру»²⁹. «Единорог» по своему содержанию подразумевает более мужской подход, так как сконцентри-

²³ Сута:тоаппу икусэй гоканен кэйкаку [Пятилетний план развития стартапов]. 2023 // Найкаку канбо: [Секретариат кабинета министров]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/bunkakai/suikusei_dai3/siryuu1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

²⁴ 理工チャレ – научно-технический челлендж.

²⁵ Рико тярэ то ва [Что такое рико тярэ]. 2024 // Дандзё: кё:до: санка-кукёку [Бюро гендерного равенства]. URL: https://www.gender.go.jp/c-challenge/about_rikochalle/index.html (дата обращения 12.01.2024).

²⁶ MPower Partners – один из наиболее известных венчурных фондов в Японии.

²⁷ «Сута:тоаппу кайвай ни окэру джэнда: но тайё:сэй» ни кансору анкэ:то [Опрос на тему «Гендерное разнообразие в мире стартапов»]. 2022 // Кинъю:тё: [Агентство финансовых услуг]. URL: https://www.fsa.go.jp/common/about/kaikaku/openpolicylab/dei_startup02_1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

²⁸ Компания-единорог, также юникорн (от англ. Unicorn company) – компания-стартап, получившая рыночную оценку стоимости в размере свыше 1 млрд долларов США.

²⁹ Компания-зебра – стартап, ориентированный на построение устойчивого бизнеса, является противоположностью единорога.

рован в первую очередь на масштабе и дальнейшем расширении бизнеса, а «зебра» нацелена не только на экономическую, но и на социальную эффективность. Учитывая тот факт, что социальным предпринимательством занимаются по большей части женщины, можно смело говорить о том, что государственная поддержка «зебр» позволит японкам еще больше раскрыть свой потенциал, но с меньшей конкуренцией. Дополнительное преимущество «зебр» перед «единорогами» состоит в непосредственной возможности разрешения социально-экономических проблем Японии. Прогрессирующее старение населения и снижающаяся рождаемость требуют совершенно нового подхода и пересмотра экономических и социальных отношений внутри страны. Женщины, находящиеся на руководящих должностях в Японии, преимущественно нанимают больше женщин, что характеризуется не только увеличением количества рабочих мест для тех, кто не смог трудоустроиться в традиционную японскую фирму, но также и структурным обновлением политики компаний³⁰.

Сферы женского стартапа в Японии

Какими сферами занимаются японки в области стартапов? До настоящего времени основные области были сконцентрированы вокруг энергетики, искусственного интеллекта, здравоохранения, авиации и космоса³¹. Помимо этого, женские стартапы занимались SDG³², углеродной нейтральностью, разработкой современных материалов, медицинскими технологиями, агротехнологиями³³.

³⁰ Сута:тоаппу икусэй гоканэн кэйкаку [Пятилетний план развития стартапов]. 2023 // Найкаку канбо: [Секретариат кабинета министров]. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/atarashii_sihonsyugi/bunkakai/suikusei_dai3/siryou1.pdf (дата обращения 12.01.2024).

³¹ Вагакуни ни окэру сута:тоаппу о торимаку гэндзё: то кадай [Текущая ситуация и проблемы, связанные со стартапами в Японии]. 2021 // Токкётё: [Патентное ведомство Японии]. URL: https://www.jpo.go.jp/resources/report/sonota/startup/document/index/startup_r3_hokoku_bunseki_01.pdf (дата обращения 12.01.2024).

³² SDG – Sustainable Development goals – Цели в области устойчивого развития.

³³ Дзёсэй кигё:ка сиэн паккэ:дзи [Пакет поддержки женщин-предпринимателей]. 2023 // Кайдзай сангё:сё: [Министерство торговли, промышленности и экономики Японии]. URL: <https://www.kantei.go.jp/jp/content/siryos-1.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

Однако в последнее время большую популярность в стартап-среде набирает фемтех³⁴. Размер рынка фемтех в 2021 г. составлял 64 297 млрд иен, что составило 107,7% относительно 2020 г. Этот рост ускоряется с каждым годом. Правительство также способствует учреждению необходимых структур и внедрению мер для развития данной области. В октябре 2020 г. была создана «Парламентская федерация продвижения фемтехнологий», а в марте 2021 г. «Рекомендации по продвижению политики популяризации продуктов, связанных с фемтех»³⁵. В рамках деятельности некоторых компаний фемтех мы уже можем наблюдать более гибкое, по сравнению с обычными компаниями, взаимодействие с сотрудниками. В частности, в сентябре 2018 г. железнодорожная компания Одакю³⁶ и Mixi³⁷ предоставили своим сотрудницам доступ к сервису FamiOne –консультациям по лечению бесплодия и выкидышей, чьими услугами они могли воспользоваться в любое время³⁸. Женщины, работающие в компаниях, которые всесторонне заботятся о благополучии и здоровье персонала, своим примером привлекают новые кадры, повышая статус и доход этих компаний. С чем связаны позитивные ожидания от активного внедрения фемтех в японские фирмы и корпоративную культуру? Симптомы, связанные с менструальным циклом, лечение бесплодия и симптомы менопаузы оказывают значительное влияние на работающих женщин, приводя к снижению производительности труда, возможному увольнению с работы, изменению статуса занятости и снижению продвижения по службе [Liu, Sato 2023], что в рамках японской

³⁴ Фемтех (femtech) – термин в информационных технологиях, объединяющий решения и стартапы, ориентированные на женское здоровье.

³⁵ Фэммутэкку ю:рё:кигё:11сэн. Дзёсэйноканко:мондай о сасаэру кигё: но торикуми • дзирэй о сё:кай [11 отличных фемтех-компаний. Представляем инициативы и примеры компаний, которые поддерживают вопросы женского здоровья]. 2024 // Ги:кури:медиа [Новостное издание Гикури]. URL: https://www.geekly.co.jp/column/cat-technology/femtech_companys_introduce/ (дата обращения 12.01.2024).

³⁶ Odakyu electric railway – частный железнодорожный оператор в Токио.

³⁷ Mixi – японский онлайн-сервис.

³⁸ Фэммутэкку ю:рё:кигё:11сэн. Дзёсэйноканко:мондай о сасаэру кигё: но торикуми • дзирэй о сё:кай [11 отличных фемтех-компаний. Представляем инициативы и примеры компаний, которые поддерживают вопросы женского здоровья]. 2024 // Ги:кури:медиа [Новостное издание Гикури]. URL:https://www.geekly.co.jp/column/cat-technology/femtech_companys_introduce/ (дата обращения 12.01.2024).

рабочей политики является актуальной проблемой. Учитывая текущие трудности японок, связанные с трудоустройством, а также усилия правительства по привлечению женщин в экономику³⁹, можно предположить, что еще большее число компаний будет планировать создание комфортных условий работы для женщин. Помимо этого, создание комфортных рабочих условий позволит Японии еще более интегрироваться в мировую экономику, обеспечить должную конкурентоспособность японских компаний [Мизинова 2014], что также является одним из стратегических направлений японского правительства по привлечению иностранного капитала для женских и мужских стартапов.

Заключение

Таким образом, мы можем наблюдать, что премьер-министры Японии Синдзо Абэ и Фумио Кисида действительно уделили большое внимание не только вовлечению женщин в социально-экономическую жизнь страны, но и поспособствовали их предпринимательской деятельности, а также активно занялись привлечением женщин в сферу стартапов. Однако, несмотря на это, женщинам, занимающимся стартапами, приходится сталкиваться не только с общими проблемами, характерными для японских предпринимательниц, но и с проблемами, связанными исключительно со сферой стартапов. Учитывая некоторую степень гендерной предвзятости к женской предпринимательской деятельности и изначально закрытую структуру японского предпринимательства, можно сказать, что, действительно, у женщин нет полноценного доступа к необходимой информации и нетворкингу в данной среде. Помимо этого, отмечается крайне низкое количество женщин-менторов и наставников в акселераторских центрах, а также женщин-инвесторов, понимающих нужды и цели проектов своих коллег, что значительно ограничивает раскрытие потенциала начинающих предпринимательниц [Haneda, Sugiyama 2023]. Однако, несмотря

³⁹ Хатаракиката, курасиката но хэнка но арикаата га сё:рай но ниппон кэйдзай ни атаэру ко:ка то кадай ни кансуру тё:са [Исследование результатов и проблем текущих изменений в трудовой культуре и образе жизни, которые влияют на будущее японской экономики]. 2020 // Кэйдзайсан-гё:сё: кэйдзай сангё: сэйсакукёку [Министерство экономики, торговли и промышленности, Бюро экономической и промышленной политики]. URL: https://www.meti.go.jp/policy/economy/jinzai/R2fy_femtech.pdf (дата обращения 12.01.2024).

на все существующие проблемы, мы можем говорить о положительных тенденциях в последние годы. Например, налаживание взаимодействия между образовательными институтами и венчурными фондами; создание различных государственных и частных учреждений для женщин разных возрастных групп и с разным опытом в предпринимательстве.

Гендерное разнообразие в экосистеме стартапов позволит не только освежить японскую экономику и внутреннюю политику компаний, но также и поспособствовать разрешению социальных проблем японского общества, таких как старение населения, недостаток работоспособного населения, сложности, сопряженные с женским трудоустройством и трудовой деятельностью с помощью новейших технологий. Помимо этого, следует отметить, что тенденции в области стартапов очень быстро изменяются, ввиду чего необходима более активная работа с экосистемой и внедрением новых механизмов. Заинтересованность японского правительства в поддержке стартапов является положительной тенденцией, но если существующая структура, с преобладанием в ней мужчин, останется нетронутой или нововведения будут развиваться медленными темпами, в дальнейшем уже не представится возможным полноценно разрешить назревшие проблемы.

Литература

- Мизинова 2014 – Мизинова А.Е. Проблема вовлечения женщин в трудовую деятельность в современной Японии / Япония: Ежегодник. 2014. № 43. С. 126–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vovlecheniya-zhenschin-v-tru-dovuyu-deyatelnost-v-sovremennoy-yaponii> (дата обращения 12.01.2024).
- Debroux 2010 – Debroux Ph. Female entrepreneurship in East and South-East Asia. Opportunities and challenges. Chandos: Contemporary issues and trends, 2010. 240 p. (Chandos Asian studies Series)
- Inada 2020 – Inada Yu. Effects of collaborative learning in a Japanese higher education entrepreneurship course. Developing self-efficacy and confidence // Review of integrative business and economics research. 2020. Vol. 9. Iss. 3. P. 108–132. URL: https://www.buscompress.com/uploads/3/4/9/8/34980536/riber_9-3_07_s19-185_108-132.pdf (дата обращения 12.01.2024).
- Haneda, Sugiyama 2023 – Haneda Sh., Sugiyama Ya. Дзисон кандзё: то руидзисэй ни ёру кё:кан – Сута:тоаппу га тэйкэйсаки кигё: о сентаку сурү кидзюн ни кансүру сицүтэки кэнкю: [Самооценка и эмпатия на основе сходства: качественное исследование критериев стартапов при выборе компаний-партнеров] // Со:сики какаку [Теория организаций]. 2023. Vol. 57. P. 51–65.

- URL: <https://doi.org/10.11207/soshikikagaku.20230201-1> (дата обращения 12.01.2024).
- Liu, Sato 2023 – *Liu Y., Sato H.* Analysis of the Menotech and Femtech markets for menopausal women in Japan // *IASDR 2023 Life-changing design* / Ed. by D. De Sainz Molestina, L. Galluzzo, F. Rizzo, D. Spallazzo. Milan: Politecnico di Milano 2023. P. 1–20, doi.org/10.21606/iasdr.2023.186 .
- Morikawa 2016 – *Morikawa M.* What types of companies have female directors? Evidence from Japan // *Japan and the world economy*. 2016. Vol. 37–38. P. 1–7, doi.org/10.1016/j.japwor.2015.09.001.
- Nakazawa 2022 – *Nakazawa Yu.* Кигё:ка га кацуюкусуру тамэ но канкё: сэйби ни кансуру дзиссё: бунсэки – 24 но кунитики дэ кигё:суру 61мэй но интабю: тё:са о мото ни [Эмпирический анализ развития среды для процветания предпринимателей – на основе интервью с 61 предпринимателем в 24 странах и регионах] // *Хоккайгакуэндайгаку дайгакуин кэйэйгаку кэнкю:ка кэнкю:ронсю: [Научные статьи Высшей школы делового администрирования Университета Хоккай-Гакуэн]*. 2022. Vol. 20. P. 15–47. URL: http://hokuga.hgu.jp/dspace/bitstream/123456789/4428/1/04_P15-47_中澤論文.pdf (дата обращения 12.01.2024).

References

- Debroux, Ph. (2010), *Female entrepreneurship in East and South-East Asia. Opportunities and challenges*, Contemporary issues and trends, Chandos, UK. (*Chandos Asian studies Series*)
- Inada, Yu. (2020), “Effects of collaborative learning in a Japanese higher education entrepreneurship course. Developing self-efficacy and confidence”, *Review of integrative business and economics research*, vol. 9, iss. 3, pp. 108–132, available at: https://www.buscompress.com/uploads/3/4/9/8/34980536/riber_9-3_07_s19-185_108-132.pdf (Accessed 12.01.2024).
- Haneda, Sh. and Sugiyama, Ya. (2023), “–Self-esteem and similarity-based empathy. A qualitative study of startups’ criteria for selecting partner companies”, *Soshiki kagaku* [Organizational science], vol. 57, pp. 51–65, available at: <https://doi.org/10.11207/soshikikagaku.20230201-1> (Accessed 12.01.2024).
- Liu, Y. and Sato, H. (2023), “Analysis of the Menotech and Femtech markets for menopausal women in Japan”, in De Sainz Molestina, D., Galluzzo, L., Rizzo, Fand Spallazzo, D., eds., *IASDR 2023. Life-changing design*, Politecnico di Milano, Milano, Italy, pp. 1–20, doi.org/10.21606/iasdr.2023.186 A
- Mizinova, A.E. (2014), “The issue of involving women in labor activity in modern Japan”. *Yaponiya: Ezhegodnik*, no. 43, pp. 126–140.
- Morikawa, M. (2016), “What types of companies have female directors? Evidence from Japan”, *Japan and the world economy*, vol. 37–38, pp. 1–7, doi.org/10.1016/j.japwor.2015.09.001 A

Nakazawa, Yu. (2022), “ – Empirical analysis of the development of an environment for entrepreneurs to flourish – Based on interviews with 61 entrepreneurs in 24 countries and regions”, *Hokkaigakuendaigaku daigakuin keiei-gaku kenkyū-ka kenkyū ronshū* [Hokkai-Gakuen University Graduate School of Business Administration research papers], vol. 20, pp. 15–47, available at: http://hokuga.hgu.jp/dspace/bitstream/123456789/4428/1/04_P15-47_中澤論文.pdf (Accessed 12.01.2024).

Информация об авторе

Ксения А. Нестерова, Токийский университет, Токио, Япония; 153-0041, Япония, Токио, район Мегуро, Комаба 3-8-1; nka-2020@mail.ru

Information about the author

Ksenia A. Nesterova, The University of Tokyo, Tokyo, Japan; 3-8-1, Komaba, Meguro-ku, Tokyo, Japan, 153-0041; nka-2020@mail.ru

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 339.9(470+410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-99-110

Россия и Англия в борьбе за железнодорожные концессии в Персии

Завен А. Арабаджян

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
arabzava@yandex.ru*

Аннотация. С древнейших времен Персия имела исключительное значение для движения товаров и людей между Европой и Азией. Появление железнодорожного транспорта усиливало транзитный потенциал страны, и во второй половине XIX в. стали появляться проекты строительства железных дорог в широтном и в меридиональном направлениях. Персидские власти были заинтересованы в реализации таких проектов, поскольку это способствовало бы развитию страны, наполнению государственного бюджета, а также личному обогащению чиновников, причастных к переговорам с иностранными концессионерами.

В 1872 г. данным проектом заинтересовался барон Юлиус Рейтер. Ему удалось на исключительно невыгодных для Персии условиях получить концессию, передававшую в его руки практически всю страну. Ключевым элементом ее являлась железная дорога от Персидского залива до порта Энзели на Каспийском море.

Такое тотальное овладение страной вызвало потрясение в европейских столицах, а особенно в Петербурге, поскольку в перспективе несло большую опасность России со стороны Великобритании. Поэтому российское правительство приложило максимум усилий для того, чтобы убедить Насер эд-Дин-шаха аннулировать данную концессию, и предложило альтернативный проект дороги Тавриз–Джульфа, реализацией которого в качестве частного предпринимателя должен был заняться отставной генерал Фалькенгаген. Предполагалось, что строительство будет вестись на казенные деньги, поскольку русское правительство выкупит почти все акции компании, создаваемой для реализации проекта. Это означало, что проект будет частным лишь номинально.

Условия русской концессии не устраивали персидскую сторону, а кроме того, проект Фалькенгагена вызвал противодействие Англии. В итоге он потерпел неудачу.

© Арабаджян З.А., 2024

Ключевые слова: Персия, Рейтер, Фалькегаген, Насер эд-Дин-шах, железнодорожные концессии, англо-русское соперничество

Для цитирования: Арабаджян З.А. Россия и Англия в борьбе за железнодорожные концессии в Персии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 99–110. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-99-110

Russia and England in the struggle for railway concessions in Persia

Zaven A. Arabadzhyan

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, arabzava@yandex.ru*

Abstract. Since ancient times, Persia has been of utmost importance for trade and migration between Europe and Asia. The emergence of railway transport strengthened the country's transit potential, and in the second half of the 19th century railways construction projects in the latitudinal and meridional directions began to appear. Implementation of these projects was in direct interest of the Persian authorities, as this would promote economic development, contribute to the state budget, and enable personal enrichment of officials involved in negotiations with foreign concessionaires.

In 1872, Baron Julius Reiter showed interest in this project. He managed to get a concession which transferred almost the entire country into his hands, on extremely unfavourable terms for Persia. Its key element was the railway from the Persian Gulf to the port of Anzali on the Caspian Sea.

Such a complete takeover of Persia caused a stir in the European capitals, and especially in St. Petersburg, since in the future it could be a threat to Russia from Great Britain. Therefore, the Russian government made every effort to convince Nasser ed-Din Shah to cancel this concession and proposed an alternative project for the Tabriz-Julfa road, to be undertaken by the retired General Falkenhagen as a private entrepreneur. It was assumed that construction would be funded by the Russian government, since Russia would buy out almost all the shares of the company which would be created to implement the project. This meant that the project would be private in name only.

The terms of the Russian concession did not suit the Persian side, and, in addition, the Falkenhagen project was opposed by England. In the end, it failed.

Keywords: Persia, Reuter, Falkehagen, Nasser ed-Din Shah, railway concessions, Anglo-Russian rivalry

For citation: Arabadzhyan, Z.A. (2024), "Russia and England in the struggle for railway concessions in Persia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 99–110, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-99-110

Введение

Персия с древнейших времен имела исключительно большое транзитное значение. Со временем, после открытия морского пути через Африку, роль этой страны существенно уменьшилась, поскольку торговля направлялась прежде всего по океанским маршрутам. Однако появление в первой половине XIX в. железнодорожного транспорта должно было в значительной степени восстановить транзитный потенциал Персии. В то время между основными европейскими державами развернулась борьба за политическое и экономическое проникновение в эту страну, основными участниками которой стали Англия и Россия. Одним из направлений этого противостояния оказалось соперничество за получение концессий на строительство железных дорог. Первоначально попытки их получения осуществлялись частными лицами, представлявшими деловые круги своих стран или даже международных объединений. Есть сведения о том, что в недрах англо-индийского правительства идея строительства железной дороги в Персии как транзитного пути, соединяющего Индию с Турцией и далее с Европой, появилась в 1850 г., однако она осталась нереализованной [Кулагина 1981, с. 169]. В период между 1864 и 1872 гг. целый ряд европейских концессионеров старались начать строительство железных дорог в Персии. Среди них были представители Франции, Австрии, Германии, России и Англии, которые получили право на реализацию своих проектов. Первым из них, вероятно, был некто Иван Савалан, который в 1864 г. предлагал персидскому правительству передать ему концессию на строительство рельсового пути (история не доносит, какого именно) и освоение месторождений, лежащих вдоль него.

Привлечение иностранных концессионеров не могло обойтись без участия персидских чиновников в Тегеране и послов в европейских странах, которые воспринимали возможные проекты как средство личного обогащения, так как ради получения концессий соискатели или сами раздавали «подарки», либо оные из них вымогались. Однако все ранние попытки организовать железнодорожный проект заканчивались, не успев начаться.

Подводя итог данному этапу усилий персидских властей, лорд Керзон объясняет неудачи раннего периода тем, что все возмож-

ные проекты оказались неуспешными «как имеющие ненадежное происхождение» или не сумевшие мобилизовать капиталы, необходимые для столь масштабного дела¹.

Концессия барона Рейтера

Столкнувшись с серией неудач, персидский посланник в Англии Моин уль-Мольк начинает искать перспективного концессионера в Лондоне. После того как найти известные компании, готовые на осуществление рискованных проектов, не удалось, он знакомится с бароном Полом Юлиусом Рейтером – бизнесменом, склонным к такого рода операциям. Для большей надежности в усердии Моин уль-Молька Рейтер предлагает ему и его брату, служившему секретарем при персидской миссии в Лондоне, доли в будущем предприятии. Ходили слухи о том, что персидский посланник получил взятку в 20 тыс. фунтов [Kazemzadeh 1968, p. 104].

Весной 1872 г. агент Рейтера приехал в Тегеран и представил предложения канцлеру Хусейн-хану Сепасалару, который горячо поддержал идею. Хусейн-хан был знаком с турецкими реформами, поскольку долгое время служил послом в Турции, не был чужд идеям либерализма, разумеется, с местной спецификой, поскольку состоял членом ряда масонских лож.

Переговоры проходили в обстановке полной секретности, во многом из-за того, что Рейтер хотел получить концессию на освоение всех природных богатств страны. В свою очередь, и Насер эд-Дин-шах опасался реакции на предстоящий договор со стороны духовенства и общественности. Даже британская миссия в Тегеране не была проинформирована, что явилось одной из причин не слишком энергичных усилий по отстаиванию интересов концессионера позднее, когда концессия была отменена шахом. Только за 9 дней до подписания концессионного соглашения английский поверенный в делах в Тегеране сообщил в Лондон о том, что планирует сделать Рейтер [Kazemzadeh 1968, pp. 104–105].

Перед подписанием договора Насер эд-Дин-шах собрал своих министров и запросил их мнения по концессии. Поскольку они знали о желании монарха заключить соглашение с Рейтером и были задобрены подношениями его агента в Тегеране, все поддерживали проект документа. Насер эд-Дин-шах подписал концессионный договор с бароном Рейтером 25 июля 1872 г.

¹ Curzon G.N. Persia and the Persian question. Vol. 1. L.: Longman, Green, and Co, 1892.

Данным договором на 70 лет Рейтеру передавались все ресурсы Персии, за исключением месторождений драгоценных камней и металлов. Создаваемые им компании и структуры получали право распоряжения таможами, создать банк, строить железные дороги, распоряжаться лесами, изменять русла рек и пр. Взамен за все эти права компания барона Рейтера должна была выплачивать правительству Персии 15% от чистой прибыли с каждого своего бизнеса в этой стране. Попытка Рейтера овладеть всеми богатствами страны осуществлялась под предлогом строительства вожделенной для персидских властей железной дороги от Персидского залива к порту Энзели на Каспийском море. Согласно договору, гарантия персидского правительства на вложенный в строительство дороги капитал составляла 5% и еще 2% на погашение убытков от невыгодно произведенных инвестиций [Kazemzadeh 1968, p. 107].

Когда известие о произошедшем дошло до европейских стран, оно вызвало полное удивление и непонимание. Крайнюю настороженность концессия Рейтера вызвала и у российских военных, поскольку выход железной дороги к Каспийскому морю нарушал представления о том, что оно является почти что внутренним водоемом России, а в случае реализации указанного проекта англичане могли быстро доставлять к российским границам не только товары, но и свои войска.

Наиболее остро отреагировала российская миссия в Тегеране. Хусейн-хан доносил шаху, что, хотя русские еще не знают содержания статей и условий договора, они перечисляют его недостатки и опасности для Персии [Теумури 1953, p. 114]. Однако Насер эд-Дин-шах был настолько окрылен подписанным договором и уверен в успешности его реализации и эффекте для страны и, разумеется, его самого, что довольно неосмотрительно отвечал: «Я хорошо понял преимущества этого, пусть русская миссия будет так недовольна, сколько ей заблагорассудится. Какое право они имеют? Конечно, власть этой компании от Каспийского моря и Решта до Персидского моря (залива. – *Авт.*) никоим образом для России не хороша, но, дай Бог, для Ирана это (сейчас) хорошо и будет хорошо» [Теумури 1953, p. 114].

Овладение всеми персидскими ресурсами вызвало энергичное сопротивление со стороны религиозных деятелей и патриотически настроенных кругов, которые в принципе не выступали против промышленного развития страны, но протестовали против ее тотальной сдачи в аренду России, а также и Великобритании. Внутреннюю оппозицию энергично поддерживала русская миссия, которая вспомнила о том, что срок концессии господина Савалана истекает только в конце 1872 г., что создавало правовые препятствия для концессии Рейтера.

В конце весны и летом 1873 г. Насер эд-Дин-шах предпринял свою первую поездку в Европу, в ходе которой посетил и Петербург, где во время переговоров с канцлером А.М. Горчаковым обсуждался вопрос рейтеровской концессии. Российская сторона убеждала отменить ее, обещая сама оказать помощь в создании железных дорог в Персии. Иранский историк Э. Теймури приводит письмо персидского канцлера Хусейн-хана посланнику в Петербурге Саед-оль-Мольку, в котором описываются некоторые детали беседы Насер эд-Дин-шаха и его самого с канцлером Горчаковым, когда в ответ на протесты российской стороны шах заявил: «В любом случае, сейчас подписанная Концессия находится у него (Рейтера. – З. А.) в руках. Если он выполнит свои обещания и обязательства, мы ничего не сможем сделать... Однако, если он проявит малейшую небрежность, в будущем мы ни под каким предлогом и ни при каких обстоятельствах не будем оказывать ему помощь и поддержку и аннулируем это Соглашение» [Теумури 1953, р. 120]. Тогда же шах сказал российскому канцлеру, что его страна не может оставаться без железных дорог, и призвал Россию помочь в этом деле [Теумури 1953, р. 120]. В ответ на это князь Горчаков пообещал собеседнику, что обязательно подберет серьезную российскую компанию, которая займется железными дорогами в Персии.

Под давлением России и внутренней оппозиции, в условиях отсутствия поддержки английского правительства, в ноябре 1873 г. Насер эд-Дин-шах аннулировал дарованную Рейтеру концессию.

Ответ генерала Фалькенгагена

К этому времени уже имелся российский проект строительства железной дороги в Персии, представленный отставным генерал-майором инженерных войск бароном А.Д. Фалькенгагеном. Его докладная записка² датирована 14/26 мая 1873 г., т. е. тем временем, когда Насер эд-Дин-шах был еще в Петербурге.

В качестве меры по снижению опасности последствий концессии Рейтера он считал целесообразным немедленно получить концессию от шахского правительства на строительство железной дороги от одного из пунктов на российской границе до Тавриза³. Тавриз избирался им, поскольку являлся крупным торговым центром в северо-западных районах Персии и, будучи соединенным железной дорогой через Джульфу с Тифлисом и позднее с Владикавказом,

² Полный текст см.: АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2995. Л. 2–4.

³ Там же. Л. 2 об.

мог стать очень важным торговым пунктом для русских товаров. Разумеется, это стало бы возможным в том случае, если бы именно российская компания реализовала проект строительства дороги Тавриз–Джульфа, поскольку в таком случае российская торговля не зависела бы от правил и тарифов, которые компания Рейтера могла устанавливать для товаров из России. До Джульфы по российской территории дорога должна была проходить через Александрополь (Ленинакан, Гюмри) и Эривань. Протяженность Дороги Тифлис–Джульфа–Тавриз составила бы 500 верст⁴, из которых 380 – по территории России и 120 – Персии.

В то время уже функционировала дорога Поти–Тифлис, и ее продолжение до персидской границы, а далее до Тавриза позволяло России получить большое преимущество не только в деле выхода на персидский рынок, но и позволяло замкнуть на этот маршрут транзит между Европой и Азией, львиная доля которого в то время шла через турецкий Трапезунд (Тразбон). Кроме того, с учетом крайне непростых отношений с Турцией, такая дорога в случае необходимости давала важные военные преимущества по переброске войск.

Проведенный анализ объемов транзита товаров в Персию через Турцию (Трапезунд) и через территорию России (Баку и Нахичевань) за последние годы подтверждал предположение о возможности переключить значительную часть турецкого транзита на Россию (табл. 1).

Таблица 1

Транзит товаров в Персию в 1871 и 1872 гг. (м.)*

Маршрут транзита	1871 г.	1872 г.
Через Трапезунд	98 633	80 331
Через Нахичевань	6784	15 794
Через Баку	13 064	26 174
Всего	118 481	122 299

Источник: АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2995. Л. 48.

* Непонятно, какая мера имеется в виду. Возможно, метрические тонны. В данном случае важны не абсолютные объемы перевозок, а соотношение между турецким и российским транзитом.

⁴ 1 верста равна 1066 м.

Как видно, в 1871 г. трапезундский транзит превышал российский в 6 раз, а в 1872 г. это превышение упало до 3 раз. Объяснение такого резкого снижения состояло в том, что в 1871 г. начала функционировать Потти–Тифлисская железная дорога, которая сразу же показала быстрый рост объема перевозок и доходов (табл. 2).

Таблица 2

Показатели работы Потти–Тифлиской железной дороги
в 1871–1873 гг.

Год	Объем перевозок (пудов)	Валовой сбор (руб.)
1871	293 485	79 210
1872	3 664 848	602 833
1873 (за 8 месяцев)	2 973 068	641 297

Источник: АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2995. Л. 48.

Уже указанные справочные материалы показывали, что, едва открывшись, данная железная дорога оказалась весьма привлекательной для перевозки грузов и определенно оттянула часть транзитных грузов с турецкого маршрута в пользу российского.

Понимая невозможность добиться положительного решения в Персии, не имея решительной поддержки со стороны российского правительства, русский предприниматель обратился за протекцией к А.М. Горчакову: «...я осмеливаюсь обратиться к Вашей Светлости, как блюстителю этих (государственных. – З. А.) интересов и за пределами нашего отечества, с покорнейшею просьбой оказать благосклонное содействие Ваше к исходатайствованию от Персидского Правительства желаемой концессии»⁵. А.М. Горчаков поддержал предложение А.Д. Фалькенгагена, и 11/23 декабря 1873 г. оно было доложено Александру II, который счел его заслуживающим внимания⁶. Однако если концессия Рейтера являлась предприятием частного лица, то концессию генерала Фалькенгагена было решено сделать частной лишь формально. Ценные бумаги компании, созданной им для строительства и эксплуатации Тавризской дороги, должно было выкупить российское правительство. Частный характер предприятия был необходим, поскольку в случае прямого

⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 2995. Л. 25 об. – 26.

⁶ Там же. Л. 38, 40.

участия российских властей в концессии Англия могла среагировать самым решительным образом. Одним из возможных ответных действий стала бы смена отношения к концессии Рейтера и распространение на нее покровительства британского правительства.

В связи с этим 26 декабря 1873 г. / 7 января 1874 г. МИД направил посланнику в Тегеране А.Ф. Бегеру следующую телеграмму: «Министерство убеждено, что постановка вопроса Тавризской дороги на официальную почву, а также слишком прямое участие Миссии ... неизбежно поведут к столкновениям и политическим затруднениям, особенно при доказанной недобросовестности персиян. Мы думаем, что средством более верным и практическим было бы поручение и исполнение Концессии нашим частным лицом, под негласным руководством и надзором Миссии»⁷.

Стоимость всего проекта должна была составить 3 440 000 русских червонцев⁸. Российское правительство обязывалось выкупить все бумаги, выпущенные для формирования акционерного капитала железной дороги по цене 83,5% от номинала⁹. Концессия предоставлялась на 44 года.

В проекте концессионного договора содержались некоторые условия, которые вызвали резкое неприятие с персидской стороны, в частности гарантия персидского правительства на произведенные инвестиции в размере 6,5% годовых. Это означало, что ежегодно из доходов компании акционеры будут вычитать в свою пользу сумму, эквивалентную 6,5% на вложенный капитал (223 600 червонцев), а то, что останется, делить поровну с персидским правительством. Поскольку дорога могла не давать таких доходов, персидское правительство должно было само выплачивать акционерам эти деньги частично или полностью, в зависимости от уровня рентабельности проекта. Гарантией выплаты должны были стать сборы персидской таможни. Российское предложение состояло в том, чтобы объединить российскую и персидскую таможни в Джульфе (предполагаемый пункт соединения железных дорог двух стран) и создать международную таможню.

Именно эти пункты оказались камнем преткновения на пути реализации проекта и в конечном счете привели к его срыву. При этом немалую роль в провале концессии сыграли англичане, активно настраивавшие Хусейн-хана, в то время занимавшего пост министра иностранных дел, против нее.

⁷ Там же. Л. 64.

⁸ Там же. Л. 112. Червонец при Александре II (с 1869 г.) – золотая монета (золото 917-й пробы) достоинством в 3 рубля, весом 3,93 г.

⁹ Там же. Л. 114.

17 сентября 1874 г. Хусейн-хан проинформировал генерала Фалькенгагена о том, что шах отказался принимать статьи о предоставлении гарантий и создании смешанной таможни, но если эти статьи будут сняты, то персидские министры готовы вступить с ним в переговоры относительно других положений проекта концессии [Kazemzadeh 1968, p. 141]. А.Д. Фалькенгаген ответил, что не может дать ответ на такое предложение, не посоветовавшись со своими партнерами, но, прежде чем он уедет в Петербург, хотел бы знать мнение персидской стороны по другим статьям концессии.

Между тем русский посол в Лондоне сообщал, что на шаха было оказано иностранное влияние для того, чтобы сорвать этот проект, и что это иностранное влияние спровоцировано именно министром иностранных дел Персии. А.Ф. Бегер, получив данную информацию, 21 сентября 1874 г. встретился с Хусейн-ханом и довел ее до его сведения, добавив, что об этом доложено императору, который возмущен его поведением [Kazemzadeh 1968, pp. 141–142].

После долгих переговоров и интриг, подогревавшихся английской миссией в Тегеране, генерал Фалькенгаген без согласования с Петербургом подписал концессию, в тексте которой отсутствовали статьи о гарантиях и создании международной таможни, с правом отзыва подписи в течение четырех месяцев. Однако концессия на таких условиях не могла устроить правительство, поскольку ему следовало вложить немалые средства в проект, отдача от которого не была гарантирована. Такой проект не мог иметь поддержки в министерстве финансов, которое тратило большие средства на строительство железных дорог в России и выплачивало гарантии компаниям, реализовывавшим проекты внутри страны, во многом с привлечением иностранного капитала, в первую очередь французского. В связи с этим генералу Фалькенгагену было рекомендовано отказаться от концессии, и он написал Хусейн-хану, что компания, представляемая им, отказывается от подписанного им с персидским правительством соглашения, но готова вернуться к данному делу, если статьи о гарантиях и создании международной таможни будут восстановлены.

Заключение

Таким образом, первые две серьезные попытки получить концессию на строительство железной дороги в Персии окончились неудачно. Оценивая каждую из них, Ф. Каземзаде отмечает: «Хотя предложенная Фалькенгагеном концессия была гораздо меньшей по объему, чем та, которая была предоставлена Рейтеру, во всех

других отношениях ее условия были более обременительными. То, что якобы было частным предприятием, на самом деле было попыткой российского правительства навязать свой контроль части Персии и сделать это за счет Персии» [Kazemzadeh 1968, p. 138].

Представляется, что данное суждение не вполне объективно и корректно, как потому, что условия обеих концессий были примерно одинаково тяжелыми для Персии, а угроза, исходившая от рейтеровской концессии для независимости Персии, была гораздо больше, чем от таковой генерала Фалькенгагена, поскольку распространялась практически на всю страну. Она потрясла все европейские столицы.

Особенностью России во второй половине XIX в. было то, что она шла преимущественно не по пути развития частного сектора, а с упором на госкапиталистический уклад. В связи с этим железнодорожные проекты реализовывались с прямым участием государства или под государственные гарантии. Поэтому и проект в Персии не мог быть осуществлен без прямого участия государства, хотя и прикрытого ширмой частного предпринимателя, тем более что имел не только коммерческое, но и военно-политическое значение. Англия же, напротив, в то время являлась страной господства частнокапиталистического уклада.

Другой странностью оценки, данной Ф. Каземзаде в связи с ролью государства в случае со второй концессией, является время, когда она была дана – вторая половина XX в. Если бы такого рода оценки были даны в 70 – начале 80-х гг. XIX в., то их можно было бы воспринимать вполне серьезно. Однако тот же Рейтер как частное лицо в 1889 г. получил концессию на учреждение Шахиншахского банка Персии (The Imperial Bank of Persia), а австралийско-британский предприниматель Д'Арси как частное лицо в 1901 г. получил концессию на разведку и разработку нефти в Персии, и мы знаем, как обе эти частные концессии быстро перешли в руки английского правительства и стали важнейшими инструментами британского господства в данной стране и источником обогащения Великобритании. С грузом такого знания не вполне объективно отдавать предпочтение одной хищнической концессии перед другой на том основании, что одна являлась частной, а другая – почти государственной.

Несмотря на неудачу обоих концессионеров, было очевидно, что вопрос о получении концессии на строительство железных дорог в Персии не снят с повестки дня и вся борьба еще впереди. Залогом того было настойчивое желание иностранных держав получить столь выгодные привилегии, а также стремление Насер эд-Дин-шаха создать железную дорогу. Она должна была бы способство-

вать развитию его страны и обогащению государственной казны, которую по старой привычке персидских шахов он рассматривал как свою собственную.

Литература

- Кулагина 1981 – *Кулагина Л.М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX – начале XX в. М.: Наука. 1981. 189 с.
- Kazemzadeh 1968 – *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A study in imperialism. New Haven; L.: Yale University Press, 1968. 711 p.
- Теймური 1953 – *تهران: اقبال. 1332. 411 ص. تیموری ابراهیم. عصر بی خبری یا پنجاه سال استبداد در ایران: تاریخ امتیازات* [Теймури Э. Эпоха безвременья или история концессий в Иране. Тегеран: Эқбаль, 1953. 411 с.]

References

- Kulagina, L.M. (1981), *Ekspansiya angliiskogo imperializma v Irane v kontse XIX – nachale XX v.* [The expansion of British imperialism in Iran at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Kazemzadeh F. (1968), *Russia and Britain in Persia, 1864–1914: A study in imperialism*, Yale University Press, New Haven, USA, London, UK.
- Teymuri E. (1953), *تهران: اقبال. 1332. 411 ص. تیموری ابراهیم. عصر بی خبری یا پنجاه سال استبداد در ایران: تاریخ امتیازات* [The era of timelessness or the history of concessions in Iran], Eqbal, Tehran, Iran.

Информация об авторе

Завен А. Арабаджян, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; arabzava@yandex.ru

Information about the author

Zaven A. Arabadzhyan, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; arabzava@yandex.ru

Фактор христианизации и миссионерской деятельности в интеграции этнической идентичности эве

Николай А. Медушевский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lucky5659@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения христианства в этническом сообществе эве, проживающих на территории современных государств Гана, Того и Бенин, а также влиянию христианизации на формирование групповой идентичности сообщества. В статье описываются основные вехи христианизации сообщества. Констатируется начало этого процесса в контексте португальской колонизации, и реальное распространение христианского вероучения с началом деятельности германских миссионеров в середине XIX в. Последние реализовывали миссионерскую деятельность на языке эве, который был специально создан на базе одного из диалектов в виде письменного. На нем публиковалось Евангелие и осуществлялось обучение в приходских школах. В итоге христианство получило в регионе достаточно широкое распространение, так как включенность в религиозную систему обеспечивала социальные лифты для местного населения. В то же время приобщенность к христианству местного населения во многом оставалась формальной, так как религиозная практика не учитывала местных культурных паттернов, и традиционалистские верования продолжали оставаться популярными, а обращенные христиане часто возвращались к практикам фетишизма. В итоге религиозный дуализм в середине XX в. привел к возникновению феномена «Духовных церквей», которые, номинально являясь христианскими, активно использовали переработанные ритуальные практики традиционалистов. Данная религиозная разобщенность сохраняет свою актуальность по настоящее время и является выраженным препятствием к этнической интеграции народности эве.

Ключевые слова: афрохристианство, духовные церкви, эве, идентичность, миссионерство

Для цитирования: Медушевский Н.А. Фактор христианизации и миссионерской деятельности в интеграции этнической идентичности эве // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 111–124. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-111-124

© Медушевский Н.А., 2024

The factor of Christianization and missionary activity in the integration of the Ewe ethnic identity

Nikolai A. Medushevskii

*Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia,
lucky5659@yandex.ru*

Abstract. The article deals with an issue of the spread of Christianity in the Ewe ethnic community living in the territory of the modern states of Ghana, Togo and Benin, as well as the influence of Christianization on the formation of the group identity of the community. The article describes the main milestones of the Christianization of the community. The beginning of that process is stated in the context of Portuguese colonization, and the real spread of Christian doctrine with the beginning of the activities of German missionaries in the middle of the 19th century. The latter carried out missionary activities in the Ewe language, which was specially created on the basis of one of the dialects in written form. It was used for publishing the Gospel and providing education in parish schools. As a result, Christianity became quite widespread in the region, since inclusion in the religious system provided social lifts for the local population. At the same time, Christianization of the local population remained largely formal, since religious practice did not take into account local cultural patterns, and traditionalist beliefs continued to remain popular, and Christian converts often returned to fetishistic practices. As a result, it ended up with religious dualism in the mid-twentieth century leading to the emergence of the phenomenon of “Spiritual Churches”, which, although nominally Christian, actively used the modified ritual practices of traditionalists. Such religious disunity remains relevant to the present day and is a pronounced obstacle to the ethnic integration of the Ewe people.

Keywords: Afro-Christianity, spiritual churches, Ewe, identity, missionary

For citation: Medushevskii N.A. (2024), “The factor of Christianization and missionary activity in the integration of the Ewe ethnic identity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 111–124, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-111-124

Введение

В рамках колониальной политики, реализуемой европейскими государствами на территории Африки южнее Сахары, фактор христианизации сыграл во многом определяющую роль. Эффективный колониальный контроль был бы невозможен в том случае, если бы колониальные администрации опирались бы исключительно на

силу и принуждение. Примером такой политики может служить политика Франции в Алжире, где среди местного мусульманского населения постоянно вспыхивали восстания. В данной связи важнейшим направлением политики метрополий стала миссионерская деятельность, которая имела своей целью не только приобщение традиционалистов к христианству, но и трансформация обществ через распространение европейского мировоззрения и духовных ценностей, передаваемых в рамках религиозного образования. Данная политика повлияла на формирование этнической идентичности многих африканских народностей, так как в контексте христианизации миссионеры часто шли по пути формализации местных языков и культурных форм, что было необходимо для эффективной популяризации религиозного учения. В итоге именно миссионерская деятельность способствовала кристаллизации этнической идентичности. Пример народности эве в данном контексте особенно показателен, так как Бременская лютеранская миссия для распространения христианства фактически создала литературный язык эве и использовала его для обучения паствы.

Изучение вопроса христианизации Африки нашло свое отражение в большом количестве исследований, самые ранние из которых относятся к XVI в., когда Португалия начала создавать первые миссии в Западной Африке, о чем, к примеру, пишет в своем исследовании П.Р. Брандао [Brandao 2019], опираясь, в свою очередь, на более ранние работы Э. Исичеи [Isichei 1995] и К.Ф. Спенса [Spence 1963]. Следующий этап христианизации приходится уже на период XVIII–XX вв., и в нем доминирующую роль сыграли Лютеранские церковные миссии из Великобритании и Германии. Наиболее подробно данный период распространения христианства в Африке представлен в фундаментальной работе «Антология африканского христианства» 2016 г. [Anthology 2016], а также в целом ряде других западных и африканских работ, например в монографии 1982 г. Т.О. Бейдельмана [Beidelman 1982], статье Джин Комарофф и Джона Комарофф [Comaroff 1986] и др. Именно вопрос христианизации народности эве поднимался в работе Р.П. Беавер [Beaver 1936]. В современной отечественной литературе работ, посвященных христианству в Африке южнее Сахары, достаточно немного. В контексте нашего исследования показательна статья Ю.А. Кудряшовой [Кудряшова 2012]. Также интерес представляет справочник «Религии стран Африки» Г.А. Шпажникова¹.

¹ Шпажников Г.А. Религии стран Африки: Справочник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. 365 с.

Обзор историографии вопроса показывает, что тема распространения христианства в Западной Африке является актуальной и имеет продолжительную историю изучения. В то же время палитра религиозных практик и ответвлений христианства в Африке южнее Сахары настолько обширна и характеризуется продолжающимся интенсивным дроблением, что ни одно из проведенных комплексных исследований не способно обеспечить превосходную степень детализации религиозных практик одновременно в историческом контексте и в анализе современного состояния. Это обуславливает актуальность и востребованность локальных исследований, изучающих вопросы христианизации применительно к конкретным сообществам, каким является и народность эве, проживающая на территории современных государств Гана Того и Бенин и выступающая объектом исследования данной работы.

Изучение вопроса христианизации народности эве требует комплексного подхода ввиду многомерности данного процесса. Применяемый автором исследовательский подход базируется на применении набора методов исторической науки.

Основным примененным в работе методом является хронологический метод. Его применение в качестве базового позволяет рассматривать процесс христианизации людей эве поэтапно, в контексте смены различных миссионерских парадигм и трансформации условий их реализации.

Также в исследовании применяется историко-генетический метод, в соответствии с которым процесс христианизации эве рассматривается с точки зрения его развития: от создания первых миссий до возникновения локальных форм организации христианских церквей на современном этапе.

Кроме того, в исследовании применен, в ограниченном виде, историко-системный подход, в соответствии с которым все исторические события, связанные с распространением христианства среди эве, представляются как части одного многомерного процесса и в то же время характеризуются внутренней условной иерархией приоритетности по отношению к общему развитию христианства в регионе.

Начальный этап христианизации эве

До прихода европейцев на территорию Ганы и Того народность эве, равно как и другие этнические сообщества в регионе, оставалась традиционалистской и архаичной, т. е. этногенез и социогенез проходили в естественной среде, и при сохранении статус-кво

современная политическая и социальная жизнь эве вряд ли бы отличалась от аналогичной 200 лет назад. Однако с началом активной колонизации общество эве вступило на путь транзита и реформирования, нацеленного на индустриализацию и европеизацию.

Сегодня данную трансформацию вряд ли можно считать состоявшейся в силу ее ограниченности – лишь крупные города подверглись этому влиянию – и синтетического характера – люди эве, оказавшиеся под влиянием западных ценностей, не приняли их полностью, а создали собственную интерпретацию, далекую от европейских стандартов, но в то же время дистанцированную от традиционных установок.

Тем не менее обращение к рассмотрению данного сегмента общества эве представляет важность, так как именно он служит медиатором между западным влиянием и традиционной культурой, а также характеризуется национализмом и этноцентризмом, которые способствуют формированию общеэтнического самосознания сообществ эве, что приоритетно с точки зрения развития этногенеза.

Важное значение в формировании нового взгляда на этническую идентичность эве имело проникновение в регион христианства и возникновение христианских миссий на территории Эваленда, которые создали систему социальных лифтов, ведущих в структуры политического, экономического и социального управления надрегионального уровня, позволяющих эве приобщиться к государственной власти и взглянуть на свой народ не изнутри, с уровня локалитета – деревни или отдельного города, а сверху, приняв этническую и культурную общность многих сообществ эве, говорящих на одном языке и имеющих общую историю.

Приход в регион миссионеров был связан с развитием процессов колонизации региона. Для успешного развития колоний требовалось создать на местах группы лояльных к власти белых аборигенов, понимающих европейские ценности и мотивы поведения, а также знающих язык колонизаторов. Кроме того, для европейцев было характерно и мессианство, выраженное в приобщении язычников к учению Христа.

Первая попытка распространить религиозное влияние в регионе современной Ганы была предпринята португальцами в 1481 г. «Римо-католики были первыми. В 1481 г. король Португалии послал десять кораблей с 500 солдатами, 100 работниками и соответствующим набором священников в качестве миссионеров в город Эльмина (центр работорговли). Эти европейские миссионеры прибыли в рамках развития торговых отношений и развития колонизации “с целью христианизации африканских племен”» [Blyden 1967]. Миссионеры начали распространять свое влияние на регион

Золотого Берега, но постепенно их деятельность закончилась, и португальцы ушли из региона. Доподлинно неизвестно, велась ли миссионерская деятельность на территории Эваленда, но в любом случае никакого эффекта в данный период достигнуто не было [Blyden 1967].

Деятельность германских миссионеров

Новый этап миссионерской деятельности начался 5 мая 1847 г. Северогерманское миссионерское общество ((Norddeutsche Mission), также известное как Бременская миссия на Золотом Берегу, поручило четырем миссионерам во главе с Лоренцем Вольфом начать христианскую работу в Нигерии – британской колонии. Миссия имела и политический смысл, выраженный в желании Германии обзавестись колониями в Западной Африке, забрав территории у англичан и французов. Для этого требовалось заручиться лояльностью местного населения и изучить его. В случае с Нигерией Германия столкнулась с противодействием британцев, и Бременская миссия передислоцировалась в Эльмину, а затем развернула свою деятельность на территории проживания эве к востоку от реки Вольта [Blyden 1967], став первой в регионе христианской миссией.

Количество миссионеров увеличивалось, и между 1847 и 1859 гг. пять миссионерских станций были открыты в Пеки, Кете, Вая, Аньяко и Уэгбе (Кпалиме) недалеко от Хо [Mamattah 1976].

К 1854 г. работа миссии приняла системный характер, и в данном случае основная заслуга принадлежит миссионеру Бенхарду Шлегелю, который впервые занялся изучением языка эве и до 1859 г. выпустил первый букварь эве, грамматику эве, словарь эве и перевод некоторых библейских текстов [Mamattah 1976]. Это позволило миссионерам найти выход на сознание людей эве через их собственный язык. Кроме того, через публикацию словаря языка была проведена его унификация и был создан так называемый литературный язык эве, на котором начало вестись образование, читаться проповеди, публиковаться книги и газеты. Сегодня существует даже Гугл-переводчик языка эве, что выводит его на глобальный уровень использования.

Но тогда, во второй половине XIX в., перед миссионерами стояла другая проблема. Эве не хотели воспринимать христианство, более доверяя своей традиционной религии и иногда действуя агрессивно по отношению к миссионерам. В данной связи Бременская миссия взяла курс на просвещение и стала создавать школы, чтобы «с нуля» вырастить паству.

Миссионеры начали программу общего образования для коренного населения, некоторых представителей которого периодически отправляли за границу для дальнейшего обучения и изучения «на месте» европейской христианской жизни [Mamattah 1976]. В 1864 г. в Аньяко была открыта семинария, которая позже переехала в Кету – наиболее «европейский» город на побережье. Через двенадцать лет семинарию снова перевели в Хо [Mamattah 1976].

Помимо своей основной по христианизации эве, Бременская миссия, выросшая до «Пресвитерианской церкви эве» в начале XX в., работала над развитием концепции единства эве, для чего основала большое количество учебных заведений начального и среднего образования и ряд медицинских учреждений.

С периода Первой мировой войны до 1920-х гг. Бременская миссия помогала поддерживать традицию сотрудничества и играла значительную роль в объединении различных частей народа эве, разбросанных по трем странам (Гана, Того и Бенин) и разделенных на множество вождеств. «На ранних этапах Бременская миссия оставалась неделимым целым, делами которого руководил один глава и один руководящий орган, управляющий церквями Бременской миссии среди эве в Того и Голд-Косте. Используя один и тот же перевод Библии и сборник гимнов, периодически собирая общий синод, а также проповедуя и обучая людей тому, что может принести единство эве, Бременская миссия внесла большой вклад в распространение духа единства эве, а также поддерживала здоровое сотрудничество на границе между Того и Голд-Костом. Поскольку эве были рассеяны по трем странам, концепция единства эве, инициированная прибрежными эве – анло после Первой мировой войны, должна была объединить все разбросанные и разделенные сообщества под единой администрацией. Так началось формирование движения объединения эве²» [Osei 1997], которое во многом отвечало интересам колониальных администраций, так как объединение эве упростило бы их управление и позволило бы забрать часть Эваленда у французского Того, не говоря об интеграции бывшего германского того в состав колонии Голден-Кост.

Осознанию эве своей этнической идентичности способствовало расширение системы церковного образования и вовлечение все большего количества местных жителей в приходы Пресвитерианской церкви [Osei 1997].

² *Amenumey D.E.K.* The Ewe unification movement. A political history. Accra: Assemblies of God literature. Center, 1989. 374 p.

С учетом того, что церковное образование практически не имело конкуренции со стороны светского, можно говорить, что Пресвитерианская церковь фактически поставила систему социальных лифтов под свой контроль и прямым образом повлияла на формирование интеллектуальной элиты эве, пришедшей к власти в 1960-е гг.

Христианство среди эве после Второй мировой войны

Тем не менее охват населения образованием оставался достаточно низким и не превышал 10% от общего числа эве в 1994 г. в количестве 118 418 прихожан.

Осей пишет, что с 1847 по 1994 г. в церковь приходило в среднем 85 новообращенных в год [Osei 1997], при этом многие из них присоединялись номинально.

Конечно, следует отметить, что параллельно с Пресвитерианской церковью действовали и другие церкви, в том числе Римско-католическая церковь, Сионская церковь АМЕ, Апостольская церковь, Церковь Армии спасения и Церковь адвентистов седьмого дня, однако масштаб их деятельности был гораздо ниже. Так, например, католическая церковь к 1994 г. поддерживала 162 начальные и 42 средние школы.

Состав паствы христианских миссионерских церквей весьма нестабилен, и, по исследованию Осея, порядка 10% прихожан уходят от церкви, а еще 15% являются «мертвыми душами», т. е. лишь числятся в пастве, не посещая богослужений [Osei 1997]. Оставшиеся 75% в своем большинстве комбинируют церковную деятельность и традиционные ритуалы, праздники и гадание.

В данной связи нужно констатировать лишь частичный успех миссионеров в вопросах работы с населением эве. Их очевидный успех связан с функциональной стороной вопроса. Население, безусловно, стало более грамотно, начало идентифицировать себя, по крайней мере в политике, как единую социальную группу, начало использовать при формальном общении универсальный язык. Но в то же время менталитет населения изменился слабо, и традиционалистские культурные и религиозные установки сохранились. Во многом это оказалось связано с тем, что формат богослужений, заимствованный из Европы, не был соотнесен с местными представлениями об отправлении культов, предполагающими сверхвысокое персональное участие.

Факторы, препятствующие христианизации

Осей выделил пять факторов, способствовавших неукладу миссионерских церквей и «побудивших многих из обращенных верующих, говорящих на языке эве, вернуться к своим традиционным богам» [Awasi 1988].

Фактор № 1 – иностранное происхождение христианства. Церкви более или менее сохранили свой иностранный облик. Многие миссионеры использовали подход *tabula rasa*, который считал любую форму традиционного африканского богослужения языческой и злой [Fiawo 1959].

Фактор № 2 – образовательный акцент. Основная привлекательность и преимущество миссионерских церквей рассматривалась прихожанами с точки зрения образования, присуждаемого им престижа, социальной власти и материальных благ, и если человек получал эти блага, то ценность нахождения в религиозной среде для него пропадала и он возвращался к традиционной религии.

Фактор № 3 – неудовлетворенные духовные потребности. Миссионерские церкви не удовлетворяли глубочайшие духовные потребности народа эве. «Миссионеры стремились изменить поведение на поверхностном уровне, не затрагивая более глубокий уровень убеждений и основных ценностей народа эве. Когда традиционные верования и обычаи обращенных людей были осуждены и отменены, миссионеры не предоставили никакой замены, кроме школ, чтобы дать людям полный и удовлетворительный духовный ответ» [Osei 1997].

Фактор № 4 – синкретизм. Ранние миссионерские церкви проводили фрагментарное воздействие на паству, передавая эве сочетание разнородных теософских начал без их объединения в систему. В итоге местное население не сменило духовную картину мира, а просто дополнило свою собственную – традиционную. Поэтому многие новообращенные стали членами церкви, не изменив своего мировоззрения [Van Reenen 1991].

Фактор № 5 – противоречивая смесь христианских учений. Миссионеры проповедовали Святое писание, но не проводили параллели в аспекте святых и демонов с мифологией эве, хотя эти параллели очевидны [Bancroft 1955]. В итоге обращенные взяли символы христианской церкви и придали им анимистический смысл. «Например, вода, которой римско-католический священник крестил лоб новообращенного (как метод римско-католического крещения), считалась означающей, что святая вода может исцелить болезнь и защитить человека от злых духов. Библия считалась волшебной книгой, которая могла защищать, исцелять

и творить чудеса, особенно когда их кладут под подушку больным, обеспокоенным и напуганным злыми духами» [Osei 1997].

Перечисленные пять факторов привели к номинальному характеру христианизации эве в европейском ключе, однако обогатили ритуальную культуру эве. Так как данное влияние совпало с эпохой радикальных социальных перемен, например обретением государственности Ганой и Того, то у населения возник запрос на создание «кризисных культов», адаптирующих традицию к современности. Таковые «христианские адаптированные культы» были представлены «Духовными церквями», которые начали возникать в регионе в 1960-е гг.

«Духовные церкви»

«В отличие от миссионерских церквей, африканские независимые церкви уделяли больше внимания исцелению верой, молитвам в форме еженедельных ночных молитвенных собраний, а также раз в две недели или, в некоторых церквях, ежемесячным молитвам в течение всего дня и посту. Они громко молятся на своих богослужениях, кричат и плачут, ожидая ответа на свои молитвы» [Beckmann 1975].

«Духовные церкви» характеризуются многими видами деятельности, которые позволяют членам активно участвовать в церковном богослужении. Многие адепты впадают в транс, испытывают видения, начинают говорить на непонятных языках, и все это трактуется как присутствие Святого Духа в человеке и в церкви [Osei 1997].

Доминирование «духовных церквей» и знахарских культов, безусловно, является следствием «эпохи перемен» в жизни эве, но в то же время демонстрирует разрозненность духовного мировосприятия у жителей крупных городов, что препятствует этнической мобилизации.

Данный факт обусловлен целым рядом причин. Во-первых, «духовных церквей» и культов очень много, и, несмотря на то, что они в основном похожи друг на друга, они практически никак друг с другом не связаны и построены вокруг лидерства отдельных проповедников или жрецов-пастырей, что ведет к атомизации сообществ верующих.

Во-вторых, у данных объединений обычно нет моральных стандартов, церковной дисциплины и доктринального направления. Поэтому не выполняется мессианская функция церкви, направленная на мобилизацию и духовное развитие паствы.

В-третьих, как пишет Осей [Osei 1997], «духовные церкви» часто представляют собой прибыльный бизнес, где весь финансовый доход (часто это десятина доходов прихожан и сезонный процент) [Awasu 1988] идет духовному лидеру. Деньги почти никогда не идут на создание учебных или медицинских учреждений, как это принято у миссионерских церквей. В-четвертых, процветает манипуляция, выражающаяся в том, что лидер-пророк заявляет о видениях с участием прихожан, что позволяет ему наживаться за их счет и просто эксплуатировать.

В итоге многие «духовные церкви» в ходе своей деятельности дискредитируют себя и своих лидеров, а прихожане, отвернувшись от них, чувствуют себя потерянными и все больше сосредоточиваются на отдельных ритуальных практиках, например гадании афа, которые также монетизированы, так как, например, при гадании афа «клиент» никогда не знает, какую сумму или иные пожертвования духи попросят за свою помощь.

Вывод

В итоге можно констатировать, что культурная традиция эве оказалась устойчивой и адаптивной. Устойчивость демонстрируется незначительным количеством «искренних» последователей традиционных христианских церквей, большинство адептов которых стали членами паствы исходя из прагматических соображений о получении образования и карьере. В то же время сугубо религиозный аспект оставался вторичным и номинальным, что приводило к последующему возвращению инициированных христиан к традиционным анимистическим верованиям, более соответствующим их мировоззрению и духовным потребностям.

В то же время изменение социальной реальности, индустриализация и урбанизация осложнили следование традиционным культам в городах, где традиционные домохозяйства, состоящие из нескольких нуклеарных семей, и тем более кланы уже не могли существовать. От традиционных культов в крупных городах сохранились, прежде всего, отдельные ритуалы, которые начали отправляться в публичных святилищах и храмах, многие из которых создавались по аналогии формы с христианскими, но с иным, более традиционным содержанием. Эта тенденция нашла выражение в создании «духовных церквей», комбинирующих христианские и традиционные обряды и ритуалы, но имеющих целью своей деятельности не следование христианским заповедям и «жизнь в боге», а удовлетворение повседневных потребностей, прежде всего здоровья и борьбы

с колдовством. В данной связи «духовные церкви» можно считать продолжательницами тенденции трансформации традиционных верований, берущей свое начало в первой четверти XX в. в виде культа гороводу – политеистического по своей природе, но также делающего акцент на оздоровлении человека и борьбе со злом и проклятиями ведьм и колдунов – азе (злом).

Описанная атомизация духовных сообществ приводит к кризисным явлениям в сообществах эве, прежде всего в городской среде, и снижает морально-нравственные установки, что, в свою очередь, порождает аморальные и криминальные практики и еще больше препятствует формированию этнической идентичности эве, внося в нее материальную и религиозную диверсификацию.

Литература

- Кудряшова 2012 – *Кудряшова Ю.А.* Деятельность афро-христианских церквей во второй половине XIX – начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3 (32). С. 50–56.
- Anthology 2016 – *Anthology of African Christianity* / Ed. by I. Apawo Phiri, D. Werner, C. Kaunda, K. Owino. Minniapolis: 1517 Media, Fortress Press, 2016. 1240 p.
- Amenumey 1989 – *Amenumey D.E.K.* The Ewe unification movement. A political history. Accra: Assemblies of God literature. Center, 1989. 374 p.
- Awasu 1988 – *Awasu W.* Religion, Christianity and the powers in in the Ewe society. Michigan: University Microfilms International, 1988. 228 p.
- Bancroft 1955 – *Bancroft E.H.* Christian theology. Grand Rapids, Michigan: Zondervan Publishing House, 1955. 413 p.
- Beaver 1936 – *Beaver R.P.* The organization of the Church of Africa on the Eve of the vandal invasion // Church History. 1936. No. 2 (5). P. 169–170.
- Beckmann 1975 – *Beckmann D.M.* Eden revival. Spiritual churches in Ghana. L.: Concordia Publishing House, 1975. 144 p.
- Beidelman 1982 – *Beidelman T.O.* Colonial evangelism. A socio-historical study of an East African mission at the grassroots. Bloomington: Indiana University Press, 1982. 274 p.
- Blyden 1967 – *Blyden E.W.* Christianity, Islam and the Negro race. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 407 p.
- Brandao 2019 – *Brandao P.R.* The Catholic Church and Portugal in Africa // Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal). 2019. No. 2 (2). P. 222–227.
- Comaroff 1986 – *Comaroff J., Comaroff J.* Christianity and colonialism in South Africa // American Ethnologist. 1986. No. 1 (13). P. 1–22.
- Fiawo 1959 – *Fiawo D.* The influence of contemporary social changes on the magico-religious concepts and organization of the Southern Ewe-speaking people of Ghana.

- Unpublished Ph.D. dissertation, University of Edinburgh, 1959. Edinburgh Research Archive. URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/30191> (дата обращения 12.08.2024).
- Isichei 1995 – *Isichei E.* A history of Christianity in Africa. New Jersey: Africa World Press Inc, 1995. 198 p.
- Mamattah 1976 – *Mamattah Ch.* The Ewes of West Africa (oral traditions). Accra: Advent Press, 1976. 768 p.
- Osei 1997 – *Osei E.* A strategy for church planting among the Ewe-speaking people of the Volta region, Ghana. Professional Dissertations DMin. 1997. 344 p. URL: <https://digitalcommons.andrews.edu/dmin/344/> (дата обращения 12.08.2024).
- Spence 1963 – *Spence C.F.* Mozambique – East African province of Portugal. Cape Town: Howard Timmins, 1963. 178 p.
- Van Reenen 1991 – *Van Reenen G.* Communicating in animistic contexts. Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 1991. 342 p.

References

- Amenumey D.E.K. (1989), *The Ewe unification movement. A political history*, Assemblies of God literature Center, Accra, Ghana.
- Apawo Phiri, I., Werner, D., Kaunda, C. and Owino, K., eds. (2016), *Anthology of African Christianity*, 1517 Media, Fortress Press, Minneapolis, USA.
- Awasu, W. (1988), *Religion, Christianity and the powers in in the Ewe society*, University Microfilms International, Michigan, USA.
- Bancroft, E.H. (1955), *Christian theology*, Zondervan Publishing House, Grand Rapids, Michigan, USA.
- Beaver, R.P. (1936), “The organization of the Church of Africa on the Eve of the vandal invasion”, *Church History*, vol. 5, no. 2, pp. 169–170.
- Beckmann, D.M. (1975), *Eden revival. Spiritual churches in Ghana*, Concordia Publishing House, London, UK.
- Beidelman, T.O. (1982), *Colonial evangelism. A socio-historical study of an East African mission at the grassroots*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Blyden, E.W. (1967), *Christianity, Islam and the Negro race*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Brandao, P.R. (2019), “The Catholic Church and Portugal in Africa”, *Budapest International Research and Critics Institute (BIRCI-Journal)*, vol. 2, no. 2, pp. 222–227.
- Comaroff, J. and Comaroff, J. (1986), “Christianity and colonialism in South Africa”, *American Ethnologist*. vol. 13, no. 1, pp. 1–22.
- Fiawo, D. (1959), *The influence of contemporary social changes on the magico-religious concepts and organization of the Southern Ewe-speaking people of Ghana*. Unpublished Ph.D. dissertation, University of Edinburgh, 1959, Edinburgh Research Archive, available at: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/30191> (Accessed 12 Aug. 2024).

- Isichei, E. (1995), *A history of Christianity in Africa*, Africa World Press Inc, New Jersey, USA.
- Kudryashova, Yu.A. (2012), "Activities of Afro-Christian churches in the second half of the 19th – early 20th centuries], *The Caspian region: politics, economics, culture*, vol. 32, no. 3, pp. 50–56.
- Mamattah, Ch. (1976) *The Ewes of West Africa The Ewes of West Africa (oral Traditions)*. Advent Press, Accra Ghana.
- Osei, E. (1997), *A strategy for church planting among the Ewe-speaking people of the Volta region, Ghana*. Professional dissertations DMin, available at: <https://digitalcommons.andrews.edu/dmin/344/> (Accessed 12 Aug. 2024).
- Spence, C.F. (1963), *Mozambique – East African province of Portugal*, Howard Timmins, Cape Town, SA.
- Van Reenen, G. (1991), *Communicating in animistic contexts*, Baker Book House, Grand Rapids, Michigan, USA.

Информация об авторе

Николай А. Медушевский, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lucky5659@yandex.ru

Information about the author

Nikolai A. Medushevskii, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lucky5659@yandex.ru

Последствия изменения международной ситуации через призму совещания ЛАГ в Джидде

Игорь В. Рыжов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, ivr@fto.unn.ru*

Ольга О. Хохлышева

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, olga11973@mail.ru*

Олег А. Колобов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, dipin2012@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития Лиги арабских государств в контексте трансформации мировой геополитической ситуации в 2022–2023 гг. Особое внимание уделяется изменениям в структуре и функционировании организации в ответ на глобальные вызовы. Для региона характерно изменение внутренней политической ситуации, акцентуация на новых принципах и моделях развития, которые не только соответствуют общемировым тенденциям, но и значительно опережают их. Более того, рассматривается также влияние этих изменений на региональное сотрудничество и стабильность, а также на международные отношения Лиги арабских государств. В статье обсуждаются как текущие, так и потенциальные изменения в структуре организации, их последствия для региональной безопасности и взаимодействия между странами-членами. Анализируется роль Лиги арабских государств в глобальной политике, оценивается ее потенциал в условиях современных и будущих вызовов. Перспективы дальнейшего развития организации рассматриваются с учетом ее способности адаптироваться к изменяющейся международной среде, а также ее влияния на глобальные политические процессы и стабилизацию ситуации в регионе. Особое внимание уделяется также тому, как Лига арабских государств может способствовать экономическому росту и развитию своих стран-членов в условиях нарастающей глобальной конкуренции.

Ключевые слова: геополитика, Большой Ближний Восток, ЛАГ, Саудовская Аравия, Россия, Ближний Восток, Ближневосточная подсистема международных отношений

Для цитирования: Рыжов И.В., Хохлышева О.О., Колобов О.А. Последствия изменения международной ситуации через призму совещания ЛАГ в Джидде // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 125–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-125-138

Consequences of changing international situation through the prism of the LAS meeting in Jeddah

Igor V. Ryzhov

*The National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, ivr@fmo.unn.ru*

Olga O. Khokhlysheva

*The National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, olga11973@mail.ru*

Oleg A. Kolobov

*The National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, dipin2012@mail.ru*

Abstract. The article deals with the development of the Arab League in the context of the transformation of the global geopolitical landscape in 2022–2023. Special attention is given to changes in the structure and functioning of the organization in response to global challenges. The region is characterized by shifts in internal political dynamics, emphasizing new principles and development models that not only align with global trends but also significantly surpass them. Furthermore, the impact of these changes on regional cooperation and stability, as well as on the international relations of the Arab League, is analyzed. The article discusses both current and potential structural changes within the organization, their implications for regional security, and interactions between member states. It also analyzes the role of the Arab League in global politics, assessing its potential in the face of current and future challenges. The prospects for the organization's further development are examined, considering its ability to adapt to the evolving international environment, its influence on global political processes, and the stabilization of the regional situation. Additionally, the article highlights how the Arab League can contribute to the economic growth and development of its member countries amid increasing global competition.

Keywords: geopolitics, Greater Middle East, LAS, Saudi Arabia, Russia, Middle East, Middle East subsystem of international relations

For citation: Ryzhov, I.V., Khokhlysheva, O.O. and Kolobov, O.A. (2024), “Consequences of the changing international situation through the prism of the LAS meeting in Jeddah”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 125–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-125-138

Введение

Лига арабских государств состоит из 22 государств-членов, которые обладают значительными природными ресурсами и развивающимися экономиками [Elkatawneh 2017]. Традиционно организация проводит встречи глав государств-членов раз в год, и саммит Лиги 19 мая 2023 г. в Джидде являлся одним из таких мероприятий.

Общемировые тенденции оказали значительное влияние на риторику лидеров арабских государств, равно как и принятые ими решения в значительной степени соответствуют общемировым тенденциям и тенденциям внутри арабского мира. Ближний Восток в широком понимании выбрал курс на объединение, что полностью соответствует принятым еще в 1945 г. целям создания и деятельности региональной организации. Сама тенденция к дальнейшему объединению арабского мира в целом не является исключительно новой, однако выбранный подход и направление развития Лиги на 2023–2024 гг. ярко демонстрируют сложившиеся в мире тенденции, равно как и тенденции внутри арабского (в широком смысле) общества [Рыжов, Комаха, Бородина 2023, с. 401–404].

Трансформация международной политической системы

В 2023 г. трансформация международной политической системы заметна как никогда. На смену однополярному миру, появившемуся после распада Советского Союза в 1991 г., приходит новый мир с развитыми региональными центрами и концентрацией силы и потенциала внутри них. Роль региональных центров и/или регионов с единой политической волей, таких как ЕС, например, становится все больше. Менее развитые государства объединяются в политические и экономические объединения с более

развитыми: тенденция не нова, однако на мировую арену выходят новые политические игроки, вес и роль которых за последние три десятилетия значительно прибавился. Мы говорим как о роли современного Китая в глобальном политическом процессе, так и о роли Саудовской Аравии на Аравийском полуострове и далеко за его пределами. И если Китай предпочитает действовать экономическими методами, предлагая своим партнерам помощь в индустриальном развитии, то КСА, как духовный лидер исламского мира, стремится объединить государства на нескольких уровнях: не только экономики, но и религии. Несомненно, стоит указать, что Мохаммеду бен Салману удалось использовать 32-й саммит Лиги арабских государств, чтобы помочь себе стать бесспорным арабским лидером во времена серьезных региональных и международных изменений. Это поможет ему увеличить экономическое влияние Саудовской Аравии, добавив геостратегического веса в его отношениях с Соединенными Штатами, Китаем, Россией, Европой и другими странами.

«Большая арабская семья» стремится к консолидации. Ситуация в Афганистане 2021 г., когда уход американских военных открыл дорогу к власти движению Талибан (запрещено на территории Российской Федерации), стала важным моментом для объединения арабского мира в единый экономический и политический союз. Этот случай еще раз продемонстрировал неспособность западных государств установить прочный мир на Ближнем Востоке, а также неэффективность такого вмешательства.

Ориентация на сотрудничество с западными странами для остального мира стала сомнительной после начала специальной военной операции ВС РФ на территории Украины. Экономические санкции коллективного Запада против России наглядно демонстрируют всему миру возможности и последствия нарушения интересов западных государств и вместе с тем являются причиной поиска альтернативных методов международного сотрудничества и экономической кооперации. Противостояние России и Запада активизировало изменение традиционной внешнеторговой модели многих стран, включая Россию, страны БРИКС и страны АТР. Сегодня становится очевидным тот факт, что международное сообщество переживает сейчас глобальную трансформацию политических и экономических процессов, которая приводит и к переосмыслению внешнеполитической концепции стран ЛАГ. Объединенные однородной культурой и единой религией, эти государства ориентируются на сотрудничество внутри организации. Сверхдоход государств от экспорта углеводородов предлагается тратить на взаимное развитие и создание устойчивой энергетиче-

ской и транспортной инфраструктуры, которая позволит обеспечить производство и логистику для предприятий вне нефтяного сектора. Жесткие контракты с Западом продолжают приносить прибыль, однако уверенности в том, будет ли НАТО на стороне стран ЛАГ в случае региональных и трансрегиональных конфликтов, ни у КСА, ни у других членов ЛАГ больше нет.

В результате смещения полюсов силы в последние несколько лет создалась уникальная в своем роде политическая ситуация: происходит возвышение отдельных новых региональных лидеров, изменяется логика взаимодействия на международных рынках и происходит трансформация логистики и инвестиционных потоков. Сегодня мы наблюдаем новый этап консолидации государств вокруг экономически и политически развитых центров. И в ближайшем будущем ожидается появление новых игроков и переосмысление роли и значимости традиционных сил.

Новые политические модели. Возвращение Сирии

Саммит 2023 г. обратил на себя внимание новыми тенденциями и процессами, которые ранее экспертами оценивались как маловероятные.

Ключевым событием саммита стало возвращение Сирийской Арабской Республике членства в организации и участие в нем ее президента Башара Асада. Деятельность Сирии в организации было приостановлено в 2011 г. в связи с нарастанием гражданской войны, после начала которой правительства ЛАГ приняли решение о признании Б. Асада нелегитимным руководителем, поддерживающим ситуацию напряженности в стране. Таким образом, Сирия потеряла доступ к политической и гуманитарной поддержке консолидированного арабского мира и Запада, после чего стабильность режима поддерживалась преимущественно Россией и Ираном, оказывавшими Б. Асаду значительную военную помощь.

Возвращению Сирии предшествовали консультации в Аммане между главами ОАЭ, Бахрейна, Омана, КСА и Иордании. На встрече был решен вопрос о возможности возвращения Сирии в организацию, что фактически можно считать решением о признании законности сирийского лидера. Легитимность сирийского правительства была поддержана Лигой в большинстве своем благодаря давлению Саудовской Аравии, которая на последнем саммите в мае 2023 г. активно настаивала на дальнейшей консолидации арабского мира и на поддержании внутренней стабильности региона Большого

Ближнего Востока посредством усилий ЛАГ. Лейтмотивом встречи стало заявление о недопустимости вмешательства третьих стран в процессы в государствах ЛАГ и о необходимости внутреннего развития региона как крупного игрока международной арены. Решение о возвращении Сирии статуса члена стало возможным после согласования программы по прекращению гражданской войны в республике, разработанной совместными усилиями Иордании и КСА. Программа предусматривает значительные политические и экономические реформы, которые позволят стабилизировать ситуацию в стране, а также прекратить наркотрафик через САР как в другие государства-члены ЛАГ, так и в другие регионы мира. Своеобразным подтверждением начала реализации программы и, что более важно, готовности арабских государств содействию развития Сирии стала бомбардировка ВВС Иордании штаб-квартиры сирийских наркоторговцев на юге Сирии в провинции Сувейда.

Отметим, что фактически условием возвращения Сирии в лоно ЛАГ является выполнение пунктов программы прекращения гражданской войны в полном объеме, однако под давлением КСА членство Сирии восстановили «авансом». Данное событие является демонстрацией влияния международной политической ситуации на Лигу в глобальном масштабе. Участвовавшая тенденция к вмешательству третьих стран приводит к желанию арабских стран консолидироваться и развивать международное сотрудничество внутри Лиги. Государства-члены обладают значительным влиянием, запасом природных ресурсов и технологическим потенциалом, чтобы не только развиваться «обособленно», но и представить серьезную политическую силу на мировой арене. В действительности в развитии «внутриарабского» сотрудничества нет ничего нового, поскольку даже цели создания организации это предусматривают, однако в 2023 г. мир серьезно отличается от того, каким он был в 1945-м, требуя как поиска новых подходов к функционированию ЛАГ как целостного политического объединения, так и изменения взглядов мирового сообщества, которому вновь придется задуматься о роли Ближнего Востока в мировых экономических и политических процессах.

Симметрично приглашению Б. Асада к участию в саммите пригласили В.А. Зеленского, который уже традиционно выступил с речью о необходимости помощи Украине. Участие Украины, как страны, находящейся вдалеке от региона Большого Ближнего Востока, следует трактовать как необходимую меру, позволившую снизить международную реакцию на возвращение в ЛАГ Башара Асада. Также стоит отметить, что Россия не была приглашена на конференцию, что было еще одной попыткой договориться о погра-

ничной войне в Европе. Тем не менее для Эр-Рияда и наследного принца Мухаммеда бин Салмана это также вопрос стратегического позиционирования Саудовской Аравии в условиях быстроменяющейся международной среды. Зарубежные партнеры Саудовской Аравии в лице консолидированного Запада во главе с США восприняли возвращение Сирии в организацию негативно, что было ожидаемо, поскольку Запад считает Б. Асада нелегитимным президентом и крайне недоволен его активным взаимодействием с Тегераном и Москвой.

Также было отмечено, что изменение международной ситуации может повлиять на изменение баланса сил в мировой политике и на роль региона в мировых делах. В связи с этим на заседании ЛАГ была высказана необходимость укрепления роли и влияния региона в мировой политике и экономике. Кроме того, была обсуждена роль международных организаций, таких как ООН, в решении конфликтов и кризисов в регионе и высказана необходимость усиления международного сотрудничества и согласования действий между международными организациями и региональными организациями, такими как ЛАГ [Al-Sharafi 2022, p. 181].

В действующей политической обстановке решение о возвращении Сирийской Арабской Республике статуса члена ЛАГ выглядит не совсем логично, если вопрос рассматривается со стороны стран Запада. Однако в рамках современной глобальной политики и связанного с ней передела сфер влияния консолидация арабских государств выглядит все более актуальной. Арабские государства, в первую очередь, нацелены на увеличение своей мощи и политической силы в попытке, и весьма успешной, обеспечить свою безопасность и политическое влияние.

Консолидация арабского Востока. Ориентация на арабский мир

Если двадцать лет назад единственным рычагом давления со стороны ЛАГ служила способность влиять на нефтяные котировки, то сейчас к таким механизмам можно отнести технологические и военно-политические и банковские средства. Однако стоит заметить, что управление данными рычагами давления возможно только в условиях консолидации всех арабских государств.

Одной из стратегий, предложенных в рамках саммита, стало не только приведение в исполнение плана по прекращению гражданской войны в Сирии и проведению там реформ, но и поддержанное большинством государств ЛАГ предложение об установлении

прочного мира с Государством Израиль. Израильский вопрос встает на конференции глав государств ЛАГ в последнее время достаточно часто, но критерии установления мира были выработаны сравнительно недавно [Бородина, Рыжов, Савичева 2023, с. 83]. Однако на данный момент международная ситуация не позволяет решить этот конфликт в полной мере. Одной из главных тем обсуждения на недавней встрече Лиги арабских государств в Манаме (Бахрейн) (16 мая 2024 г.) стал израильско-палестинский вопрос, а именно текущее положение дел в секторе Газа. Действия Израиля в Газе, включая блокаду и военные операции, были решительно осуждены Лигой арабских государств, которая призвала к незамедлительной международной помощи, чтобы гарантировать поставки гуманитарной помощи жителям Газы. Участники саммита подчеркнули необходимость всеобъемлющего мирного процесса, основанного на решении о двух государствах, и выступили за немедленное прекращение огня, а также за развертывание в этом районе международных миротворческих сил. Это включает в себя создание автономного палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме в соответствии с границами 1967 г. [Al-Shehri 2020, p. 2]. В своем заключительном коммюнике Лига арабских государств предложила провести международную мирную конференцию для урегулирования ситуации, одобренную ООН и запланированную к проведению в Манаме. Это иллюстрирует единую позицию арабских правительств перед лицом постоянных трудностей и напряженности в области поиска дипломатического и мирного завершения палестино-израильского конфликта.

Данное событие стоит рассматривать в глобальной перспективе – арабские страны не только готовы заключить мир, но и крайне заинтересованы в нем. Консолидация арабских государств возможна только в случае прекращения как внутренних конфликтов внутри государств ЛАГ, так и в случае остановки внешних вооруженных конфликтов, в том числе и замороженных. Арабские страны готовы предпринять конкретные шаги по урегулированию одного из самых затяжных конфликтов в их истории ради возможности будущего устойчивого развития своих государств.

Объединение стран ЛАГ расценивается как необходимое мероприятие для превращения арабских стран в единую политическую силу, в дела которой не будут вмешиваться внешние акторы. Одним из главных мотивов самостоятельности и самодостаточности региона является Совместное заявление лидеров ЛАГ о том, что третьим странам необходимо перестать вмешиваться во внутренние дела региона. Неудача американских операций в Ираке и Афганистане показала миру и арабским государствам, что вмешательство в

культурные и политические процессы со стороны внешних игроков принесет арабским странам больше негативных, чем позитивных последствий. Другим подтверждением курса ЛАГ на дальнейшее объединение и стабилизацию ситуации в арабском мире является заявление о необходимости нормализации отношений с Ираном. «Лидеры арабских стран подчеркнули важность развития сотрудничества с Ираном, основанного на принципах добрососедства, неприменения силы или угроз применения силы, а также невмешательства во внутренние дела арабских стран», – указывается в документе саммита ЛАГ. Отмечается, что нарушение указанных принципов арабские государства рассматривают как «попирание основ международного права». Страны–члены ЛАГ, как указывается в итоговой декларации саммита в Джидде, «высоко оценивают усилия Султаната Оман и Ирака по налаживанию диалога между Саудовской Аравией и Ираном в 2021–2022 гг., а также Китая по спонсорству переговоров, в результате которых было достигнуто соглашение о возобновлении дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном»¹. Однако интересы двух сторон не всегда совпадают, что в принципе показывает факт обстрела Ираном территории Эрбиля. ЛАГ охарактеризовала это как «вопиющую агрессию против суверенитета Ирака» и «грубое нарушение принципов добрососедства и международного права»

Новая экономическая политика стран ЛАГ

Введение экономических санкций против России в марте 2022 г. отразилось и на риторике арабских государств в сфере энергетической и политической повестки. Нестабильность на нефтяном и газовом рынке привела к увеличению доходов стран ОаПЕК, так как страны ЛАГ в большинстве своем и составляют эту организацию. Тем не менее подобный дисбаланс предложения на рынке углеводородов явно демонстрирует экономические последствия отказа от данного вида топлива, а также перебоя с поставками. Несмотря на то что богатства арабских государств в области энергоресурсов практически безграничны в ближайшей исторической перспективе, было принято решение о принятии мер и инвестиций в систему зеленой энергетики. Совещание ЛАГ обозначило важность перехода к устойчивым источникам

¹ Арабские страны заявили о необходимости положить конец вмешательству внешних сил в их дела. 19.05.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17796095> (дата обращения 10.05.2024).

энергии и снижения зависимости от ископаемых видов топлива. В результате было принято решение о создании общего арабского фонда инвестиций в возобновляемую энергетику и технологии углеродного захвата, который призван в ближайшее десятилетие создать на территории государств ЛАГ инфраструктуру и системы зеленой энергетики.

Консолидация государств ЛАГ заметна и в других экономических аспектах. Создание зоны свободной торговли и движения капитала между государствами ЛАГ позволит укрепить экономику региона и обеспечить его высокую самостоятельность в рамках системы международных экономических отношений. Влияние внешних факторов при возможности самообеспечения региона будет нивелировано, тогда как экономическая и политическая самостоятельность региона будет лишь расти.

Устойчивая энергетика не только позволяет странам ЛАГ обеспечить свои энергетические потребности, но, в перспективе, повышает инвестиционную привлекательность для зарубежных инвесторов. Таким образом, мы переходим к обсуждению политики ЛАГ в отношении мировых держав, таких как Китай, Россия, США и страны ЕС.

Другим важным моментом урегулирования является вопрос равноправного сотрудничества, основанного на принципах добрососедства и взаимного уважения. Страны ЛАГ заинтересованы в развитии промышленности и технологий на своей территории, но основным критерием развития такого партнерства отныне становится взаимное уважение и принцип невмешательства во внутренние дела государств-членов организации. Важным является и направление такого сотрудничества: увеличение экономических контактов, приводящих к увеличению инвестиций в экономику региона; рассматривался также вопрос приоритетности инвестиций внутри региона над инвестициями за его пределы.

В этой связи приоритетом развития внутренней политики государств ЛАГ является привлечение молодежи в наиболее технологически развитые отрасли, равно как и к управлению государствами. Отмечается, что уровень образования молодежи ЛАГ должен соответствовать общемировым стандартам, которые обеспечат устойчивое развитие региона. В связи с этим было принято несколько программ повышения квалификации молодых специалистов, заключены договоры о научном и образовательном сотрудничестве между странами ЛАГ. Приоритетными здесь выступают вузы КСА и ОАЭ, поскольку именно в них представлена наибольшая концентрация иностранных высококвалифицированных специалистов.

Заключение

В целом заседание ЛАГ в Джидде в мае 2023 г. показало, что изменение международной ситуации может оказывать существенное влияние на политическую, экономическую и гуманитарную ситуацию в регионе. Была высказана необходимость укрепления сотрудничества между странами региона и международным сообществом, а также наращивания усилий по решению конфликтов и гуманитарных катастроф. Повышение самостоятельности региона на мировой арене можно считать главным итогом совещания глав государств ЛАГ, поскольку на это направлены все их действия в политическом и экономическом пространстве. За основу была принята модель возвышения ЛАГ на мировой арене посредством увеличения ее независимости, отказа от принятия международного вмешательства во внутренние дела, повышения взаимодействия внутри государств. Недавний пример с провалом миростроительства в Афганистане после ухода американских солдат является прямой причиной к изменению модели взаимодействия внутри ЛАГ.

Глобальная политическая нестабильность приводит к образованию политического союза арабских государств, чьи дела не могут касаться ни одного внерегионального государства. Сложная политическая обстановка вокруг Большого Ближнего Востока вынуждает страны ЛАГ сплотиться еще сильнее, даже если проводимая ими политика идет вразрез с целями и принципами западных партнеров. В экономике также наблюдается тенденция к замыканию хозяйственных связей внутри организации, акцент на развитии экономик стран-членов в ущерб глобальному направлению развития. Экономическая и энергетическая безопасность стран-членов ЛАГ является приоритетом, тогда как новые торговые и экономические связи должны строиться на принципах уважения и равноправного партнерства. На заседании также была высказана надежда на то, что регион сможет преодолеть все вышеупомянутые вызовы и укрепить свою роль и влияние в мировой политике и экономике. Общемировая тенденция к повышению уровня образования молодежи и ее вовлечения в политическое и экономическое развитие также нашла свое отражение в итоговых документах форума, поэтому можно утверждать, что ЛАГ развивается в рамках общемировых тенденций, адекватно реагируя на глобальные процессы и конструируя достойный ответ.

Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзадаaniem Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского FSWR-2022-0001 «Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.

Acknowledgements

The study has been carried out in accordance with the state task of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University FSWR-2022-0001 “The Palestine factor in the process of transformation of international relations and multilateral diplomacy of modern Russia” as part of the Program of Fundamental Scientific Research in the direction “Russia and the Middle East: Historical, Political and Cultural Contacts and Relationships” of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the International Public Organization “IPPO” in 2024.

Литература

- Рыжов, Комаха, Бородина 2023 – *Рыжов И.В., Комаха А.А., Бородина М.Ю.* Саудовская Аравия и Государство Израиль в контексте палестино-израильского противостояния // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 393–406. DOI: 10.28995/2073- 6339-2023-4-393-406.
- Бородина, Рыжов, Савичева 2023 – *Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Савичева Е.М.* Трансформация внешнеполитического курса КСА на Ближнем Востоке 2015–2022 гг. // Вестник Ивановского государственного ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 81–93. DOI: 10.46726/И.2023.2.9.
- Al-Sharafi 2022 – *Al-Sharafi H.A.* The role of the League of Arab States in combating terrorism and extremism // Arab law quarterly. 2022. No. 2 (31). P. 181–207.
- Al-Shehri 2020 – *Al-Shehri A.* The League of Arab States and the Palestinian question. An assessment of the Arab peace initiative // Journal of international relations research. 2020. No. 1 (2). P. 1–15.
- Elkatawneh 2017 – *Elkatawneh H.* The League of Arab States and the need for transformative change // SSRN Electronic Journal. 16.04.2017. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2998085 (дата обращения 16.05.2024).

References

- Ryzhov, I.V., Komakha, A.A. and Borodina, M.Yu. (2023), "Saudi Arabia and State Israel in the context of the Palestinian-Israeli confrontation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 393–406, DOI: 10.28995/2073-6339-2023- 4-393-406.
- Borodina, M.Yu., Ryzhov, I.V. and Savicheva, E.M. (2023), "Transformation of the KSA foreign policy course in the Middle East 2015–2022", *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, iss. 2, pp. 81–93, DOI: 10.46726/H.2023.2.9.
- Al-Sharafi, H.A. (2022), "The role of the Arab League in combating terrorism and extremism", *Arab law quarterly*, vol. 31, no. 2, pp. 181–207.
- Al-Shehri, A. (2020), "The Arab League and the Palestinian question. An assessment of the Arab peace initiative", *Journal of international relations studies*, vol. 2, no. 1, pp. 1–15.
- Elkatawneh, H. (2017), "The League of Arab States and the need for transformative change", *SSRN: electronic journal*, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2998085 (Accessed 16 May 2024).

Информация об авторах

Игорь В. Рыжов, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; ivr@fmo.unn.ru

Ольга О. Хохлышева, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; olga11973@mail.ru

Олег А. Колобов, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; dipin2012@mail.ru

Information about the authors

Igor V. Ryzhov, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; ivr@fmo.unn.ru

Olga O. Khokhlysheva, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; olga11973@mail.ru

Oleg A. Kolobov, The National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; dipin2012@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 94(32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-139-148

Неординарная форма культа царских предков в Египте XVI–XIII вв. до н. э. как маркер династических кризисов

Евгений О. Барсуков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, terneptax_ramses_seti@mail.ru*

Аннотация. Культ предков, интерес к прошлому своей страны всегда были характерны для египетской цивилизации. Они являлись фундаментальным компонентом религии и царской идеологии, одним из средств подтверждения законности власти царя. В историографии тема культа царских предков не получила широкого освещения, несмотря на признание его значимости в процессе легитимации. Составляющие культа также не рассматривались, хотя развитие его неординарной формы четко фиксируется в источниках эпохи Нового царства. Эта эпоха в силу лучшей сохранности источниковой базы является для нас образцом для дальнейшего исследования культа царских предков и выяснения его роли в идеологии других этапов египетской истории. Данные рассматриваемого нами времени указывают на то, что неординарная форма являлась маркером кризисов легитимности, не всегда просматривающихся по другим источникам. Само появление этой формы было неотделимо связано с ними. В статье представлены источники, обосновывающие возможность введения терминов ординарная и неординарная формы культа царских предков, дается картина их появления и делается попытка демонстрации значимости неординарной формы для выявления династических кризисов и путей развития царского мифа на примере истории Египта XVI–XIII вв. до н. э.

Ключевые слова: Древний Египет, Новое царство, XVIII династия, XIX династия, Рамессиды, культ царских предков, идеология, легитимация власти

Для цитирования: Барсуков Е.О. Неординарная форма культа царских предков в Египте XVI–XIII вв. до н. э. как маркер династических кризисов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 139–148. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-139-148

© Барсуков Е.О., 2024

Extraordinary form of the cult of royal ancestors in Egypt of the 16th – 13th centuries BC as a marker of dynastic crises

Evgenii O. Barsukov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, merneptax_seti@mail.ru*

Abstract. The cult of ancestors and interest in the past of their country have always been characteristic of the Egyptian civilization. They were a fundamental component of religion and tsarist ideology, one of the means of confirming the legitimacy of the royal power. In historiography, the cult of royal ancestors did not receive wide coverage, despite the recognition of its importance in the process of legitimation. The components of the cult were also not considered, although the development of its extraordinary form is clearly recorded in the sources of the New Kingdom. With us that epoch due to the better preservation of the source base, is a model for further research into the cult of royal ancestors and elucidation of its role in the ideology of other stages of Egyptian history. Data from the time we are considering indicate that the extraordinary form was a marker of crises of legitimacy that are not always visible from other sources. The very emergence of that form was inseparably connected with them. The article presents sources that justify the possibility of introducing the terms ordinary and extraordinary forms of the cult of royal ancestors, gives a picture of their emergence and makes an attempt to demonstrate the significance of the extraordinary form for identifying dynastic crises and the ways of development of the royal myth using the example of the history of Egypt in the 16th – 13th centuries BC.

Keywords: Ancient Egypt, New Kingdom, 18th dynasty, 19th dynasty, Ramesside, cult of royal ancestors, ideology, legitimization of power

For citation: Barsukov, E.O. (2024), “Extraordinary form of the cult of royal ancestors in Egypt of the 16th – 13th centuries BC as a marker of dynastic crises”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 139–148, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-139-148

Введение

Легитимация царской власти в Египте была неотрывно связана с культом предков в его различных формах. Особенно четко это проявлялось в периоды династических кризисов, что хорошо видно по источникам XVIII – начала XIX династий, как письменным, так и вещественным. В египтологии важность культа предков в целом не вызывает вопросов. Среди современных исследователей можно

выделить работы Л. Габольда [Gabolde 2016], А.В. Мироновой [Миронова 2022], посвященные его отдельным аспектам. Следует отметить труды Г.М. Хеффернан [Heffernan 2010; Heffernan 2016], показавшей пути развития культа царских предков в среде простых египтян. Тем не менее ряд вопросов не получил широкого освещения. Накопленный материал дает возможность выделить две новые формы культа царских предков, важные для всестороннего изучения не только развития царского мифа, но и нашего понимания политической истории Древнего Египта. Какие формы культа мы можем выделить и какие из них наиболее репрезентативны? Можем ли мы строить предположения о проблемах легитимности наследника, опираясь на источники ритуального характера? Какие аспекты следует подмечать в таких случаях? В этой статье мы попытаемся ответить на эти вопросы на примере конкретного исторического периода, характеризующегося в том числе широким распространением интереса египтян к культу царских предков.

Ординарная и неординарная формы культа царских предков

Вначале нужно определиться с несколькими дефинициями, важными для понимания особенностей культа царских предков, и обосновать введение новых. В его структуре можно выделить почитание конкретного царя-предка или царицы. Оно ярко выражено, сфокусировано на личности. Миронова [Миронова 2022, с. 276] назвала это персональным аспектом. И его противоположность – имперсональный аспект [Миронова 2022, с. 276] – почитание предков как сообщества благих царей, наследником которых является проводящий ритуал царь. Особенно это разделение будет заметно в Рамессидское время, но и при XVIII династии его можно выделить.

Принципиальное значение имеют понятия – ординарная и неординарная формы культа царских предков. Под первым мы понимаем «обыденные» ритуальные действия, характерные для храмовой культовой практики. Подношение даров статуям предков, их участие в праздниках богов храма или в культе правящего царя. Масштаб присутствия образов предков может меняться. Это ведет к появлению неординарной формы, подразумевающей выход за рамки обычного, – создание особых монументов, посвященных предкам, включение в изобразительную программу храма списков царей-предков, демонстрацию особых связей с ними. В развитом виде, включающем практически все вышеперечисленное, эта форма проявится при XIX династии, особенно в ее начале, когда четко ощущался кризис

легитимности нового правящего дома, отягченного сложным отношением к периоду Амарны и многим постамарнским царям.

Сама тенденция обращения к культу предков фиксируется уже в начале XVIII династии. Памятники первых правителей этого времени отражают их ориентацию на деяния предшественников, политических предков¹. Рельефы портика припирамидного храма Яхмоса I [Harvey 1998, pp. 474–475] стилизованы под изобразительную программу храма Ментухотепа Небхепетра в Фивах [Arnold 1974, pp. 42–43, pl. 15]. Рельефы Аменхотепа I в Карнаке близки по стилю исполнения к изобразительной программе Сенусерта I в том же храме [Aldred 2014, p. 147].

Последний вообще был довольно популярной фигурой, связь с которой цари стремились продемонстрировать, что видно, например, по тронному имени Тутмоса I². Это же подтверждают частные памятники, такие как стела Кенамона³, созданная в промежутке между правлениями Тутмоса III и Тутмоса IV. На ней Кенамон почитает Аменхотепа I и Сенусерта I, сидящих рядом. Таким образом в культовой практике новая династия была встроена в ряд легитимных предков. Набор используемых приемов при этом можно отнести к ординарной форме культа, для которой была характерна архаизация, укреплявшая легитимность царя и символизировавшая преодоление смуты.

Изменения произошли во время первого для этой эпохи крупного кризиса престолонаследия, наступившего после смерти Тутмоса II [Dodson 2015, pp. 74–75]. Именно с подобными ситуациями связаны самые заметные преобразования в культе предков, приводящие к возникновению неординарной формы. Ее развитие наблюдается на протяжении правления Хатшепсут и Тутмоса III. Тутмос IV, пришедший, судя по косвенным источникам, к власти при сложной династической ситуации⁴, также обращался к ней.

¹ Политические предки – избранные цари прошлого, не связанные кровным родством с правящим фараоном.

² Его тронное имя 'з – ꜥꜣꜣ – кз – ꜥ' является отсылкой к имени Сенусерта ꜥꜣꜣ – кз – ꜥ'. См.: *Leprohon R.J. The Great Name. Ancient Egyptian royal titulary*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2013. P. 94.

³ Нью-Йорк, музей Метрополитен. 28.9.6; *Hayes W.C. The scepter of Egypt. A background for the study of the Egyptian antiquities in The Metropolitan Museum of Art. Part 2: The hyksos period and the New Kingdom (1675–1080 B.C.)*. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1990. P. 50, fig. 24.

⁴ Кембриджская история древнего мира. Т. 2.1: История Ближнего Востока и Эгейского региона: около 1800–1380 гг. до н. э. М.: Ладомир, 2020. С. 345. См. также [Hassan 1953, pp. 90–91].

Памятники царей постамарнского времени противоречивы. С одной стороны, желание вернуться к традиции создает видимость присутствия неординарных форм культа, но, с другой стороны, затеняется программой восстановления храмов. Это можно объяснить сложной экономической и политической ситуацией в стране, во многом инспирированной бездействием Эхнатона и его религиозной реформой. Также на это влияла идеологическая составляющая, требовавшая от царей в первую очередь демонстрации своей роли царя-ритуалиста и восстановления «опорных» точек египетской традиционной культуры – храмов. Поэтому царей в этой плоскости обошли представители образованной части египетского общества [Neffernan 2016]. Именно их памятники демонстрируют явный всплеск интереса к культам царей-предков, формируя культурно-исторический базис Рамессидского времени. Начало XIX династии характеризуется широкой кампанией царей, направленной на укрепление положения новой династии. Культ царских предков в его неординарной форме играл при этом одну из важнейших ролей, что видно по достаточно большому количеству источников, некоторые из которых уникальны и не имеют аналогов. Взаимосвязь неординарной формы культа царских предков и проблем с легитимацией власти таким образом достаточно ясна.

Составляющие неординарной формы культа царских предков

Если говорить о направлениях, присущих этой форме культа, можно выделить несколько наиболее характерных. А поскольку, как мы выяснили, неординарное почитание возникало при кризисах легитимности, способы репрезентации, использовавшиеся в нем, могут быть теми самыми маркерами, указывающими на политическую нестабильность.

Во-первых, стоит отметить особое почитание царя-отца и иногда семьи в целом, характерное для правлений Хатшепсут-Тутмоса III, Тутмоса IV, Сети I и Рамсеса II. Выражалось оно в создании ряда памятников, посвященных отцу царя, включению его святилища в комплекс поминального храма сына/дочери. Так поступила Хатшепсут в своем храме в Дейр эль-Бахри. При этом внимание было уделено и всем ближайшим родственникам царицы: матери, сестре, племяннику-соправителю, матери отца⁵. Похоже дей-

⁵ [Pawlicki 2017, pp. 15, 21]. См. также: *Naville E. The temple of Deir el-Bahari. Part 1. L.: EEF, 1895. Pl. XIII.*

ствовал и Тутмос IV в Гизе. Внимание к семье, кровным предкам характерно и для раннерамессидского времени. Стоит вспомнить изобразительную программу святилищ Сети I в Курне и Абидосе [Brand 2000, pp. 178, 228], где мы встречаем почитание отца, матери и членов семьи царя, даже не имевших царского статуса.

Тутмос III действовал немного иначе. Расширил и перестроил поминальный храм своего отца, Тутмоса II [Robichon, Varille 1936, pp. 31–33, pl. VII], создав тем самым отдельное место для его культа, как и в случае с часовней в Абидосе, построенной Сети для Рамсеса Менпхтира [Winlock 1937, p. 42].

Во-вторых, некоторые методы неординарной формы применялись к имперсональным аспектам культа предков. Еще Хатшепсут, достраивая VIII пилон в Карнаке, начала установку перед его южным фасадом статуй деятелей начала XVIII династии – Аменхотепа I и Яхмос-Нефертари [Большаков 2009, с. 95]. Значительно расширил масштаб деятельности в этом направлении Тутмос III. Он создал первый из дошедших до нас от эпохи Нового царства царский список в особом стиле. Предки были представлены не только своими именами, но и изображениями статуй в иконографии, характерной для культовых образов царей-предков [Gabolde 2016, pp. 35–52]. Возможно, он опирался на опыт своего далекого предшественника Сенусерта I. Есть свидетельства того, что при нем в Карнаке существовало место почитания царей-предков в образе их культовых статуй [Lorand 2013, pp. 447–466]. Тутмос, помимо своеобразного списка, создает в Ахмену ряд камер для статуй Тутмосидов [Gabolde 2016, p. 40]. Статуи упоминаются и в одной из надписей Ахмену, посвященных описанию праздничного ритуала [Миронова 2022, с. 312]. Эта практика, в свою очередь, оказала более глубокое влияние на дальнейшее развитие культа предков при Рамессидях. Тутмос IV восстанавливает в Мемфисе, из района которого дошли важнейшие легитимационные тексты его правления, при храме Птаха помещения для почитания образов царей Древнего царства. В связи с этим благим действием его упоминают на стенах более позднего времени [Gabolde 2016, pp. 51–52].

Судя по действиям Сети I, именно такие примеры вдохновляли его политику развития культа предков. При нем мы наблюдаем создание царских списков, отдельных помещений для культа предков [Барсуков 2017], разработку ритуалов, устанавливавших связь между живым царем и предками.

Особо стоит выделить обращение власти к прошлому страны, заметное в действиях Тутанхамона и ряда царей первой половины XVIII династии. Оно схоже с тенденцией архаизации, о которой мы говорили выше, но, на наш взгляд, все же отличается. Набор

применяемых мер может быть отнесен к неординарной форме культа. Хорошим примером является Великий Сфинкс. Строительство вокруг Сфинкса начал еще Аменхотеп II [Lehner, Hawass 2017, pp. 470–471]. Ранее упоминавшийся Тутмос IV использовал это место для легитимационного заявления, оформленного в виде «Стелы сна» [Hassan 1953, pp. 91–95]. При Тутанхамоне зона долинного храма Хафра, к тому времени засыпанного, была застроена комплексом, включавшим небольшой загородный дворец и виллу, возведенную, возможно, еще в амарнский период [Lehner, Hawass 2017, pp. 470–479]. Большое количество стел как частных лиц, так и царей, принцев свидетельствует о важности Сфинкса. В том числе и для царской власти [Hassan 1953, pp. 69–112]. Это явление можно отнести к тому, что при Сети мы выделим как культ божественных предков. Он может быть связан с культурно-историческим кризисом постамарнской эпохи и стремлением вернуться через ритуал к «идеальным» временам прошлого, своеобразным вызовом, требовавшим обращения к культурной памяти для развития групповой идентичности в условиях нового религиозного опыта и зарождения «личного благочестия». Важным фактом может быть и дихотомия царской божественности, пошатнувшейся в рамках крушения репрезентативной теократии Эхнатона и частой смены царей постамарнского времени.

Заключение

Как мы видим, культ предков был тесно связан с легитимацией власти и царской божественностью. Кризисы легитимности требовали обращения к неординарной форме культа, ясно отличающейся от ординарной. В ее рамках традиционной практикой стало развитие более широкого почитания отца и в ряде случаев ближайших родственников царя. Со времени правления Тутмоса III особое внимание обращалось на имперсональный аспект, получивший большее разнообразие типов памятников, относящихся к неординарной форме. С середины XVIII династии монументы, подобные Сфинксу в Гизе, начинают восприниматься как образы божественных предков, которые можно использовать в целях легитимации. Пиком расцвета неординарной формы можно назвать эпоху Рамессидов, особенно правление Сети и подражавшего ему Рамсеса II, когда применялся весь набор метод, относимых нами к этой форме.

Создание специальных монументов, царских списков, акцент на культе отца и членов семьи, разработка связей с божественными

предками царя могут служить маркерами политической нестабильности, привлекая наше внимание к правлениям, на первый взгляд не вызывающим никаких вопросов с точки зрения легитимности власти.

Литература

- Барсуков 2017 – Барсуков Е.О. «Следуй твоим отцам, твоим предкам...»: культ царственных предков при первых Рамессидях // Рубикон: Сборник научных работ молодых ученых. Вып. 69. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 3–8.
- Большаков 2009 – Большаков В.А. Дочь Ра Хатшепсут. М.: Изд-во РУДН, 2009. 165 с.
- Миронова 2022 – Миронова А.В. Календари и праздники Древнего Египта. М.: Москва, 2022. 368 с.
- Aldred 2014 – Aldred C. Egyptian art. L.: Thames and Hudson, 2014. 256 p.
- Arnold 1974 – Arnold D. Der Tempel des Königs Mentuhotep von Deir el-Bahari. Bd. 2. Mainz: Philipp von Zabern, 1974. 56 S.
- Brand 2000 – Brand P.J. The monuments of Seti I. Epigraphic, historical and art historical analysis. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. 610 p.
- Dodson 2015 – Dodson A. Monarchs of the Nile. Cairo: The American University in Cairo Press, 2015. 230 p.
- Gabolde 2016 – Gabolde L. À l'exemple de Karnak, une “chambre des rois” et une cachette de statues royales annexes au temple de Ptah à Memphis? // La cachette de Karnak. Nouvelles perspectives sur les découvertes de Georges Legrain éd. par L. Coulon. Cairo: IFAO, 2016. P. 35–52.
- Harvey 1998 – Harvey S.P. The cults of king Ahmose at Abydos: a dissertation in Asian and Middle Eastern studies. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1998. 453 p.
- Hassan 1953 – Hassan S. The Great Sphinx and its secrets. Historical studies in the light of recent excavations. Cairo: Government press, 1953. 252 p.
- Heffernan 2010 – Heffernan G.M. Royal images in private tombs at Thebes in the early Ramesside period. A thesis submitted to The University of Birmingham for the degree of Master of Philosophy. Birmingham, 2010. 154 p. URL: <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/1368/1/Heffernan10MPhil.pdf> (дата обращения 07.10.2022).
- Heffernan 2016 – Heffernan G.M. Remembering royalty in Ancient Egypt. Shared memories of “royal ancestors” by private individuals in the eighteenth dynasty. A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. Birmingham, 2016. 564 p. URL: Remembering royalty in Ancient Egypt: shared memories of royal ancestors by private individuals in the eighteenth dynasty (bham.ac.uk) (дата обращения 16.11.2022).
- Lehner, Hawass 2017 – Lehner M., Hawass Z. Giza and the Pyramids. L.: Thames and Hudson, 2017. 560 p.

- Lorand 2013 – *Lorand D.* Une “Chapelle des Ancêtres” à Karnak sous Sésostris Ier? // *Cahiers de Karnak*. Vol. 14. P. 447–466.
- Pawlicki 2017 – *Pawlicki F.* The Main Sanctuary of Amun-Re in the Temple of Hatshepsut at Deir el-Bahari. Warszawa: Polish Centre of Mediterranean Archaeology, 2017. 37 p.
- Robichon, Varille 1936 – *Robichon C., Varille A.* Le temple du scribe royal Amenhotep fils de Hapou. Le Caire: IFAO, 1936. 53 p.
- Winlock 1937 – *Winlock H.E.* The Temple of Ramesses I at Abydos. N.Y.: Platin Press, 1937. 20 p.

References

- Aldred, C. (2014), *Egyptian art*, Thames and Hudson, London, UK.
- Arnold, D. (1974), *Der Tempel des Königs Mentuhotep von Deir el-Bahari*, Bd. 2, Philipp von Zabern, Mainz, Germany.
- Barsukov, E.O. (2017), “ ‘Follow your fathers, your ancestors...’. The cult of royal ancestors with the first Ramesside”, in *Rubicon. Collected scientific works by young scientists*, iss. 69, Izdatel'stvo YuFU, Rostov-on-Don, Russia, pp. 3–8.
- Bolshakov, V.A. (2009), *Doch' Ra Khatshepsut* [Hatshepsut, daughter of Ra], Izdatel'stvo RUDN, Moscow, Russia.
- Brand, P.J. (2000), *The monuments of Seti I. Epigraphic, historical and art historical analysis*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, Köln, Germany.
- Dodson, A. (2015), *Monarchs of the Nile*, The American University in Cairo Press, Cairo, Egypt.
- Gabolde, L.À. (2016), “À l'exemple de Karnak, une «chambre des rois» et une cachette de statues royales annexes au temple de Ptah à Memphis?”, in Coulon, L., ed., *La Cachette de Karnak Nouvelles perspectives sur les découvertes de Georges Legrain*, IFAO, Cairo, Egypt, pp. 35–52.
- Harvey, S.P. (1998), *The cults of king Ahmose at Abydos*, a dissertation in Asian and Middle Eastern studies, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA.
- Hassan, S. (1953), *The Great Sphinx and its secrets. Historical studies in the light of recent excavations*, Government press, Cairo, Egypt.
- Heffernan, G.M. (2010), *Royal images in private tombs at Thebes in the early Rameside period*, A thesis submitted to The University of Birmingham for the degree of Master of Philosophy, Birmingham, UK, available at: <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/1368/1/Heffernan10MPhil.pdf> (Accessed 7 Oct. 2022).
- Heffernan, G.M. (2016), *Remembering royalty in Ancient Egypt: shared memories of “royal ancestors” by private individuals in the eighteenth dynasty*, A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy, Birmingham, UK, available at: [Remembering royalty in Ancient Egypt: shared memories of royal ancestors by private individuals in the eighteenth dynasty \(bham.ac.uk\)](https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/1368/1/Heffernan16DPhil.pdf) (Accessed 16 Nov. 2022).

- Lehner, M. and Hawass, Z. (2017), *Giza and the Pyramids*, Thames and Hudson, London, UK.
- Lorand, D. (2013), “Une ‘Chapelle des Ancêtres’ à Karnak sous Sésostris Ier?”, *Cahiers de Karnak*, vol. 14, pp. 447–466.
- Mironova, A.V. (2022), *Kalendari i prazdniki Drevnego Egipta* [Calendars and festivals of Ancient Egypt], Moskva, Moscow, Russia.
- Pawlicki, F. (2017), *The Main Sanctuary of Amun-Re in the Temple of Hatshepsut at Deir el-Bahari*, Polish Centre of Mediterranean Archaeology, Warszawa, Poland.
- Robichon, C. and Varille, A. (1936), *Le temple du scribe royal Amenhotep fils de Hapou* [The temple of the royal scribe Amenhotep son of Hapu], IFAO, Cairo, Egypt.
- Winlock, H.E. (1937), *The Temple of Ramesses I at Abydos*, Plantin Press, New York, USA.

Информация об авторе

Евгений О. Барсуков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; merneptax_ramses_seti@mail.ru

Information about the author

Evgenii O. Barsukov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; merneptax_ramses_seti@mail.ru

Концепт «совершенного человека» аятоллы Хомейни в Иранской революции

Алексей В. Баранов

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, baranovav@mail.ru*

Аннотация. В статье делается попытка провести анализ концепта «совершенного человека» (انسان کامل) аятоллы Хомейни применительно к событиям Иранской революции 1978–1979 гг. На основе материалов, содержащихся в официальном сборнике «Сахифе-йе имам», реконструируется модель поведения одинарного верующего, вытекающая из концепции «совершенного человека», распространенная в ирфани, исламском мистицизме. По мысли аятоллы Хомейни, именно его концепция «обмирщенного» «совершенного человека» была призвана лечь в основу воспитания в Исламской Республике Иран нового типа человека, ориентирующегося в своем поведении на нормы и каноны шиитского ислама. В статье прослеживается определенное воздействие мистического учения, восходящее своими корнями к исламским мыслителям прошлого, в частности к идеям Муллы Садра, оказавшего большое влияние на формирование взглядов аятоллы Хомейни в годы его обучения в *хоузе* (духовной семинарии) Кума. Делается вывод, что под воздействием активизации широких народных масс в антишахском движении и победы Иранской революции у аятоллы Хомейни происходит трансформация его взглядов на «совершенного человека», принимающего форму активного участника революционных событий и являющегося членом «Хезбалла». Опираясь на традиционные термины, распространенные в ирфани, аятолла Хомейни дает им современное толкование, исходя из потребностей времени и задач построения Исламской республики.

Ключевые слова: Хомейни, Иранская революция, Исламское пробуждение, ирфан, Мулла Садра, совершенный человек

Для цитирования: Баранов А.В. Концепт «совершенного человека» аятоллы Хомейни в Иранской революции // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 149–161. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-149-161

The concept of the “perfect man” by Ayatollah Khomeini in the Iranian Revolution

Alekssei V. Baranov

*Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia,
baranovav@mail.ru*

Abstract. The article attempts to analyze the concept of the “perfect man” (انسان کامل) of Ayatollah Khomeini in relation to the events of the Iranian Revolution of 1978 in 1979. Based on the materials contained in the official collection “Sahifeh-ye Imam”, it reconstructs a model of the single believer behavior that derives from the concept of the “perfect man”, widespread in Irfan, Islamic mysticism. According to Ayatollah Khomeini, it was his concept of a “profane” “perfect man” that was intended to form the basis for educating a new type of person in the Islamic Republic of Iran, guided in his behavior by the norms and canons of Shiite Islam. The article traces a certain influence of the mystical teaching, which goes back to the Islamic thinkers of the past, in particular to the ideas of Mullah Sadra, who had a great influence on the formation of Ayatollah Khomeini’s views during his years of study at howze (seminary) of Qom. It is concluded that under the influence of the activation of the broad masses in the anti-Shah movement and the victory of the Iranian Revolution, Ayatollah Khomeini is transforming his views on the “perfect man”, taking the form of an active participant in revolutionary events and being a member of Hezbollah. Based on the traditional terms common in Irfan, Ayatollah Khomeini gives them a modern interpretation based on the needs of the time and the tasks of building an Islamic Republic.

Keywords: Khomeini, the Iranian Revolution, the Islamic Awakening, irfan, Mullah Sadra, the perfect man

For citation: Baranov, A.V. (2024), “The concept of the ‘perfect man’ by Ayatollah Khomeini in the Iranian Revolution”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 149–161, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-149-161

Введение

Наблюдая на происходящими событиями в сегодняшнем мире, можно с уверенностью констатировать факт кризиса глобального миропорядка, выстраиваемого на основе “Pax Americana”. В формирующейся системе многополярного мира ведущие роли будут играть те страны, которые смогут сформулировать свои модели самоидентификации на основе культурно-цивилизационных черт. Не секрет, что, провозглашая одним из лозунгов Исламской ре-

волюции лозунг «Ни Запад, ни Восток», Исламская Республика Иран изначально декларировала себя в качестве одного из таких цивилизационных центров многополярного мира. И в связи с тем фактом, что в этом году, несмотря на многолетние санкции и внешнее давление, страна отмечает 45-летнюю годовщину существования исламского режима, есть смысл задаться вопросом: «в чем секрет успешности иранского феномена»?

Основателем и идеологом Исламской республики является аятолла Хомейни, который в современной историографии рассматривается, в основном, как теоретик концепций «исламской революции», «исламского правления» и «исламской культурной революции», заложивших основные характерные черты современной Исламской Республики Иран. Однако перечисленные концепции должны были выполнять функции политической системы, механизма сохранения власти и управления страной. Куда более важным моментом с точки зрения затрагиваемой проблематики для аятоллы Хомейни, особенно после февраля 1979 г., становится идея появления и воспитания нового типа человека, именуемого в его работах «совершенным человеком» (انسان کامل), который и должен стать носителем озвученных идей. Анализ концепта «совершенный человек» позволяет сконструировать определенную стандартную матрицу поведения одинарного верующего-мирянина в его повседневной жизни, выступающего тем самым «кирпичиком» в основании фундамента Исламской Республики Иран.

Формирование концепта «совершенного человека» во взглядах аятоллы Хомейни

Не секрет, что термин «совершенный человек» был заимствован аятоллой Хомейни из теоретических выкладок раннеисламских мыслителей, труды которых он штудировал, обучаясь в *хоузе* (духовной семинарии) Кума. В отличие от большинства своих однокурсников, он не удовлетворился изучением стандартного курса философии (*фалсафа*). Аятолла Хомейни, как верующий человек, в философии видел возможность познания божественной сути и способ сближения с богом. Отсюда его интерес к опыту и практикам мистиков, в том числе суфийской школы. Большую роль к пробуждению интереса к мистицизму (ирфан) у Рухоллы сыграл мирза Али-Акбар Хаким Язди, изучавший данный предмет у самого муллы Хади Сабзевари, составившего «Комментарии» (*“Sharh-e Manzumeh”*) к главному труду Садр ад-Дина аш-Ширази (Муллы Садра) «Четыре странствия» (*“al-Asfar al-Arbaah”*). За-

крепил и развил любовь к ирфану другой знаток, преподававший основы философии в Куме с 1928 по 1936 г., мирза Мохаммад Али Шахабади¹. До самой смерти мирзы Шахабади в 1950 г. Хомейни сохранял с ним близкие отношения.

Под руководством мирзы Шахабади аятолла Хомейни стал изучать основы и положения учения мистиков, начиная с трудов Ибн Араби и заканчивая Муллою Садра. Учение последнего произвело сильное впечатление на студента, и когда в 1978 г. в интервью его попросили назвать имя человека, книги которого повлияли на его взгляды, Хомейни ответил, что «в области философии я могу назвать Муллу Садра»².

Разбирая суть философского подхода Муллы Садра, иранский исследователь Рида Биринджкар отмечает, что «Садра видит пользу философии в сообщении совершенства душе, познании истин существ и уподоблении Богу, насколько это возможно» [Биринджкар 2014, с. 113]. Концепт «совершенной души» или «совершенного человека» у Хомейни получил особенно пристальное внимание и разработку, так как лег в основу его же концепции «культурной революции» (انقلاب فرهنگی).

Из трудов Муллы Садра молодой Рухолла Хомейни уяснил, что путь к познанию бога лежит через аскезу и внутреннее самосовершенствование. Изменение внутреннего мира может привести к переменам и во внешнем. Поэтому, заканчивая обучение в *хоузе* Кума, он выбирает преподавательскую деятельность, а не практику настоятеля мечети где-нибудь в провинции Ирана.

Как известно, главным трудом Муллы Садра считается девяти-томная работа «Четыре странствия», в которой подробным образом описываются духовные странствия индивида к богу: 1) странствие от твари к Богу; 2) странствие в Боге вместе с Богом; 3) странствие от Бога к твари вместе с Богом; 4) странствие в твари вместе с Богом³. Все вместе они и составляют «путь, дорогу» (سبيل) к богу, под которой понимается собственно «шариат». Аятолла Хомейни часто использует данное образное выражение в своих высказываниях,

¹ *Khomeini R.* Forty hadiths; an exposition of ethical and mystical traditions. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2003. P. 6.

² *Khomeini R.* Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's speeches, messages, interviews, decrees, religious permissions, and letters. In 22 vols. Vol. 5. Tehran: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2008. P. 266.

³ *Ширази С. ад-Дин* (Муллы Садра). Престольная мудрость. М.: Восточная литература, 2004. С. 7.

когда говорил, что для того, «чтобы выйти за пределы этого материального мира в тот мир, который лежит за пределами нашего понимания, и каждый из этапов, которые необходимо пройти на этом *пути*, требует руководства и наставлений»⁴.

Согласно традиционному толкованию в ирфани, описанным у Муллы Садр «путем» должны следовать «арифы» (мистики, суфии). Индивид, избравший стезю арифа, становится «саликом» (*араб.* سالك), который отправляется в духовное странствие (*араб.* بلوق). У каждого салика своя «тропа» (*араб.* الطريقة), которая ответвляется от главного пути – *шариа*. И как отмечает немецкая исследовательница Аннамари Шиммель, «эта этимология показывает, что суфии считали путь мистического обучения ответвлением от большой дороги богоданного закона, шарията, по которой, как считается, должен идти каждый мусульманин» [Шиммель 2012, с. 107]. Весь путь салика пролегает через определенные «стоянки» (*араб.* مقام), выступающие своеобразными «вехами на пути» к богу. Итогом следования по этому пути должно стать возвращение в состояние Предвечного Завета, когда бог создал человека, отделив его от своей сути. Данное состояние именуется «уничтожением» (*араб.* فناء) собственного «Я» и «пребыванием (в боге)» (*араб.* بقاء).

Каждый может вступить на путь поиска бога, но лишь немногие могут достичь конечной цели. Аятолла Хомейни утверждает, что успешность предприятия зависит от правильного наставления и руководства лица, ответственного за опекаемого им ученика. В ирфани такие отношения возникают между шейхом и муридом, причем, как замечает Аннамари Шиммель, «послушник, вошедший в число учеников шейха, становится для него “подобно сыну”, и даже больше того, он считается частью учителя» [Шиммель 2012, с. 112]. Подобные отношения существовали и между аятоллой Хомейни и его учениками, посещавшими его занятия по ирфану в Куме. Так, например, в траурном послании по случаю смерти аятоллы Мортазы Мотаххари Хомейни написал: «Я потерял любимого ребенка, который был частью моего существа, и для меня большая честь, что такие самоотверженные дети существовали и существуют в исламе»⁵.

Соответственно, круг приближенных к богу немногочисленный и замыкается в рядах *улама* (богословов). Аятолла Хомейни, поздравляя иранский народ с победой в противостоянии с шахом, подчеркивал, что «своей победой нация обязана, прежде всего, *улама*», а уже во вторую очередь всем остальным слоям населения⁶.

⁴ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 4. P. 164.

⁵ Ibid. Vol. 7. P. 162.

⁶ Ibid. Vol. 6. P. 39.

Эволюция концепта под влиянием Иранской революции

Активное участие народных масс в революции заставили аятоллу Хомейни по-новому взглянуть на свою концепцию «совершенного человека», которая стала распространяться и на верующих мирян. Аятолла выделяет сакральный (сверхмирской) и профанный (мирской) миры. Большинство людей, по мнению аятоллы, привязаны к материальному миру, и это является «корнем всех проблем». «Привязанность к этому миру природы или привязанность ко всему миру приводит к разрушению человека»⁷, – говорит он. Сам по себе простой верующий человек не способен встать на путь исправления и своего спасения, чтобы начать движение к идеалу в лице «совершенного человека». Выход, по словам Хомейни, есть – это обращение к религии и богу: «Коран – это книга, направленная на развитие человека, а ислам – это школа, цель которой – сделать человека во всех аспектах, не только материальным существом, но и божественным»⁸.

Каждый верующий, вставший на путь к богу, что должно выражаться в участии в антишахском движении, становится членом «партии бога» (حزب الله). По утверждению аятоллы Хомейни, *хезбаллахí* – «это мусульманин, который принял ценности и принципы ислама и соблюдает строгую шиитскую дисциплину в обрядах и поведении»⁹. В своих действиях и поступках он руководствуется предписаниями ислама и священного Корана. Причем в партию входят все иранцы, любого возраста и пола. Лидером Хезбалла является имам, который, по словам аятоллы, «ведет и направляет людей в определенном направлении. Имам определяет политику шиитов и Хезбалла, являясь ведущей фигурой этой широкой организации»¹⁰. Можно согласиться с утверждением российского исследователя Н.А. Филина, что в данном случае перед нами исключительно политический титул революционного лидера, не имеющего отношения к практике шиитских непорочных имамов [Филин 2021, с. 188]. Следовательно, когда Хомейни именуют имамом, это означает, что его рассматривают как политического лидера «Хезболла», объединяющей всю шиитскую умму.

Активная политическая позиция верующего выступает четким признаком, по мнению Хомейни, того факта, что тот вступил на

⁷ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 14. P. 9.

⁸ Ibid. Vol. 6. P. 41.

⁹ Ibid. Vol. 5. P. 397.

¹⁰ Ibid. P. 398.

путь внутреннего совершенства или реформирования. Следовательно, прохождение данного пути сопровождается достижением конкретных состояний духовного развития, что символизирует достижение той или иной «стоянки», или этапа. Причем действия верующих мирян сопровождаются внешними проявлениями данного процесса. Именно такие личности должны следовать определенной модели и логике поведения, которая призвана вывести их к богу. «Бог хочет, чтобы человек достиг высшей ступени; чтобы он поднялся с низшей ступени на высшую»¹¹, – заявляет аятолла.

Пожалуй, первой такой ступенью, или «стоянкой», символизирующей начало «пути», призвано стать «покаяние» (توبه). Согласно классической трактовке данного положения, «мир» рассматривался опасной ловушкой на пути к богу, и через покаяние человек должен был «отвернуться от греховного мира и отречься от всех мирских забот» [Шиммель 2012, с. 118]. С точки зрения аятоллы Хомейни, «греховный мир» – это шахский Иран, с его «жестокой и разрушительной системой»¹², угнетающий иранский народ, отошедший от праведной и справедливой жизни времен непорочных имамов. Следовательно, «покаяние» иранский народ совершил, осуществив Исламскую революцию и свергнув шахский режим, именуемый Хомейни «режимом *тагута*» (طاغوت)¹³. А свержение этого режима стало возможным благодаря «Исламскому пробуждению» (بیداری اسلامی), когда иранский народ осознал, что их спасением является возвращение в лоно ислама. Народ «пробудился» и отверг политику шаха, ведущую к отказу от ислама и исламских ценностей. «Прошлое ушло, и сегодня мы должны думать о будущем»¹⁴, – констатирует аятолла. Именно Исламская революция стала для Хомейни той линией, переступив которую весь иранский народ встал на путь своего совершенствования.

Второй условной «ступенью» можно назвать «воздержание» (پرهیز از مصرف) и «отречение» (ترک). Данное положение подразумевает следование кораническому принципу «предписывать добро, запрещать зло». С точки зрения аятоллы Хомейни, необходимо воздерживаться и отрекаться от всего негатива, что ассоциируется с прошлым шахским режимом, проводившим политику в интересах Запада. «Запад унизил нас, подорвал наш моральный дух и сделал нас вестернизированными. Мы искореним эту вестернизацию; вместе с иранской нацией и с ее поддержкой мы сотрем все

¹¹ Ibid. Vol. 8. P. 362.

¹² Ibid. Vol. 4. P. 246.

¹³ Ibid. Vol. 6. P. 232.

¹⁴ Ibid. Vol. 7. P. 95.

следы вестернизации, все ее развращенные пережитки, всю ее развращенную мораль, все презренные западные песни. Мы создадим “мусульманскую” страну»¹⁵.

Запрещая «зло» в виде преклонения перед Западом, аятолла призывает поддерживать «добро», что подразумевает стремление превращения Ирана в исламское государство. «Мы еще не воплотили суть и реальность ислама на практике в Иране. Это правда, что все мы проголосовали за исламскую республику, но ислам нельзя реализовать, просто проголосовав за него»¹⁶. Для того чтобы эта мечта стала реальностью, необходимо приложить много усилий, причем это касается абсолютно каждого, уверен Хомейни.

Достижение конечной цели требует не только усилий, но и «терпения» (صبر), что выступает в виде еще одного принципа поведения. Ссылаясь на коранический аят «Воистину, терпеливым воздастся полностью безо всякого счета», аятолла Хомейни призывает «быть терпеливым в этом священном движении, в котором формирование исламского правительства является главной целью, а обеспечение свободы и независимости является одним из его плодов»¹⁷. Он не раз заявляет о том, что «бог с терпеливыми» и именно им будет принадлежать победа. Терпение необходимо, потому что путь к победе длинен и труден. По словам аятоллы, пройдена «только половина нашего пути»¹⁸, и оставшаяся часть будет сложнее и труднее первой, так как «яд прошлого все еще остается»¹⁹ в обществе.

Отсюда вытекает следующий принцип – это борьба с «праздно­стью, ленью» (تنبلی), под которой иногда аятолла Хомейни подразумевает шиитский принцип «такийя» (تقیه). Данный принцип является не менее важным, чем предыдущие, так как призывает к деятельному и активному участию в создании исламского общества абсолютно всех иранцев. «Слабость, безразличие и раздор в такое время – это то же самое, что совершить самоубийство и растратить пролитую кровь детей ислама понапрасну»²⁰, – говорит аятолла. Никто не имеет права сидеть сложа руки, ожидая, пока правительство восстановит и обустроит страну. Построение исламской страны – это долг каждого. Хомейни призывает отбросить апатию, лень и активно включиться в процесс восстановления и управления страной.

¹⁵ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 242.

¹⁶ Ibid. Vol. 8. P. 12.

¹⁷ Ibid. Vol. 4. P. 301.

¹⁸ Ibid. Vol. 7. P. 16.

¹⁹ Ibid. P. 72.

²⁰ Ibid. Vol. 4. P. 301.

Достижение конечной цели пути невозможно без полного предания себя божественной воле, что составляет суть принципа «упование на бога» (перс. *توکل به خدا*). С точки зрения аятоллы, даже победа Исламской революции в Иране – это божье провидение, которое он именует чудом. Оно было бы невозможно, если бы иранский народ не вручил свою судьбу в руки бога. Связь с богом устанавливается благодаря богослужениям и молитвам. «Эти акты богослужения, – заявляет Хомейни, – как молитва, пост, совершение святого паломничества и так далее – это набор заповедей, набор предписаний, которые пришли, чтобы помочь вам достичь различных этапов на пути к совершенству»²¹.

Вверяя свою судьбу в руки всевышнего, верующий обязуется подчиняться исключительно богу и его заповедям. Верующий признает в качестве верховной власти власть бога, а не власть другого человека. По словам аятоллы, «именно с этой точки зрения начинается наша социальная борьба против деспотических и колониальных держав», против существующей несправедливости, так как «принцип равенства людей указывает на то, что единственной привилегией одного человека перед другим является критерий добродетели и нравственной чистоты»²².

Признавая всевышнего в качестве верховного правителя, аятолла заявляет, что тем самым все верующие являются божьими слугами и должны выполнять свои обязанности. Даже он, аятолла Хомейни, является слугой бога и нации. «Я вернулся из-за границы, чтобы служить вам», – заявляет он. «Я ваш слуга; я слуга нации. Я пришел, чтобы защитить вас. Я пришел, чтобы свергнуть ваших врагов. Я пришел для того, чтобы сделать нацию независимой»²³.

Долг лидера нации (*رهبر ملت*) – вести и направлять народ, долг нации – делать все необходимое для достижения независимости и суверенитета страны. Аятолла говорит, что «каждый из вас, и я, можем работать в соответствии с нашими возможностями, и мы несем ответственность за то, чтобы работать в соответствии с нашими собственными возможностями»²⁴. Поэтому каждый должен ответственно подходить к выполнению возложенных на него обязанностей во имя достижения общей цели – построения справедливого исламского общества. Хомейни признает, что каждая личность уникальна, у каждого есть свои особенности и проблемы на жизненном пути, но они не должны стать помехой в выполнении долга перед обществом.

²¹ Ibid. P. 165.

²² Ibid. Vol. 5. P. 379.

²³ Ibid. Vol. 6. P. 45.

²⁴ Ibid. Vol. 7. P. 95.

«У меня тоже есть некоторые проблемы, – говорит аятолла. – У всех людей есть проблемы. Но сейчас не время оплакивать их. Теперь пришло время сказать: “Бог – велик” и двигаться вперед»²⁵.

«Проблемы», упоминаемые аятоллой Хомейни, возникают у человека из-за его привязанности к этому материальному миру. Отсюда берет свое начало следующий принцип поведения, заключающийся в «укрошении низменной части души» (نفس), то, что мы именуем «плотью». Главное зло, которое несет в себе преклонение перед плотским «Я», заключается в том, что человек в основу смысла своего существования в этой жизни ставит превыше всего блага этого материального мира, будь то семья, богатство, слава, статус или положение в обществе. Хомейни призывает не превращаться в рабов плоти, чтобы на смертном одре, осознав, что в мир иной мы уходим с тем, с чем в него пришли, не возненавидеть всевышнего. Однако из этого вовсе не следует, что аятолла Хомейни был противником материального достатка и процветания. Как раз наоборот, согласно принципу «борьбы с нищетой» (فقر), аятолла призывает делать все возможное, чтобы ликвидировать в обществе существующее имущественное неравенство между бедными (فقير) и богатыми (ثروتمندان) [Abrahamian 1993, p. 26].

Аятолла Хомейни уверен, что ликвидация неравенства – это не только политический долг исламского правительства, но и общественная обязанность каждого члена этого общества. Установление справедливого исламского правления должно основываться на создании такой системы, в которой будут удовлетворены все потребности «бедных людей, рабочих и служащих с низкими доходами»²⁶. Общество должно приложить все усилия, чтобы каждый имел доступ к основным благам цивилизации – водоснабжению, электричеству, канализации, средствам коммуникации и собственному жилью²⁷. Причем самые неимущие члены общества должны получить доступ к воде и электричеству бесплатно²⁸, заявляет аятолла Хомейни.

Проблему неравенства можно решить только совместными усилиями всех членов общества. Аятолла Хомейни образно это описывает, сравнивая людей с отдельными каплями, собирающимися вместе и образующими водные потоки, которые, сливаясь, становятся морем²⁹. Сам по себе человек ничего не сможет сде-

²⁵ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. Vol. 7. P. 339.

²⁶ Ibid. Vol. 6. P. 236.

²⁷ Ibid. P. 232.

²⁸ Ibid. P. 260.

²⁹ Ibid. Vol. 5. P. 96.

лать, а объединившись, люди могут совершить невозможное. В качестве примера он приводил факт свержения монархии в Иране, заявляя, что многие думали, что невозможно сокрушить шахский режим, с его современным вооружением и полной поддержкой со стороны Америки, однако общими усилиями народа это стало реальностью³⁰.

Следовательно, и построение справедливого общества, где не будет бедных, также не является фантастикой. Аятолла Хомейни говорит, что это достижимо, если «все слои населения примут участие в восстановительных мероприятиях. Фермеры должны проявлять усердие в сельском хозяйстве, в частности в увеличении урожая продовольственных культур; животноводы должны заниматься животноводством, увеличивая поголовье скота; торговцы должны заниматься правильной торговой деятельностью и воздерживаться от спекуляции»³¹. Каждый должен заниматься своим делом, относясь друг к другу как к братьям, потому как в Исламской республике нет разделения на арабов, курдов, турок и персов. У всех равные права перед Аллахом, все являются мусульманами, подчеркивает аятолла³².

Сохранение и развитие общества невозможно без решимости его членов защищать завоевания Исламской революции. Аятолла Хомейни говорит, что «долг для всех нас – быть стражами ислама, быть солдатами ислама», а это означает, что каждый должен быть готов пожертвовать своей жизнью ради общей цели. В этом заключается принцип «жертвенности», или «шахадата» (شهادت). Объясняя его суть, аятолла заявляет следующее: «Если путь становится путем справедливости, тогда человек не должен бояться мученичества на этом пути. Это было характерной чертой ислама с самого начала. Пророк ислама и наши имамы с самого начала были сторонниками самопожертвования»³³. В этом отношении он призывает брать пример с тех, кто пожертвовал своей жизнью в борьбе с шахским режимом. По словам Хомейни, «эта нация восторжествовала, потому что мученичество было ее желанием. Матери, пожертвовавшие своими юношами, гордились бы тем, что сделали это, и говорили бы, что готовы пожертвовать другими своими сыновьями. Это не могло быть порождено силой национализма; это сила веры; это сила ислама»³⁴.

³⁰ Ibid. Vol. 7. P. 95.

³¹ Ibid. Vol. 6. P. 343.

³² Ibid. P. 355.

³³ Ibid. Vol. 7. P. 257.

³⁴ Ibid. Vol. 6. P. 315.

Аятолла Хомейни призывает поддерживать это священное чувство. В этом заключается его «последняя просьба»: «О, нация Ирана! Защитите свое движение, свое единство и сохраните свое исламское направление»³⁵. Следовательно, пока в иранском народе будет сохраняться приверженность следованию праведным путем к богу, пока нация будет следовать перечисленным принципам поведения, она будет сохранять «ключ к победе»³⁶.

Заключение

По словам аятоллы Хомейни, в современном мире не было аналогов исламскому правлению, которое намеревались построить в Иране в результате свержения шахского режима и провозглашения Исламской Республики. Исходя из этого планировалось и формирование соответствующего типа человека, отвечавшего параметрам создаваемого общества. Аятолла Хомейни уделял пристальное внимание моральным и нравственным чертам «совершенного человека», сама идея которого заимствована из учений исламских мистиков, в частности у Муллы Садра. Правда, под воздействием развивавшихся в Иране событий концепт «совершенного человека» был трансформирован аятоллой согласно требованиям времени и задачам построения в Иране исламского общества. Анализ текстов его выступлений и официальных заявлений в первые годы существования ИРИ позволили осуществить авторскую реконструкцию вероятной модели поведения «совершенного человека» эпохи революционных потрясений, выделив ее характерные черты, ставшие своеобразной матрицей поведения отдельного индивида, заложивших основы устойчивости Ирана в условиях внешнего давления и санкций.

Литература

- Биринджкар 2014 – *Биринджкар Р.* Знакомство с исламскими науками: калам, фалсафа, ирфан. М.: Садра, 2014. 305 с.
- Шиммель 2012 – *Шиммель А.* Мир исламского мистицизма. М.: Садра, 2012. 536 с.
- Филин 2021 – *Филин Н.А.* Особенности употребления термина «имам» по отношению к основателю Исламской Республики Иран аятолле Хомейни // *Власть*. 2021. № 1. С. 185–189.
- Abrahamian 1993 – *Abrahamian E.* Khomeinism. Essays on the Islamic Republic. Berkeley: University of California Press, 1993. 188 p.

³⁵ *Khomeini R.* Sahifeh-ye Imam. Vol. 6. P. 354.

³⁶ *Ibid.* Vol. 7. P. 23.

References

- Birindzhkar, R. (2014), *Znakomstvo s islamskimi naukami: kalam, falsafa, irfan* [Introduction to Islamic sciences. Kalam, Falsafa, Irfan], *Sadra, Moscow, Russia*.
- Shimmel', A. (2012), *Mir islamskogo mistitsizma* [The world of Islamic mysticism], *Sadra, Moscow, Russia*.
- Filin, N.A. (2021), "Features of the use of the term 'imam' in relation to the founder of the Islamic Republic of Iran Ayatollah Khomeini", *Vlast'*, no. 1, pp. 185–189.
- Abrahamian, E. (1993), *Khomeinism. Essays on the Islamic Republic*, University of California Press, Berkeley, USA.

Информация об авторе

Алексей В. Баранов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; baranovav@mail.ru

Information about the author

Aleksei V. Baranov, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; baranovav@mail.ru

Роль «Движения за свободу Ирана» в исламской революции 1978–1979 гг.

Егор В. Хатунцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ehatuntsev@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье автор предпринял попытку исследовать роль национально-религиозной группировки «Движение за свободу Ирана» и его лидера Мехди Базаргана в антишахском движении и исламской революции в Иране 1978–1979 гг. В статье рассмотрено развитие союзнических отношений между Движением и умеренным духовенством, пересмотрена роль ДСИ в организации протестных акций, а также его место в расстановке оппозиционных сил в Иране на период 1978 г. Автор считает, что в период развития антишахских протестов ДСИ, в особенности сам М. Базарган, предпринимало усилия по сохранению за собой и Движением пальмы первенства в развитии революционного движения, несмотря на растущую популярность Р. Хомейни, а также пресекало все попытки духовенства выдвинуться вперед. Автор выдвигает тезис о том, что Базарган в целях удержания контроля над революционным движением в январе 1978 г. стремился использовать армию против радикального крыла духовенства и аятоллы Хомейни. Интерпретируя столь сложные и многомерные явления, произошедшие в Иране в 1978–1979 гг., следует, как считает автор статьи, рассматривать ДСИ столь же влиятельной группировкой оппозиции, как и духовенство.

Ключевые слова: Иран, Движение за свободу Ирана, оппозиция, исламская революция, шах, Базарган, Хомейни

Для цитирования: Хатунцев Е.В. Роль «Движения за свободу Ирана» в исламской революции 1978–1979 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 162–176. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-162-176

The role of the Movement for the Liberation of Iran in the Islamic Revolution 1978–1979

Egor V. Khatuntsev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ehatuntsev@gmail.com*

Abstract. The author of the article attempted to study the role of the national-religious group “Liberation movement in Iran” and its leader Mehdi Bazargan in the anti-Shah movement and the Islamic Revolution in Iran 1978–1979. The article considers the development of allied relations between the LMI and the moderate clergy, reviews the role of the LMI in organizing protest actions, as well as its place in the lineup of opposition forces in Iran for the 1978. The author believes that during the development of anti-Shah protests, the LMI, especially M. Bazargan himself, made efforts to preserve the supremacy for himself and the LMI in the development of the revolutionary movement, despite the growing popularity of R. Khomeini, and also suppressed all attempts by the clergy to move forward. The author puts forward the thesis that Bazargan, in order to maintain control over the revolutionary movement in January 1978, sought to use the army against the radical wing of the clergy and Ayatollah Khomeini. Interpreting such complex and multidimensional phenomena that occurred in Iran in 1978–1979, the author suggests that the LMI should be considered as an influential opposition group as the clergy.

Keywords: Iran, Liberation movement in Iran, opposition, Islamic revolution, shah, Bazargan, Khomeini

For citation: Khatuntsev, E.V. (2018), “The role of the Movement for the Liberation of Iran in the Islamic Revolution 1978–1979”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 162–176, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-162-176

Введение

В отечественной и зарубежной историографии отводилось большое внимание вопросам национально-освободительных движений, революций и деколонизации в странах Азии и Африки XX в. Одним из таких ярких и в то же время кровавых движений стали революционные события в Иране 1979 г., когда шиитское духовенство во главе со своим вождем – аятоллой Рухоллой Хомейни – свергло проамериканский монархический режим шаха Мохаммада Резы Пехлеви и установило свой теократический режим исламской республики.

Российская и англоязычная иранистика полна исследований об исторических предпосылках, причинах и сущности исламской революции в Иране 1978–1979 гг. Достаточно назвать работы российских историков и экономистов, таких как А.З. Арабаджян [Арабаджян 1983], Е.А. Дорошенко [Дорошенко 1985], С.Л. Агаев [Агаев 1981], С.М. Алиев [Алиев 2004], или работы известных зарубежных ученых, таких как Н. Кедди [Keddie 2003], С.А. Арджоманд [Arjomand 1988], С. Забих [Zabih 1982], Э. Абрахамиян [Abrahamian 1982], А. Рахнема [Rahnema 2023]. Во всех перечисленных работах фокус внимания исследователей сосредотачивался на шиитском духовенстве как главном субъекте революции, на ее представителях и их реформистских или фундаменталистских взглядах, на структуре и группировках духовенства, однако совершенно мизерное внимание отводилось другим общественно-политическим силам, также сыгравшим роль в организации антимонархического движения и победе исламской революции.

В данной статье автор провел анализ деятельности ведущей на 1978–1979 гг. в Иране национально-религиозной оппозиционной группировки «Движение за свободу Ирана» (ДСИ, *Нехзат-э Азади-йе Иран*) в антишахском движении, возглавлявшейся тогда инженером, религиозным реформистом (или «модернистом») Мехди Базарганом, в дополнение к этому автор постарался определить роль, которую сыграли ДСИ и М. Базарган в достижении ее победы.

Группировка была основана еще в мае 1961 г. самим М. Базарганом, а также его единомышленниками – аятоллой М. Талегани, Э. Сахаби, Я. Сахаби, М. Атайи, аятоллой Р. Зенджани, Х. Нази-хом, А. Энтезамом и др.¹ С 1960-х гг. ДСИ, как и остальные оппозиционные партии и группировки, были запрещены по указу шаха – действовали они подпольно. Не вдаваясь в отдельные стороны и нюансы структуры и деятельности ДСИ, ограничимся лишь некоторыми чертами политической программы и деятельности Движения в 1960–1970-е гг. Главной задачей группировки на фоне растущей диктатуры Мохаммеда Резы Пехлеви было продолжение курса М. Мосаддыка – достижение независимости Ирана (от влияния США), восстановление и соблюдение шахом всех положений конституции 1906 г., обеспечение свободных выборов, печати, собраний и партийной деятельности. Идеалом для ДСИ, в основу которого были положены взгляды М. Базаргана, стала «исламская

¹ (۱۳۸۸ ۱۳۴۰) رشیو اسناد نهضت آزادی ایران. جلد اول. [Собрание документов «Движения за свободу Ирана» (1961–2009 гг.). Т. 1] // آزادی ایران سایت نهضت [Сайт партии «Движение за свободу Ирана»]. URL: <https://nehzateazadi.org/%d8%ac%d9%84%d8%af-1/> (дата обращения 16.04.2024).

демократическая республика» при сохранении монархической власти (эта позиция изменилась осенью 1978 г., когда ДСИ решило установить «исламскую демократическую республику», ликвидировав институт монархии) [Jahanbakhsh 2001, p. 128]. При этом шах Мохаммед Реза должен был функционировать во властной структуре по принципу «царствовать, но не править». У лидеров движения было собственное предпринимательство, многие работали в Тегеранском университете, М. Базарган и М. Талегани выступали в религиозных центрах, находились в тесных отношениях с А. Шариати, проводили массовые как политические, так и интеллектуальные мероприятия. Оба получили широкую известность по всей стране.

По сути, к концу 1970-х гг. «Движение за свободу Ирана» оставалось самой известной и широко поддерживаемой оппозиционной организацией с ясной, в отличие от Национального фронта или леворадикальных группировок, таких как Организация моджахедов иранского народа (ОМИН) или Организация партизан-федаев иранского народа (ОПФИН), программой действий, идеологией и понятными для широких масс целями оппозиционной борьбы.

Роль ДСИ в нарастающем антишахском движении

В российской историографии уже утвердилась позиция, в соответствии с которой антимонархическое движение началось в январе 1978 г. Предлогом стала опубликованная в газете «Эттелат» статья про Р. Хомейни под названием «Иран и черно-красный империализм»². В статье в оскорбительной форме был дан портрет Хомейни, в частности, говорилось о том, что аятолла вообще был иностранцем, который в юности работал британским шпионом и писал вульгарные суфийские стихи.

Умеренное духовенство на следующий же день, 8 января, провело протестные выступления учащихся медресе и студентов-теологов в г. Кум. В ходе нее участники выкрикивали лозунги в поддержку Хомейни. Полиция была вынуждена разогнать

² По одной из версий, представленной в книге «Тахрир-э тарих-э шафахи-йе энкелаб-э эслами-йе Иран», принадлежащей перу Эмад-ад-Дина Баки, говорится, что статья была опубликована неким Ахмадом Рашиди Мотляком. Автор, утверждая, что это псевдоним, относит авторство статьи к бывшему тогда министру информации и туризма Д. Хомаюну. Об этом также говорится в книге Дж. Амузегара под названием «Фараз ва форуд-э дудэман-э Пахлави».

демонстрацию, в результате чего погиб один человек. Из-за этого духовенство 9 января собрало еще одно шествие. На этот раз шиитские богословы требовали восстановить конституционные положения 1906 г., которые изъял шах для усиления своей личной власти (стоит отметить, что главной целью умеренного духовенства на тот момент было всего лишь восстановление конституции 1906 г. с положением об учреждении наблюдающего за парламентом органа, состоящего из авторитетных шиитских богословов, которые рассматривали бы законопроекты на предмет их соответствия конституции и шариату) [Скляров 1989а, с. 101].

С февраля 1978 г. духовенство ежемесячно, через каждые 40 дней, устраивало демонстрации и протестные шествия в траур по погибшим или пострадавшим участникам на предыдущих акциях. В их организации участвовало и ДСИ. Например, подобные акции протеста с марта 1978 г. устраивались в Тебризе³.

Ситуация в стране накалилась в течение февраля–июня 1978 г. до такой степени, что шах решил пойти на уступки национально-религиозной оппозиции взамен на прекращение с их стороны протестных акций. Для этого 27 августа 1978 г. он отправил правительство Дж. Амузегара в отставку, а на его место назначил бывшего премьер-министра Дж. Шарифа-Эмами. Программа его правительства была полностью направлена на выполнение требований, которые были опубликованы Иранским комитетом защиты свободы и прав человека (ИКЗСПЧ) в конце 1977 г.⁴ Правительство

³ (۱۳۸۸ ۱۳۴۰) جلد نهم. [Собрание документов «Движения за свободу Ирана» (1961–2009 гг.). Т. 9.] آزادی ایران سایت نهضت [Сайт партии «Движение за свободу Ирана»]. URL: <https://nehzateazadi.org/%d8%ac%d9%84%d8%af-9/> (дата обращения 16.04.2024).

⁴ «Иранский комитет защиты свободы и прав человека» был создан весной 1977 г. по инициативе М. Базаргана и являл собой союз между ДСИ и умеренным духовенством в преддверии антишахского движения. Комитет просуществовал около 14 месяцев. Своими целями он провозгласил: 1) осуществление непоколебимых принципов иранской конституции 1906 г.; 2) освобождение политических заключенных и граждан Ирана, находящихся в ссылке; 3) ликвидацию однопартийной системы, обеспечение свободы деятельности партий, группировок, религиозных обществ и собраний; 4) свободу слова; 5) отмену цензуры печати; 6) роспуск парламента (меджлиса и сената), городских энджуменов (советов), проведение демократических выборов; 7) независимость судебной власти; 8) роспуск трибуналов и специальных судов; 9) роспуск всех силовых структур, участвовавших в ущемлении свободы населения и массовых расстрелах демонстраций.

также обязалось в ближайшее время провести выборы в меджлис в демократической атмосфере.

Таким образом, в конце августа 1978 г. шахский режим легализовал партийную деятельность национально-либеральных группировок, как Движение за свободу Ирана, Национальный фронт (во главе с К. Санджаби) и др. Ряд российских иранистов полагали, что либерально-демократическая оппозиция, получив от шаха долгожданные уступки, была не совсем заинтересована в проведении дальнейших спланированных массовых выступлений и протестных акций в союзе с умеренным духовенством. С точки зрения автора настоящей статьи, этот тезис верен наполовину, равно как и тот факт, что «либерально-демократическая оппозиция» состояла из ДСИ и НФ. Во-первых, Движение за свободу Ирана – группировка национально-религиозного толка (она состояла как из светских националистов, так и из религиозных деятелей), которая находилась в тесном контакте с умеренным духовенством, даже имела влияние на него в то время, как Национальный фронт был исключительно светской группировкой и не имел признания среди шиитских авторитетов. Во-вторых, оба движения находились в конфликте еще с 1960-х гг., их интересы и цели полностью разошлись как раз из-за религиозности ДСИ в целом и леворадикальности ее группы студентов в частности (которые станут организацией «федаев»).

Движение за свободу Ирана намеревалось продолжать акции протеста, по словам М. Базаргана, захватывая «бастион за бастионом», до победного конца (свержения Мохаммеда Резы)⁵. Об этом свидетельствует, например, письмо М. Базаргана аятолле Хомейни, который в тот период находился в ссылке в иракском г. Неджеф. Передал он послание в августе 1978 г. через одного базарного торговца, который собирался совершить хадж в Неджеф. В этом письме М. Базарган кристально ясно выразил позиции ДСИ относительно революционного движения [Базарган 1983, С. 34]: 1) конституция 1906 г. (без поправок и дополнений) – единственный документ для обвинения шаха в его репрессивном режиме, а также гарантия для соблюдения исламских законов; 2) вся деятельность оппозиции должна быть направлена против шаха, а не против США и СССР, поскольку западные страны могли негативно воспринять революционное движение; 3) достижение свободных выборов – избирательная кампания могла бы донести до населения идеи оппозиции;

⁵ (۱۳۸۸ ۱۳۴۰). جلد یازدهم. آرشیو اسناد نهضت آزادی ایران. [Собрание документов «Движения за свободу Ирана» (1961–2009 гг.). Т. 11] // سایت نهضت آزادی ایران [Сайт партии «Движение за свободу Ирана»]. URL: <https://nehzateazadi.org/%d8%ac%d9%84%d8%af-11/> (дата обращения 16.04.2024).

4) конечная цель антишахского движения – свержение монархического режима; 5) исламское правление – единственная и конечная цель каждого мусульманина (имелась в виду базаргановская концепция «исламской демократической республики»); 6) необходимы регулярные контакты с духовенством посредством делегации/органа, которая(ый) выступала бы в качестве посредника между Хомейни и оппозицией в Иране. 28 августа 1978 г. ДСИ выпустило заявление под названием «Выход из текущего тупика»⁶. В нем руководство движения назвало шаха «корнем всех бед» в Иране и что его отречение и есть тот самый выход из тупика.

Встреча Базаргана и Хомейни во Франции: вопрос о революционном совете

С осени происходит эволюция антишахского движения, связанная не только с увеличивающейся популярностью аятоллы Хомейни и его взглядов, но и с включением в революционное движение рабочего класса: служащих банков, таможен, учреждений связи, телеграфа, нефтеперерабатывающих заводов, а затем – и служащих министерств. В октябре–ноябре 1978 г. они устраивали забастовки по всей стране, требуя повышения заработной платы, медицинского обслуживания и улучшения жилищных условий [Склярков 1989б, с. 106]. Все новые выступления уже проходили под лозунгом свержения шахского режима и установления теократического государства в Иране, который пропагандировал имам Хомейни.

Здесь стоит указать на то, что подход М. Базаргана и ДСИ в целом к революционному движению был намного умереннее, чем у духовенства, особенно Хомейни и его сторонников. За это Базарган упрекали его единомышленники по ДСИ (то его крыло, что было связано леворадикальными группировками ОПФИН и ОМИН, а также с радикальным крылом духовенства). Умеренное духовенство, с которым Базарган находился в тесном контакте (окружение аятоллы Шариатмадари и Гольпаегани), также стало выдвигаться вперед в революционной гонке на фоне роста популярности Хомейни. Базарган занимал позицию умеренного и постепенного развертывания и продвижения исламской революции, в то время как духовенство имело обратную позицию – молниеносных действий, свержения режима шаха и установления теократического государства. М. Базарган в этом ключе был достаточно косных и ограниченных взглядов, он не осознавал, что руководящая роль

⁶ Ibid.

в движении стала переходить в руки духовенства. Показательно заявление, выпущенное Движением за свободу Ирана 9 октября, уже после кровавых сентябрьских событий в Исфахане и Тегеране. Содержание сводилось фактически к следующему: шах должен отречься от престола; монархия признается как единственная форма правления, при этом речь об «исламской республике» вообще не велась (равно как об «исламском правлении»); в революционном движении, как и в случае его победы, во внимание должны приниматься интересы внешних игроков (имеются в виду США), примечательно, что аятолла Хомейни не упоминался ни разу⁷.

Сам же Хомейни в результате нажима со стороны тогдашнего премьер-министра Шарифа-Эмами на иранское правительство должен был покинуть г. Неджеф. Движение за свободу Ирана решило использовать эту возможность для установления контроля над аятоллой. Именно поэтому, как считает автор, из США приехал выходец ДСИ Эбрахим Язди, который убедил Хомейни переехать именно во Францию (там находился один из зарубежных филиалов ДСИ), в пригород Парижа – Нюфль-ле-Шато. Там вокруг Хомейни сформировался своего рода «штаб», состоящий, фактически, из трех фигур (все выходцы из ДСИ): А. Банисадр – выступал пресс-секретарем аятоллы; С. Котбзаде – отвечал за расписание Хомейни и ежедневные задачи; Э. Язди – занимал роль полупредставителя-полузаместителя Хомейни по политическим вопросам.

Поскольку революционное движение приобретало хаотический характер (особенно забастовочные акции, которые наносили вред, например, обеспечению обычного народа продовольствием и энергией), в Иране уже неофициально стал действовать негласный орган по организации антишахских выступлений (тот самый «революционный совет») [Базарган 1983, с. 48], куда вошли ряд светских лидеров ДСИ и представители умеренного духовенства⁸. Понимая, что иранское общество считает Хомейни вождем революционного движения, ДСИ, а также НФ решили провести переговоры с Хомейни в Париже. Базарган и лидер НФ Карим

⁷ آرشیو اسناد نهضت آزادی ایران. جلد یازدهم. (۱۳۴۰ ۱۳۸۸) [Собрание документов «Движения за свободу Ирана» (1961–2009 гг.). Т. 11] // سایت نهضت آزادی ایران [Сайт партии «Движение за свободу Ирана»]. URL: <https://nehzateazadi.org/%d8%ac%d9%84%d8%af-11/> (дата обращения 19.04.2024).

⁸ К слову, 17 ноября 1978 г. вся печатная пресса Ирана объявила забастовку, продолжавшуюся до 8 января 1979 г. В этот период печатный орган Движения за свободу Ирана «Новости исламского движения» (Ахбар-э джонбеш-э эслами) был единственным, освещающим революционные события.

Санджаби прибыли в Париж в конце октября 1978 г., переговоры с Хомейни шли около 10 дней.

Ключевая встреча с Хомейни у М. Базаргана состоялась 30 октября (первая их встреча с 1962 г.). Главной темой, которую хотел обсудить Базарган, стал вопрос о создании официального представительного, координирующего органа от лица Хомейни, который будет находиться в постоянном контакте с руководством ДСИ, чем он внесет порядок в революционное движение, т. е. ДСИ старалось прикрыться именем Хомейни, использовать его в своих целях. Причем Базарган активно продвигал идею создания революционного совета («исламским» он станет, когда об этом официально объявит Хомейни в январе 1979 г.).

В ходе заседания Хомейни оставался, со слов Базаргана, угрюмым и не соглашался ни с одним из предложенных им решений. Более того, когда Хомейни попросил Базаргана предоставить ему список из авторитетных политических фигур, которых можно было бы в дальнейшем выдвинуть в парламент и кабинет министров, Базарган предоставил список из следующих имен: аятолла М. Мотаххари, аятолла А. Зенджани, М. Бехешти, А.А. Хашеми-Рафсанджани, аятолла М. Махдави-Кяни, Я. Сахаби, Э. Язди, М. Базарган, К. Сами, М. Катирай, Н. Миначи, А. Садр Хадж Сейед Джавади, А.А. Масуди (один из адвокатов ДСИ в 1964 г.). По сути, М. Базарган включил в список членов ДСИ, обойдя вниманием представителей духовенства из окружения Хомейни (А.А. Хашеми-Рафсанджани, которого ошибочно причисляют к группировке Хомейни, первоначально входил в группу умеренного духовенства; он, как и многие из оппозиционных кругов, старался уловить, в чьи руки перемещается ведущая роль в революционном движении, и в соответствии с ней примкнуть к той или иной группировке).

По итогам переговоров Хомейни остался абсолютно недовольным, итоговая декларация была подписана не М. Базарганом, а К. Санджаби (им же она составлена) и Р. Хомейни (который был очень возмущен тем, что Санджаби поставил свое имя наравне с его в качестве подписантов). Базарган же, выйдя от Хомейни, назвал последнего «*арьямехром*⁹ в тюрбане» [Chehabi 1990, p. 243].

Базарган счел декларацию попыткой Санджаби выслужиться перед Хомейни, что увеличивало разногласия не только между этими двумя персонами, но и между их группировками – ДСИ и НФ. Более того, разногласия о позициях росли и в самой организации

⁹ «Арьямехр» – шахиншах, «солнце мира», так называли с 70-х годов XX в. шаха Мохаммада Резу Пехлеви в честь учрежденного им одноименного высшего ордена.

движения: пока Базарган был в Париже, из тюрьмы были выпущены два других лидера ДСИ – Эззатолла Сахаби и аятолла Махмуд Талегани, первым делом сделавших заявления о том, что с ДСИ покончено, что оба собираются создать новую «организацию», отвечающую революционной обстановке. Талегани и Сахаби известны своими связями с ОМИН и ОПФИН. Последняя, «федаи», вообще является отколовшейся от ДСИ группой леворадикальных студентов во главе с Э. Сахаби (неформально в группу включают и М. Талегани). Что касается Котбзаде, Язди и Банисадра, то все трое больше поддерживали идею Р. Хомейни о создании исламского режима в Иране, а не цели Базаргана о только лишь свержении монархии. Таким образом, Базаргану пришлось полностью признать лидерство Хомейни, отказавшись от своих взглядов, и примкнуть к аятолле, как раньше это сделали представители умеренного духовенства. Исходя из этого, между Хомейни и ДСИ был заключен негласный тактический союз.

Акции ДСИ и М. Базаргана перед февральской революцией

В ноябре – декабре ДСИ продолжило вместе уже с умеренным и радикальным духовенством, управлявшимся из Парижа, организацию и проведение протестных акций, в которых все большую роль стали играть ОПФИН и ОМИН. На этом фоне шах сменил главу кабинета министров – Шарифа Эмами на генерала Г.Р. Азхари. Последний подал в отставку в конце декабря 1978 г. после того, как армия устроила кровавое подавление нескольких протестных акций, устроенных в последнюю декаду декабря. Шах стал искать новых претендентов на пост премьера. В этих условиях Мохаммед Реза предложил создать коалиционное правительство, куда вошли бы деятели светской оппозиции. ДСИ отвергло эту идею, а шах тем не менее сделал такое предложение лидерам НФ, например, одному из старейших его членов – Г. Садики. Получив его отказ, шах предложил пост главы правительства Ш. Бахтияру (еще одному давнему активисту НФ и близкому товарищу М. Базаргана), тот, согласившись, вступил в должность 2 января 1979 г. Бахтияр расценил это как победу национально-демократической оппозиции в борьбе с шахом. Лидеры Национального фронта, не желая менять перспективы сотрудничества с группировкой Хомейни на государственные посты в правительстве Бахтияра, исключили его из состава своей организации по решению Высшего совета 31 декабря 1978 г. Бахтияр же помог бежать шаху за границу. Единственной

силой на пути победы революции осталась армия, поддерживающая правительство Бахтияра.

В это время Хомейни объявил официально о создании «Исламского революционного совета» (ИРС) 12 января [Базарган 1983, с. 33]. Затем он поручил ИРС и лично М. Базаргану начать переговоры с Бахтияром о передаче власти в руки духовенства и оппозиции. В результате нескольких встреч Базаргану удалось уговорить своего старейшего друга Бахтияра поехать в Париж к Хомейни и заявить ему о своей отставке и, возможно, даже получить какую-нибудь новую должность в будущем правительстве. Однако 27 января позиция Хомейни кардинально изменилась: аятолла заявил, что Бахтияр должен сначала сложить свои полномочия, после чего уже ехать в Париж на встречу с ним. Это не устраивало Бахтияра, поскольку в этом случае он предстал бы перед Хомейни как частное лицо, а не как политик – в этом смысле можно утверждать, что Бахтияр просто боялся потерять свое лицо.

Одновременно М. Базарган с рядом лиц из ИРС и ДСИ приступил к негласным переговорам с высшим командованием армии [Базарган 1983, с. 20]. Стоит отметить, что переговоры стали проходить после появления слухов о намерении Хомейни вернуться в Тегеран. Поскольку, как ранее отмечалось, ДСИ было заинтересовано в том, чтобы Хомейни оставался как можно дольше в Париже (его приезд в Иран означал был огромный удар по позициям ДСИ и других группировок), остается только предположить, что переговоры с армией были скорее всего личной инициативой М. Базаргана и ДСИ, при этом круг обсуждаемых вопросов не ограничивался задачей провозглашения нейтралитета армии. Учитывая дальнейшие попытки М. Базаргана склонить армию на свою сторону, он также старался использовать ее в своих целях. Например, узнав о намерении Хомейни вернуться в Иран, армейское командование 24 января приказало закрыть аэропорты Тегерана и вывести из строя все самолеты, чтобы те не отправились во Францию за вождем революции. Высшему командованию, которое ранее стремилось совершить переворот, которое не очень-то поддерживало правительство Бахтияра, было индифферентно, вернется ли Хомейни в Иран или нет. Невыгодно это было только оппозиции, в особенности Базаргану и ДСИ. Поэтому можно допустить, что события 24 января были инициативой не армии, а Базаргана.

Тем не менее Хомейни вернулся в Тегеран уже 1 февраля, а на следующий день вместе с Базарганом он провел переговоры с армейскими чинами во главе с генералом А. Карабаги. В то же время в ИРС Хомейни поднял вопрос о кандидатуре на пост главы Вре-

менного революционного правительства. 3 февраля большинство членов проголосовало за кандидатуру М. Базаргана, который 5 февраля был объявлен новым премьер-министром ВРП.

Далее события развивались с невероятной скоростью. 8–9 февраля 1979 г. на военно-воздушной базе Душан-Тепе в Тегеране служащие смотрели запись прибытия Хомейни в Тегеран. В результате между сторонниками и противниками имама произошел конфликт, переросший в открытое столкновение. Было вызвано подкрепление. К базе стекались военные подразделения и армейская техника. Когда же солдаты открыли огонь по базе, служащие авиабазы, «хомафары», дали совместный отпор солдатам. Проходящие мимо толпы народа, в основном молодежь, размещенная деклассированными элементами, а также сторонниками леворадикальных группировок ОМИН и ОПФИН, двинулись в сторону базы на помощь служащим авиабазы. Из-за этого армия была вынуждена отступить. После этой победы на базе толпы вооруженных людей направились в сторону города, где совершали погромы, захватывали полицейские участки, здания военных ведомств, казармы, захватывали и опустошали арсеналы с оружием. Так продолжалось два дня.

11 февраля в 8 часов утра был созван генеральский совет, состоящий из 27 генералов иранской армии. По окончании заседания было принято решение объявить нейтралитет армии в связи с последними событиями в Тегеране. Об этом генерал А. Карабаги заявил тремя часами позднее в этот же день в своем выступлении по радио [Баки 1994, с. 448].

Последняя встреча представителей ИРС с генералом А. Карабаги произошла вечером 11 февраля в апартаментах бывшего депутата сената К. Джафруди. Интересен тот факт, что на встрече имам Хомейни не присутствовал. Основной темой переговоров был вопрос отставки Ш. Бахтияра и поддержка армией Временного правительства М. Базаргана [Баки 1994, с. 459]. Бахтияр на это заседание не пришел. Судя по всему, к этому моменту он уже успел бежать. Переговоры проходили только между Базарганом и Карабаги. Первый пытался всеми силами склонить армию к поддержке революционного движения, однако Карабаги лишь указывал на то, что генералитет днем ранее принял решение о нейтралитете. Можно предположить, что М. Базарган, будучи на посту премьер-министра, старался склонить Карабаги именно на сторону ВРП, дабы у него появилась опора на военные силы, аппарат насилия в дальнейшем противостоянии с Хомейни. В результате переговоров армия окончательно подтвердила свой нейтралитет и, соответственно, капитуляцию перед революцией.

Заключение

«Движение за свободу Ирана» действительно сыграло одну из ключевых ролей в исламской революции в Иране 1978–1979 гг. ДСИ и ее лидеры помогали организовывать массовые протесты против шахской власти, проводили публичные лекции религиозного характера, с одной стороны, мобилизуя массы против шахского режима, с другой стороны, оказывая шиитскому духовенству услугу, укрепляя в головах иранцев мысль о невозможности монархической власти и необходимости исламского правления. Именно ДСИ во главе с М. Базарганом возглавило и координировало через революционный совет антишахское движение вместе с умеренным духовенством осенью 1978 г. В январе–феврале ДСИ играло роль координатора между духовенством внутри Ирана и группой Хомейни в Париже, при этом Базарган своей личной инициативой по переговорам с армией и Бахтияром ускорил победу исламской революции в феврале 1979 г.

Литература

- Агаев 1981 – *Агаев С.Л.* Иран в прошлом и настоящем (пути и формы революционного процесса). М.: Наука, 1981. 271 с.
- Алиев 2004 – *Алиев С.М.* История Ирана: XX век. М.: ИВ РАН, 2004. 648 с.
- Арабаджян 1983 – *Арабаджян А.З.* Иран: Изменения в отраслевой структуре экономики в 60–70-х годах (К проблеме ломки колониальной структуры экономики). М.: Наука, 1983. 310 с.
- Базарган 1983 – *Базарган М.* Шоура-йе энкелаб ва доулят-э моваккат [Революционный совет и временное правительство]. Тегеран: Нашр, 1983. 68 с.
- Баки 1994 – *Баки Э.* Тахрир-э тарих-э шафахи энкелаб-э эслами-йе Иран [Устная история исламской революции в Иране]. Тегеран: Тафаккор, 1994. 592 с.
- Дорошенко 1985 – *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1985. 229 с.
- Склярлов 1989а – *Склярлов Л.Е.* Возникновение антишахского движения и его эволюция // Иранская революция 1978–1979 гг.: Причины и уроки. М.: Наука, 1989. С. 98–105.
- Склярлов 1989б – *Склярлов Л.Е.* Вступление в борьбу рабочего класса и перерастание революционной ситуации в революцию // Иранская революция 1978–1979 гг.: Причины и уроки. М.: Наука, 1989. С. 105–112.
- Abrahamian 1982 – *Abrahamian E.A.* Iran between two revolutions. New Jersey: Princeton University Press, 1982. 561 p.
- Arjomand 1988 – *Arjomand S.A.* The turban for the crown. The Islamic Revolution in Iran. N.Y.: Oxford University Press, 1988. 304 p.

- Chehabi 1990 – *Chehabi H.* Iranian politics and religious modernism. The liberation movement of Iran under the shah and Khomeini. L.; N.Y.: Cornell University Press, 1990. 304 p.
- Jahanbakhsh 2001 – *Jahanbakhsh F.* Islam, democracy and religious modernism in Iran (1953–2000). From Bazargan to Soroush. Boston: Brill, 2001. 213 p.
- Keddie 2003 – *Keddie N.* Modern Iran. Roots and results of revolution. New Haven: Yale University Press, 2003. 448 p.
- Rahnema 2023 – *Rahnema A.* The political history of modern Iran. Revolution, reaction and transformation, 1905 to the present. L.: I.B. Tauris, 2023. 694 p.
- Zabih 1982 – *Zabih S.* Iran since the revolution. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1982. 256 p.

References

- Abrahamian, E. A. (1982), *Iran between two revolutions*, Princeton University Press, New Jersey, USA.
- Agayev, S.L. (1981), *Iran v proshlom i nastoyashchem (puti i formy revolyutsionnogo protsessa)* [Iran in the past and present (ways and forms of the revolutionary process)], Nauka, Moscow, USSR.
- Aliev, S.M. (2004), *Istoriya Irana: XX vek* [History of Iran. 20th century], Institut vosto-kovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Arabajyan, A.Z. (1983), *Iran: Izmeneniya v otraslevoi strukture ekonomiki v 60–70-kh godakh (K probleme lomki kolonial'noi struktury ekonomiki)* [Iran. Changes in the sectoral structure of the economy in the 60–70s (On the issue of breaking the colonial structure of the economy)], Nauka, Moscow, USSR.
- Arjomand, S.A. (1988), *The turban for the crown. The Islamic Revolution in Iran*, Oxford University Press, New York, USA.
- Baqi, E. (1994), *Tahrir-e tarikh-e shafahi-ye enqelab-e eslami-ye Iran* (Oral history of the Islamic revolution in Iran), Tafakkor, Tehran, Iran.
- Bazargan, M. (1983), *Sho'era-ye enqelab va dowlat-e mowazakat* [Revolutionary Council and Provisional Government], Nashr, Tehran, Iran.
- Chehabi, H. (1990), *Iranian politics and religious modernism. The liberation movement of Iran under the shah and Khomeini*, Cornell University Press, New York, USA.
- Doroshenko, E.A. (1985), *Shiitskoe dukhovenstvo v sovremennom Irane* [Shia clergy in modern Iran], Nauka, Moscow, USSR.
- Jahanbakhsh, F. (2001), *Islam, democracy and religious modernism in Iran (1953–2000). From Bazargan to Soroush*, Brill, London, UK, Boston, USA.
- Keddie, N. (2003), *Modern Iran. Roots and results of revolution*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Rahnema, A. (2023), *The political history of modern Iran. Revolution, reaction and transformation, 1905 to the present*, I.B. Tauris, London, UK.

- Sklyarov, L.E. (1989), "Entry into the struggle of the working class and the development of a revolutionary situation into a revolution", in *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979 gg.: Prichiny i uroki* [Iranian Revolution of 1978–1979. Causes and lessons], Nauka, Moscow, USSR, pp. 105–112.
- Sklyarov, L.E. (1989), "The emergence of the anti-Shah movement and its evolution", in *Iranskaya revolyutsiya 1978–1979 gg.: Prichiny i uroki* [Iranian Revolution of 1978–1979. Causes and lessons], Nauka, Moscow, USSR, pp. 98–105.
- Zabih, S. (1982), *Iran since the revolution*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.

Информация об авторе

Егор В. Хатунцев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ehatuntsev@gmail.com

Information about the author

Egor V. Khatuntsev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ehatuntsev@gmail.com

Голоса перемен: женское реформаторство в современном исламе

Игорь Л. Алексеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ialxuv@gmail.com*

Елена Е. Самойлова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helenaxsam@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой анализ женских взглядов в реформистском движении в исламе, стремящемся к переосмыслению традиционных интерпретаций и призывающем к адаптации ислама к современным реалиям. Реформаторское движение в исламе продолжает развиваться и по сей день, обретая и женские голоса. Многие из представительниц этого направления утверждают, что ограничения, наложенные на женщин, не имеют основания в первоисточниках и являются результатом «патриархальных» интерпретаций священных текстов. Эти идеи вызывают дискуссии и споры в мусульманских обществах, поскольку затрагивают фундаментальные вопросы идентичности, традиции и веры. В настоящей статье рассматриваются взгляды женщин–представительниц реформистского движения, как либерально настроенных, так и приверженцев консервативного толка, а также отображена динамика их идеологических воззрений. Оба направления чрезвычайно важны для реформистского движения в целом, так как демонстрируют многовекторность развития исламской мысли в этом отношении. Источниками исследования выступают ключевые работы современных деятелей-реформаторов из числа женщин, поскольку выдвигаемые ими идеи в толковании ислама не только заметно увеличились в количественном плане, но и усилились в своем ценностном значении.

Ключевые слова: мусульманское право, метафикх, женщины, феминизм, ислам, Иман аль-Бадави, реформаторство

Для цитирования: Алексеев И.Л., Самойлова Е.Е. Голоса перемен: женское реформаторство в современном исламе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 177–198. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-177-198

© Алексеев И.Л., Самойлова Е.Е., 2024

Voices of change. Women's reformism in modern Islam

Igor L. Alekseev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ialxyv@gmail.com*

Elena E. Samoilova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
helenaxsam@gmail.com*

Abstract. The article is an analysis of women's views in the reformist movement in Islam which seeks to rethink traditional interpretations and calls for the adaptation of Islam to modern realities. The reform movement in Islam continues to develop to the present day gaining women's voices. Many of representatives in the trend argue that the restrictions imposed on women have no basis in primary sources and are the result of patriarchal interpretations of sacred texts. Those ideas generate discussions and debate in Muslim societies as they raise fundamental questions of identity, tradition and faith. The article considers views of women representatives in the reformist movement, both liberal-minded and conservative, and also reflects the dynamics of their ideological attitudes. Both directions are extremely important for the reformist movement as a whole as they demonstrate the multi-vector development of Islamic thought in that regard. The sources of the study are the key works of modern female reformers since the ideas they put forward in the interpretation of Islam have not only increased noticeably in quantitative terms but also strengthened in their value significance.

Keywords: Islamic law, *metafiqh*, women, feminism, Islam, Iman al-Badawi, reformism

For citation: Alekseev, I.L. and Samoilova, E.E. (2024), "Voices of change. Women's reformism in modern Islam", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 177–198, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-177-198

Введение

Применение ярлыка «феминизм» к различным мусульманским дискурсам, касающимся женщин и гендера, не осталось бесспорным. С одной стороны, ассоциация этого термина с европейским/западным империализмом, как историческая, так и современная, вызвала подозрения в его применении к движениям среди му-

сульман. С другой – споры по поводу правильных определений этого термина применительно к исламу и мусульманам вызвали споры о законности самоидентификации определенных групп с этим ярлыком. Это связано с множественностью определений, касающихся разных способов концептуализаций феминизма, а также дискуссий вокруг терминов «исламский» или «исламистский» в этом контексте [Kynsilehto 2008, p. 9].

Термин и идеи феминизма впервые вошли в мусульманскую среду на фоне европейской колонизации Ближнего Востока в XIX в. К началу 1920-х гг. термин «феминизм» появился в Египте на французском языке (*féminisme*) и арабском языке (*nisa'iyya*), его появление совпало с британским контролем над Египтом. Ранняя форма выражения феминизма связывала культуру со статусом женщин и пропагандировала женский прогресс как отказ от местной культуры в пользу западных норм и была обозначена Лейлой Ахмед как «колониальный феминизм» [Ahmed 1992, p. 244]. Основным предметом внимания здесь стала вуаль (определенный дресс-код), рассматриваемая как признак отсталой и репрессивной арабо-мусульманской культуры. Эти идеи продолжают поддерживать современные западные феминистки. В то время как ранняя концепция феминизма более откровенно очерняет ислам, современная ее форма маскирует такое отношение, восхваляя арабских женщин за сопротивление репрессивной арабо-мусульманской культуре. В основе таких похвал лежит знакомая логика, которая сводит арабскую и исламскую культуру к «женоненавистничеству и отсталости».

Таким образом, точно так же, как на ранних стадиях так называемый колониальный феминизм оправдывал европейское присутствие в арабских странах, западный феминизм на современном этапе укрепляет «все еще колониальные» представления в глобальных структурах власти, в которых доминирует Запад. То есть распространение идеи «забитой восточной женщины» используется как своего рода прикрытие для игнорирования положения женщин на Западе, угнетаемых «другими мужчинами в других обществах» [Ahmed 1992, p. 245]. Образ угнетенных мусульманских или арабских женщин на протяжении долгого времени был преувеличен и политизирован. Как во время колонизации, так и даже после миф о «спасении» укреплялся и превращался в некую разменную единицу, что подтверждает наличие всевозможных артефактов – от открыток с изображением алжирских женщин, продаваемых французским туристам в качестве китчевых безделушек [Alloula 1986], до высмеивающих женщин в хиджабе карикатур [Gottschalk, Greenberg 2007], постановочных фотографий западных моделей

в образе «женщин гарема» в дни становления Голливуда [Graham-Brown 1988] и образов покорных арабов и мусульманок в фильмах [Esposito, Mogahed 2007]. Все это вместе с изображением арабских женщин в западных СМИ [Falah 2005, p. 307] воспроизвело вариации мифа о спасении, показав их скромными, уступчивыми и безмолвными.

Лила Абу-Лугход отметила, что война с террором в значительной степени истолковывалась как война за освобождение бедных афганских женщин [Abu-Lughod 2002, p. 784]. Угнетение афганских женщин было сведено к парандже, что подтвердило знакомую колониальную ассоциацию чадры и угнетения женщин. Подобная риторика, утверждает она, не только противоречит бывшему президенту США, который выступал против феминистских программ у себя дома, но также отвлекал внимание от финансирования США террористов и его роли в несправедливых глобальных политико-экономических силах. Эта риторика явно является детищем колониального феминизма, «белых мужчин, спасающих коричневых женщин от коричневых мужчин», как демонстрирует знаменитая фраза Гаятри Чакраворти Спивак [Spivak 1994, p. 93].

Историография исследования

Исламский феминизм стал широко обсуждаемым явлением с момента появления этого термина в 1990-х гг. и часто становился предметом дискуссий. Эти дебаты в основном являются результатом того, как они представлены в более широких дискурсах, касающихся прав женщин и ислама, а также положения женщин в мусульманских обществах. Предоставление исключительного определения термина «исламский феминизм» вызывает многочисленные опасения, учитывая множество определений, касающихся различных способов концептуализации феминизма или разных феминизмов, а также дебаты вокруг терминов «исламский» или «исламистский» в связи с феминизмом.

Саба Махмуд и Лила Абу-Лугход утверждают, что после нападения на военный штаб Соединенных Штатов Америки и самый мощный символ экономической мощи этой страны – Центр башен-близнецов в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. – произошел срочный призыв к реформированию ислама «изнутри» как часть дебатов, основанных на создании врага-мусульманина, которого необходимо уничтожить или реформировать [Mahmood 2006, Abu-Lughod 2002]. Центральным элементом этого проекта было привлечение мусульманки для спасения от патриархального ислама. Учитывая

роль феминизма в гегемонистских проектах и программах Запада в мусульманской истории, многие мусульманские защитники гендерной справедливости не хотят принимать этот ярлык. Тем не менее ценность использования этого термина при определении положения феминистской практики в глобальном движении была признана. Садия Шейх утверждает, что «принять феминизм как западную концепцию – значит... признать, что права женщин и гендерная справедливость являются собственностью Запада» [Shaikh 2003, p. 155]. Такая позиция только укрепит западные феминистские представления о «бессильной» восточной женщине, которая должна стать западной женщиной, чтобы спастись и освободиться от мировоззрения и религиозной практики, которые рассматриваются как предвзятые по отношению к женщинам.

Повторное присвоение феминизма исключительно западным образцам наиболее заметно предпринимается феминистками двух третей мира, многие из которых резко критикуют логику западного феминизма и предлагают альтернативные парадигмы для глобального его применения [Shaikh 2003, pp. 149–151]. Центральное место в этих парадигмах занимает отказ от того, что женщины представляют собой монолитную группу, что требует рассмотрения расы и опыта колониализма и неоколониализма как категорий анализа, в дополнение к гендеру [Shaikh 2003, pp. 154–155]. Многогранный подход в сочетании с постмодернистским разоблачением западного феминизма позволил обнаружить более широкий спектр культурных феминизмов, включая исламский.

Это продолжается и в последние несколько лет – мы видим реализацию и развитие идей о спасении женщин в появлении множества работ, посвященных исламскому феминизму и реакции западных обществ на любое проявление так называемого «неповиновения» женщин Ближнего Востока против патриархальных стандартов. Например, среди специалистов, базирующихся в Европе и США, до сих пор популярны исследования на тему особого женского вклада в революционные события «арабской весны». Подчеркнем – упор в таких работах делается не на активистскую или журналистскую деятельность этих женщин, а именно на притеснения по гендерному признаку. Также примером может послужить активное освещение протестов против обязательного дресс-кода в Иране в 2022 г., где образ женщины в хиджабе также использовался для акцента на угнетении, унижении достоинства, ограничении прав и т. д.

Безусловно, тема положения женщины на Ближнем Востоке совсем не нова, этому посвящены работы многих ученых, в том числе и *исследовательниц* (как использовали бы феминитивы они

сами). Пожалуй, самой известной *представительницей* авторов об исламском феминизме является Фатима Мернисси. В первой своей книге «По ту сторону завесы: динамика мужского и женского в современном мусульманском обществе» она сформировала социологическую дискуссию о женщинах в мусульманском мире, бросив вызов дихотомии между западной и традиционной мусульманской интерпретациями сексуальности [Mernissi 1975]. Ее спорные интерпретации аятов Корана принесли ей известность и запустили тренд на обсуждение прав женщин внутри мусульманских обществ.

Следующие работы Мернисси были посвящены примирению прогрессивных идей феминизма и демократии с традиционной практикой ислама. «Вуаль и мужская элита: феминистская интерпретация ислама» [Mernissi 1987] рассказывает о политической роли женщин во время зарождения ислама, говоря о женах пророка Мухаммеда. Тема участия в политике была продолжена в книге «Забывшие королевы ислама» [Mernissi 1990], в которой период рассказа о влиянии женщин был продолжен до VIII в. Правда, все выводы Мернисси сводятся к равенству в сфере наследования имущества и тому, что принято считать «семейным кодексом». Что вполне логично, если учитывать, что во всех культурах преимущество в домашних делах и вопросах семейной жизни все же всегда было у женщин.

Пожалуй, самой интересной работой этого автора является «Шехерезада идет на Запад: разные культуры, разные гаремы» [Mernissi 2001], в которой она обращает внимание именно на институт гарема и его резко отличающиеся коннотации на Западе и Востоке. Здесь опять же имеют вес образы в литературе и на телевидении, представляющие гарем в изначально неправильном свете и искажающие понимание женственности и сексуальности. Тема близка автору, выросшей непосредственно в гареме, о чем она рассказывала в автобиографии «Рожденная в гареме. Любовь, мечты... и неприкрытая правда» [Mernissi 1994].

Возвращаясь к теме интерпретаций Священного Писания, невозможно не упомянуть и более свежую работу авторства Асмы Барлас – «Верующие женщины в исламе» [Barlas 2019]. Один из главных ее аргументов заключается в том, что Бог в исламе не имеет пола, поэтому по умолчанию ислам по своей сути не является андроцентричной религией. Барлас подчеркивает, что все имена Бога в Коране изначально предполагались как гендерно-нейтральные, и утверждает, что восприятие Бога через онтологию превосходства мужчин является продуктом патриархата, существовавшего до ислама. По той же схеме она объясняет и навязываемый женщинам стыд. Темы в исламе, которые часто критикуются за то, что они

используются для подчинения только женщин, такие как «скромность», утверждает Барлас, происходят из этики, предписанной как женщинам, так и мужчинам. Бог велит и женщинам, и мужчинам одеваться скромно, Бог велит и женщинам, и мужчинам ограничивать сексуальные отношения до брака. Здесь важно отметить, что в книге Барлас старалась учитывать академический подход, будучи мусульманкой по вероисповеданию. Автор настаивает на том, чтобы рассматривать Коран целостно и как исторически сложившийся текст, отдав ему предпочтение в сравнении с иными религиозными текстами. В рецензиях книга представляется как новаторская, но для специализирующегося на исламоведении и истории арабского мира исследователя эта мысль представляется очевидной.

Самой медийной фигурой среди довольно большого количества *исследовательниц* и пропагандистов исламского феминизма, несомненно, является Амина Вадуд. Своими главными научными интересами она определяет изучение Корана и тафсира, герменевтику и гендерные исследования. В период с 1989 по 1992 г. Вадуд была доцентом Международного исламского университета Малайзии в области коранических исследований. Там же она стала соучредителем неправительственной организации «Сестры в исламе» и опубликовала свою диссертацию «Коран и женщина», ставшую основой для одноименной книги. В 1999 г. появилось расширенное издание из издательства Оксфордского университета с дополнительным подзаголовком: «Перечитывание священного текста с точки зрения женщины» [Wadud 1999]. Труд Вадуд не восприняли серьезно в арабских странах, а в ОАЭ ее даже запретили для публикации, распространения и продажи. Тем не менее малайзийские активисты разобрали цитаты из книги на лозунги, а единомышленники часто указывают ее работу в списках литературы в собственных публикациях.

В вышеупомянутой книге Вадуд подчеркивает, что опирается лишь на Коран. Критики утверждают, что если Сунна противоречит ее пониманию священного текста, то автор ее не признает. Как правило, Сунна рассматривается как препятствие для руководства женщиной смешанной молитвой¹, так как подобные прецеденты во время Мухаммада там не описаны, за исключением

¹ 18 марта 2005 г. в Нью-Йорке Вадуд возглавила пятничную молитву, что вызвало большой общественный резонанс. Мероприятие прошло в Доме Синода, принадлежащем епископальной церкви святого Иоанна Богослова, его посетили около 100 мужчин и женщин, исповедующих ислам. Три мечети отказали Вадуд в проведении молитвы, а галерея Sundaram Tagore отозвала свое предложение после многочисленных утроз.

хадиса Умм Вараки, на который ссылается Вадуд, оправдывая свои действия. Однако нет и достоверных сообщений о запрете Пророком подобной практики. Более того, критики нередко утверждают, что в так называемом «прогрессивном» понимании Корана Вадуд отвергает правовые принципы расторжения брака и разрешения многоженства, считая эти элементы ошибочными и регрессивными для понимания ислама и Корана. Она призывает отойти от этих устаревших интерпретаций, ссылаясь в своих трудах только на тафсир Аль-Кашшаф Махмуда Замахшари, никак не мотивируя свой выбор.

При внимательном изучении рукописей Вадуд складывается впечатление, что ее обращение к женской проблеме в исламе основано исключительно на личном опыте и собственном понимании сущности ислама как религии, о чем она говорит в своей статье «К коранической герменевтике социальной справедливости: раса, класс и гендер» [Wadud 1995–1996]. Вадуд провела анализ основных коранических терминов, связанных с понятием справедливости, и сделала вывод, что ключевое значение имеет термин *ظلم* (*зульм*), который в зависимости от контекста можно перевести как «притеснение», «неравенство» или «несправедливость». Вадуд утверждает, что одно из определений Бога в Коране – это отрицательное определение «Тот, кто не притесняет», т. е. любое притеснение присуще исключительно людям, а значит, должно быть устранено ими же, поскольку социальный порядок человека предназначен отражать справедливость божественного порядка. Соответственно, все человеческие практики, утверждающие несправедливость и способствующие угнетению, соответствуют безбожию, заключает Вадуд. В 2006 г. она опубликовала свою вторую монографию «Внутри гендерного джихада: женская реформа в исламе» [Wadud 2006]. В 2022 г. вышла третья книга с заголовком «Раз в жизни», которая представляет собой эссе о пяти столпах ислама с прогрессивной точки зрения [Wadud 2022]. Так говорится в аннотации, но в действительности работа – это автобиография, собранная из сведенных вместе нескольких постов Амины в социальных сетях после совершения хаджа в Мекку.

От либерализма до неотрадиционализма

В современном контексте дискуссия о роли и правах женщин в исламе становится все более актуальной и важной темой. На фоне этих дебатов возникло исламское феминистское движение как попытка по-новому интерпретировать религиозные учения и ислам-

ские традиции, чтобы они больше учитывали права женщин. Это мнение подкрепляется мыслями исламских феминистских деятелей, как Амина Вадуд, Фатима Мернисси, Асма Барлас и другие, которые предложили иную интерпретацию стихов Корана, касающихся гендерных вопросов. Они используют аяты Корана, чтобы усилить свои аргументы в пользу гендерного равенства (причем авторы используют почти одни и те же части текста), однако их варианты иногда прямо противоречат традиционному толкованию. Например, собственные интерпретации священных текстов Корана и Сунны от Амины Вадуд не снискали одобрения авторитетных ученых и богословов, вызывая неприятие и со стороны большинства верующих. Вадуд является неотъемлемой частью современной истории, однако не в качестве первой женщины-имама (поскольку до нее было множество других), но будучи женщиной, которая смогла стать наиболее громким голосом феминизма на рубеже XX–XXI вв. Ее заигрывания с историей, проявляющиеся в подмене понятий и искажении действительности прошлого (например, что женщины всегда подвергались давлению), являются почвой для дальнейшего распространения фальсификаций.

Безусловно, Вадуд, Мернисси и Барлас – яркие персоны своего времени, но рассматривать их как авторитетных исламоведов не кажется возможным даже при наличии множества сторонников по всему миру. Да, их идеи в определенной степени новаторские, но будто бы идут наперекор традиционному пониманию ислама как религии вообще. Можно отметить, что феномен Вадуд, Мернисси и Барлас заключается в том, что они (пусть и ненамного) опередили современные тенденции, акцентируя внимание на возможностях женщин, которые не могут реализоваться в полной мере. Активное распространение таких идей вне контекста религии впоследствии повлекло за собой развитие женских движений (например, #MeToo²). Кроме того, непосредственно к идеям исламских феминисток также добавились вопросы ЛГБТ***-сообщества и небинарных людей³, углубилась проблема равноправия, и отсылки к религии в данном контексте становятся только сильнее и громче.

² #MeToo (англ. – «я тоже») – хештег, распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 года, пользователи которого выражали осуждение сексуального насилия и домогательств.

*** Запрещенная в России экстремистская организация.

³ В настоящее время Амина Вадуд занимается изучением классического исламского дискурса о сексуальном разнообразии и человеческом достоинстве, идентифицировала себя как «квир» и в своих выступлениях заявляет о правах ЛГБТК+*** лиц.

Обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день роль женщины в исламской мысли становится все более явной. Идеи, продвигаемые женщинами, характерны уже не только для маргинальных направлений, но и для классических течений и их современных интерпретаций. Кроме того, женский иджитхад – реформаторское богословско-правовое суждение – используется для обоснования не только радикально обновленческих, но и вполне консервативных, хотя бы по форме, подходов к применению исламского права в современных реалиях. Одним из таких примеров являются женщины-идеологи традиционалистского толка, также выступающие с позиций религиозного реформаторства. Мы рассмотрим это явление на примере кейса Шейхи Иман аль-Бадави и ее концепции реформации ханафитского фикха, названной ей самой «метафикх».

Иман аль-Бадави – американка египетского происхождения, *саййида*, возводящая свое происхождение к пророку Мухаммаду по линии Хусайна б. Аби Талиба. Получив в частном порядке классическое исламское образование, подтвержденное письменными сертификатами (*иджаза*) ряда исламских ученых-богословов и правоведов (*'улама*), она основала образовательный фонд «Фитра» и онлайн-медресе «Саййида Нафиса» в рамадан 1443 г. хиджры (апрель–май 2022 г.)⁴. Также она описывает себя как «мать троих детей, наездница, астроном-любитель, обладательница оранжевого пояса по будзюцу, обучающаяся сокольничему делу»⁵.

Медресе «Саййида Нафиса» специализируется на обучении женщин различным вопросам фикха, преимущественно в области семейного права. Шейха Иман получила широкую известность в исламском сегменте интернета в 2023 г. в связи с публикацией фетвы о расторжении помолвки. Данная фетва вызвала резкую критику со стороны многих мусульманских ученых и публицистов и впоследствии была удалена с сайта организации. По утверждению самой Шейхи Иман, фетва была вынесена на основании разработанной ею новейшей методологии – «метафикх» (*аль-фикх ат-таклиди аль-истимдади* – букв. «непрерывное традиционное знание»).

⁴ Our Founder // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/our-founder/> (дата обращения 10.05.2024).

⁵ Ibid.

*Изложение фетвы по Deterring dishonor.
A “Metafiqh” approach to reinstating legal
and social constraints on the harm of women⁶*

Случай, рассмотренный в данном документе, сводится к следующему: некий мужчина-мусульманин, внешне казавшийся достойным доверия, встретил на исламском мероприятии некую женщину и предложил ей вступить в брак. Женщина, верующая и практикующая мусульманка, ранее не была знакома с этим мужчиной и не общалась с ним.

Потенциальная невеста направила его к своему представителю (*вали*), с которым были подробно обсуждены и заключены все официальные предбрачные договоренности. В частности, было оговорено, что брак будет заключен через месяц. До этого жених и невеста переписывались в течение месяца и впервые после помолвки разговаривали по телефону по просьбе жениха. Невесте казалось, что жених испытывает к ней реальные чувства, и довольно быстро они сблизились. Пара встречалась в общественных местах и подтверждала друг другу намерение продолжать отношения с обеих сторон. Затем они внезапно поссорились, поведение жениха резко изменилось, он стал проявлять иррациональную агрессию, отказывался принимать точку зрения невесты и стал настаивать на том, что хочет прекратить отношения. Невеста была шокирована и напугана таким развитием событий. Затем жених заблокировал невесту во всех мессенджерах. Девушка, будучи в полном замешательстве, начала обращаться к друзьям за помощью и советами. Те в свою очередь немедленно определили поведение жениха как нарциссизм.

Муфтий, к которому обратилась невеста, ответил ей, что помолвка не является юридически обязательной, и поэтому ничего нельзя сделать. Невеста была настолько шокирована тем фактом, что подобное поведение может иметь место среди практикующих мусульман, что впервые в своей жизни усомнилась в своей религиозной вере. Невеста проконсультировалась по этому делу с психиатром-мусульманином и обратилась за шариатским разъяснением к Шейхе Иман⁷.

Вынесенное Шейхой решение стало, по ее словам, результатом комплексного анализа проблемы с позиции теории «метафикха».

⁶ Deterring dishonor. The Hamlet verdict // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/3d-flip-book/hamlet-verdict/> (дата обращения 10.05.2024).

⁷ Ibid. P. 5.

Независимо от оценки этого конкретного правового решения сама теория представляет интерес как феномен современной исламской мысли. Разбирая поставленный вопрос, Шейха исходит из ряда аксиоматических положений:

во-первых, не только мусульмане, но все верующие всех конфессий считают Бога источником абсолютного блага. Мусульмане, как правило, ожидают, что соблюдение священного закона приведет к их благополучию в земной жизни и после смерти. В тех случаях, когда кто-то страдает, верующий разумно полагает, что закон обеспечит правосудие и оправдание пострадавшего. Это здоровое ожидание верующего иллюстрирует критически важную связь между религиозным опытом и священным законом;

во-вторых, религия призвана обогатить нашу жизнь, оказывая положительное практическое воздействие на наше земное существование. Вера функциональна, а не только духовна. Как и в человеческих отношениях, неудовлетворенные ожидания приводят к потере доверия. Священный закон (шариат) для веры есть то же, что здоровые, последовательные и стабильные отношения для брака. Мистицизм (*тасаввуф*) для веры верующего есть то же, что любовные, романтические и интимные отношения для брака. Человек есть единство тела и души⁸.

Таким образом, уже на этом этапе мы видим, что эпистемологическим основанием правового подхода Шейхи Иман аль-Бадави является своеобразный синтез исламского права, этики, мистицизма и, как мы увидим далее, современной психологии. Психологический аргумент является важной составляющей позиции истицы (фрустрация, полученная в результате расторжения помолвки), но он же становится и ключевым элементом для обоснования шариатского решения Шейхи. Необходимость учета психологической составляющей проблемы и является в логике Иман аль-Бадави тем звеном, которое связывает сугубо правовой вопрос брачного договора со сложным комплексом морально-этических ценностей, входящих в целостную концепцию религии (*дин*), исходя из которой и должно быть принято конкретное правовое решение и дана юридическая квалификация конкретному деянию. Апелляция к мнению «психиатра-мусульманина» в этом контексте является новым словом в исламской правовой мысли.

Рассматривая поставленную перед ней проблему, Шейха Иман оперирует также категорией *фаса'ид аз-заман* (букв. «разрушение нравов в данную эпоху»), оставляя это арабское выражение без перевода как шариатский термин. Нынешнее «развратное время»,

⁸ Ibid. P. 6.

характеризующееся, по мнению многих богословов-правоведов (*фукаха*'), массовым упадком религиозности, знания и этики, противопоставляется традиционному обществу, где, по мнению Шейхи, социальная ткань исламского общества в виде его моральных практик поддерживалась общинными институтами. В таком традиционном обществе, как предполагается, не только не поощрялись разводы, но и нельзя было внезапно расторгнуть помолвку без потери репутации одной из сторон. Современная же ситуация прямо противоположна этой традиционной модели⁹.

Женитьба, по мнению Шейхи, регулируется законом естественного природного состояния человека (*фитра*) в большей степени, нежели чем даже шариатом. Шариат лишь обеспечивает соблюдение прав и выполнение обязанностей брачующихся сторон. Злоупотребление правами, предоставляемыми шариатом, может привести и приводит верующих к духовному кризису и должно быть остановлено.

В целом подобная экспликация вполне соответствует концепции «целей шариата» (*макасид аш-шари'a*), разработанной маликитским факихом XIV в. Абу Исхаком аш-Шатиби и широко востребованной современной исламской реформаторской мыслью [Auda 2008, Гасымов 2018]. Однако Шейха Иман позиционирует себя как представительница ханафитского мазхаба, в котором эта концепция не используется. Для ханафитов *маслаха* (общественный интерес) не является самостоятельной основой для вынесения решений, а устанавливается на основе уже вынесенных в рамках мазхаба решений¹⁰. Таким образом, можно считать, что термин «метафикх» изобретен Иман аль-Бадави как своего рода аналог концепции *макасид* в ханафитском контексте. Это подтверждается и тем, как Шейха Иман объясняет необходимость психологического аргумента в своем рассуждении:

Нарциссизм и другие формы психологического расстройства стали обычным явлением, что привело к разрушительному вреду для родительских и супружеских отношений. Эта реальность настолько разрушительна, что больше нельзя выносить юридические постановления без учета этого фактора. Священный закон, при правильном применении в целостном контексте шариата, на самом деле предназначен для сохранения психического, эмоционального

⁹ Ibid. P. 7.

¹⁰ What is Metafiqh? // Instagram (Instagram принадлежит компании Meta, признана экстремистской организацией в РФ). URL: https://www.instagram.com/p/CpCE2Y5gkFO/?img_index=9 (дата обращения 11.05.2024).

и духовного здоровья всех людей. Когда результатом ментального расстройства ставится злоупотребление нормами религии, становится необходимым лишить такой возможности тех, кто будет использовать это как орудие собственного эгоизма, и вернуть религию в руки тех, кто будет использовать ее как инструмент справедливости и милосердия. Священный закон может и будет защищать себя от злоупотреблений¹¹.

В теории *макасид*, как известно, к основным целям шариата относятся защита жизни, имущества, здоровья, чести и религии мусульманина, и именно исходя из этих целей должно выноситься то или иное шариатское решение [Auda 2008].

Отдельно в своем обосновании Шейха Иман подчеркивает необходимость женской юриспруденции в современном исламском праве. Именно для подготовки женщин-факихов ею была учреждена «семинария» (медресе) «Саййида Нафиса», куда принимаются только женщины и учебные программы которой фокусируются преимущественно на семейном праве¹².

Этот женский взгляд на шариат базируется на принципах «метафикха», который Шейха Иман определяет как «правовая методология, которую мы разработали для применения исламской юридической традиции на современные контексты». Метафикх представляет собой целостное понимание священного закона, лежащего в основе шариата, но не идентичного последнему. Понимание этого по сути эзотерического аспекта исламского права передается в рамках многовековой традиции, неразрывно связанной со священным этосом, дополняющим формальные аспекты шариата¹³.

Конкретное решение, вынесенное Иман аль-Бадави по поводу внезапно расторгнутой помолвки, оказалось весьма нетривиальным. Мужчина, расторгший помолвку в состоянии крайнего эмоционального возбуждения и без объяснения причин, приговаривался к штрафу (*та'зир*) в объеме не менее половины минимального предбрачного дара (*махр мукаддам*), что для США составляет 1000 долларов. Эта сумма есть не что иное, как размер махра, выплачиваемый в случае развода до установления полового контакта. При этом оговаривалось, что если уже был установлен больший объем махра, то штраф исчисляется от этого объема. Более

¹¹ Deterring dishonor. The Hamlet verdict (VIII, p. 7) // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/3d-flip-book/hamlet-verdict/> (дата обращения 10.05.2024).

¹² Ibid. P. 8.

¹³ Ibid.

того, такому психологически нестабильному и опасному жениху должно быть запрещено вступать в брак не менее чем в течение года после такого инцидента. В случае, если установлено ментальное расстройство жениха, запрет на последующий брак устанавливается до заключения психиатра-мусульманина о способности данного мужчины к ответственным брачным отношениям¹⁴. Такое решение обосновывалось двумя линиями аргументации – социально-психологической и исламской правовой.

Первая линия аргументации состояла в том, что жених, страдающий нарциссическим расстройством личности (установленным, как можно предположить, заочно, на основании консультации невесты с «психиатром-мусульманином»), причинил невесте тяжелую психологическую травму, чем нанес урон ее психическому здоровью, а также подверг угрозе ее честь и репутацию, злонамеренно воспользовавшись возможностью законно встречаться с ней на правах официального жениха, но отказавшись от дальнейшей женитьбы. Кроме того, Шейха Иман вводит понятие «духовной травмы» (*spiritual trauma*), которая, по ее утверждению, также была нанесена невесте и выразилась в том, что у нее возникли сомнения относительно справедливости Божественного закона, что поколебало ее веру во Всевышнего. Таким образом устанавливается (довольно сомнительно. – *Авт.*) факт умышленного нанесения вреда одной из сторон¹⁵.

Вторая линия аргументации использует фундаментальный для ханафитского мазхаба метод правового силлогизма (*кийас*), часто называемый суждением по аналогии. Подобно тому как второй праведный халиф Умар б. аль-Хаттаб приравнял трехкратное произнесение формулы развода (*талак*) к однократному разводу¹⁶,

¹⁴ Ibid. P. 19.

¹⁵ Ibid. P. 12.

¹⁶ Как известно, согласно шариату, развод по инициативе мужа может быть объявлен до трех раз. При каждой из этих попыток развода супружеские отношения прекращаются, а за женой сохраняется имущество, полученное ею от мужа (*махр*), муж обязан содержать ее до окончания срока воздержания (*‘идда*), после чего она снова может выйти замуж. Если в течение этого времени супруги возобновят отношения, развод становится недействительным. Но если *‘идда* миновала, брак может быть заключен снова только обычным порядком. Если формула развода произнесена трижды, брак может быть возобновлен только после еще одного замужества бывшей жены, когда она получит развод или останется вдовой (*Боголюбов А.С. Талак // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 222–223*).

Иман аль-Бадави приравнивает расторжение помолвки без объяснения причин к разводу до половой близости и устанавливает за это аналогичное наказание¹⁷. Такое решение вызвало бурную (и вполне обоснованную) критику в различных исламских социальных сетях. Основной аргумент критиков состоял в том, что, согласно шариату, никто не может быть принужден к вступлению в брак, и, таким образом, решение Шейхи Иман нарушает неотъемлемое право мужчины не жениться на данной конкретной женщине.

Наиболее конкретно эта критика была суммирована в посте пользователем Twitter (X) под ником Usuli от 19.08.2023 г.:

- 1) вся идея «метафикха» и эта первая фетва с позиций «метафикха» абсурдна. То, что называется «метафикх», в основном то же самое, что и *усул аль-фикх/кава'ид фикхийа/усул аль-фатва/макасид аш-шари'а*, т. е. обычные условия для издания фетвы;
- 2) фетва целиком касается неудачного ухаживания, когда мужчина разрывает помолвку со своей невестой без веской причины (по словам невесты). Согласно первоначальной жалобе, не было никакого прелюбодеяния (*зина*), мужчина не использовал женщину сексуально.

Несмотря на это, фетва рассматривает разрыв помолвки как нарушение чести и духовного/психологического здоровья женщины (потому что, по-видимому, мы больше не можем научить наших девочек быть духовно и психологически устойчивыми) и использует некорректные аналогии с фикхом развода.

Вывод. Эта процедура фикха произведена на очень базовом уровне и в целом некорректна. Фетва применяет постановления, для которых требуются особые условия (например, заключение брачного контракта – *никах*), к вопросу, в котором ни одно из этих условий не присутствует. Действия, от которых невеста, по ее словам, пострадала от подсудимого и которые она считает насильственными, имеют настолько общий характер, что их можно применить ко МНОГИМ социальным ситуациям, например к разрыву дружеских отношений¹⁸.

Такого рода критика, усиленная обесцениванием личности Шейхи (между прочим, объявившей о разводе с собственным

¹⁷ Deterring dishonor. The Hamlet verdict (VIII, p. 7) // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/3d-flip-book/hamlet-verdict/> (дата обращения 10.05.2024). P. 13–14.

¹⁸ The Usuli // X. URL: <https://x.com/TheUsuli/status/1692956075979342137> (дата обращения 12.05.2024).

мужем из-за того, что у нее «характер сподвижников Пророка»¹⁹⁾ и концепции метафикха в целом, совершенно игнорировала общетеоретические положения данной концепции. Между тем сама концепция представляет определенный интерес с точки зрения развития современной исламской правовой мысли и, вероятно, имеет значительный потенциал развития. Одна неудачная попытка при любых возможных недостатках личности и квалификации автора не может дискредитировать подход в целом.

Основные черты концепции метафикха Иман аль-Бадави

Как мы уже отмечали выше, идея метафикха основывается на необходимости целостного понимания исламского священного закона (шариата) с учетом как внешних, формальных, так и внутренних аспектов религии (*дин*).

В работе “The real Metafiqh 1.1”²⁰⁾, написанной в ответ на критику “The Hamlet verdict” в соцсетях, Шейха Иман пытается выстроить логику обратного восхождения от конкретной фетвы к общим основаниям своей теории. Оказывается, эта фетва была не чем иным, как провокацией, направленной на то, чтобы выявить недостойный характер оппонентов²¹⁾. Уже в одной из первых глав работы автор обсуждает вопрос о положении женщин с точки зрения шариата. Шейха отмечает недостаток внимания и уважения по отношению к женщинам в современной мусульманской среде, недостаток исламского образования у женщин. Одной из важнейших целей своей деятельности Иман аль-Бадави считает изменения положения современных мусульманок и отношения к их статусу и правам. Далее Шейха проводит различия между «ядром исламской цивилизации» и ее периферией, в особенности мусульманскими диаспорами на Западе²²⁾. Западные мусульмане в значительной степени утратили целостное понимание ислама в единстве его формы, духа и практики. Метафикх, по сути, и является попыткой реконструкции этой целостности и с этой точки зрения одновременно представляет собой новацию и обновленную традицию одновременно.

¹⁹⁾ Shaykha Iman Badawi. الحسنية [Аль-Хусейния] // X.URL: <https://x.com/imanmbadawi/status/1678257363696988165> (дата обращения 12.05.2024).

²⁰⁾ The real Metafiqh. Introduction 1.1 // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/metafiqh/> (дата обращения 11.05.2024).

²¹⁾ Ibid. P. 5.

²²⁾ Ibid. P. 6.

Метафикх – уникальный традиционный подход, работающий одновременно на нескольких уровнях. Это не только определение правил, но и многомерная оценка проблем, с которыми сталкиваются мусульмане на Западе. Метафикх – больше, чем фикх. Это рассмотрение священного закона в максимально широкой перспективе, как это делали имамы-муджтахиды. При этом Шейха Иман не разделяет модернистского подхода, доминирующего в современном исламском реформаторстве и ориентированного на преодоление границ между мазхабами. Позиционируя себя последовательницей ханафитской школы исламского права, она выступает апологетом таклида. Иджтихад – самостоятельное суждение исламского правоведа, невозможен без таклида Пророку. Обычный мусульманин, не достигший степени иджтихада (*мукаллид*), обязан следовать имамам мазхабов. Однако исламская правовая традиция не есть окаменевший мертвый таклид, а постоянное плодотворное возобновление (*тадждид*) традиции на новом уровне понимания проблем. Целью метафикха является достичь правильного понимания всеохватности шариата, квалификации факиха, дающей возможность внутреннего видения, формирование «мышления муджтахида» в рамках мазхаба²³.

При этом, поскольку метафикх адресован современным мусульманам, он также должен учитывать контекст эпохи и общества данного времени, в том числе прибегая к данным различных «светских» научных дисциплин: социологии, политологии, психологии. Рассматривая современное общество и науку сквозь призму исламской традиции, метафикх формирует шариатскую юридическую социологию, психологию и этику, таким образом реконтекстуализируя нормы исламского права в этих условиях²⁴. Для подобной реконструкции особое значение приобретает суфизм, в первую очередь идеи великого суфия, правоведа и философа Абу Хамида аль-Газали (1058–1111 гг.), осуществившего в свое время уникальный теолого-философский синтез, ставший на многие века основой суннитского правового верия [Петрушевский 1966; Аль-Джанаби 2018]. К сожалению, подробно судить о суфийской составляющей в концепции метафикха пока не представляется возможным из-за отсутствия письменных работ Иман аль-Бадави на эту тему. Однако газалианские мотивы активно разрабатываются ею в курсах по коранической экзегетике²⁵.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 7.

²⁵ Breaking the Barriers (a partial commentary on Imām al-Ghazālī's "Book of Qur'ānic Adab" from Ihya' 'Ulūm ad-Dīn) // Fitra Foundation. URL: <https://fitrafoundation.org/wp-content/uploads/2022/12/ghazali-transcript.pdf> (дата обращения 11.05.2024).

Заключение

Итак, на сегодняшний день мы наблюдаем такую ситуацию, когда выдвигаемые женщинами идеи в толковании ислама не только заметно увеличились в количественном плане, но и усилились в своем ценностном значении. Важен и тот факт, что женщины получают все больше возможностей для трансляции собственных идей и имеют равные с мужчинами права для развития и признания в области религии, что подчеркивают современные феминистические нарративы. В данной статье была предпринята попытка проследить общую динамику идеологических воззрений на религию со стороны женщин. Интересно, что если ранее наиболее актуальным вопросом для рассмотрения «женским взглядом» являлась роль восточной девушки в сравнении с западной, то в последнее время мы наблюдаем активное распространение неотрадиционализма среди общественных *деятельниц*. Яркий пример в этом контексте – взгляды Шейхи Иман аль-Бадави, т. е. женские голоса, ранее представленные преимущественно в либеральном поле, все громче звучат и в консервативной среде, что мы и постарались проанализировать в этой статье. Оба направления являются важными в современном исламе, а новые решения и концепции, как «метафикх» аль-Бадави и другие, вносят важный вклад в развитие исламской мысли.

Литература

- Аль-Джаноби 2018 – *Аль-Джаноби М.М.* Суфийский теолого-философский синтез Аль-Газали. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 432 с.
- Гасымов 2018 – *Гасымов К.* Иджтихад в свете целей шариата: Этико-правовая теория Джассера Ауды // *Islamology*. 2018. № 2. С. 9–28.
- Петрушевский 1966 – *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 398 с.
- Abu-Lughod 2002 – *Abu-Lughod L.* Do Muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others // *American anthropologist*. 2002. Vol. 104. No. 3. P. 783–790.
- Ahmed 1992 – *Ahmed L.* Women and gender in Islam. Historical roots of a modern debate. New Haven, CT: Yale University Press, 1992. 312 p.
- Alloula 1986 – *Alloula M.* The colonial harem. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 160 p.
- Auda 2008 – *Auda J.* Maqasid al-Shariah as philosophy of Islamic law. A system approach. L.; Washington: International Institute of Islamic Thought (IIIT), 2008. 376 p.

- Barlas 2019 – *Barlas A.* Believing women in Islam. Unreading patriarchal interpretations of the Qur'an. Revised edition. Austin: University of Texas Press, 2019. 333 p.
- Esposito, Mogahed 2007 – *Esposito J. L., Mogahed D.* Who speaks for Islam? What a billion Muslims really think. N.Y.: Gallup Press, 2007. 204 p.
- Falah 2005 – *Falah G.-W.* The visual representation of Muslim/Arab women in daily newspapers in The United States // *Geographies of Muslim women. Gender, religion, and space* / ed. by G.-W. Falah, C. Rose Nagel. N.Y.: Guilford Press, 2005. P. 300–320.
- Gottschalk, Greenberg 2007 – *Gottschalk P., Greenberg G.* Islamophobia. Making Muslims the enemy. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers 2007. 192 p.
- Graham-Brown 1988 – *Graham-Brown S.* Images of women. The portrayal of women in photography of the Middle East, 1860–1950. N.Y.: Columbia University Press, 1988. 288 p.
- Kynsilehto 2008 – Islamic feminism. Current perspectives / Ed. by A. Kynsilehto. Tampere: University of Tampere, 2008. 119 p.
- Mahmood 2006 – *Mahmood S.* Secularism, hermeneutics, and empire. The politics of Islamic reformation // *Public culture*. Vol. 18. No. 2. P. 323–347.
- Mernissi 1975 – *Mernissi F.* Beyond the veil. Male and female dynamics in a modern Muslim society. Rochester: Schenkman, 1975. 200 p.
- Mernissi 1987 – *Mernissi F.* Le harem politique: le prophete et les femmes. P.: Albin Michel, 1987. 240 p.
- Mernissi 1990 – *Mernissi F.* Sultanes oubliées: femmes chefs d'état en Islam. Casablanca: Le Fennec, 1990. 290 p.
- Mernissi 1994 – *Mernissi F.* Dreams of trespass. Tales of a harem girlhood. Boston: Addison Wesley, 1994. 287 p.
- Mernissi 2001 – *Mernissi F.* Scheherazade goes West: Different Cultures, Different Harems. Casablanca: Le Fennec, 2001. 240 p.
- Shaikh 2003 – *Shaikh S.* Transforming feminisms. Islam, women and gender justice // *Progressive Muslims. On justice, gender and pluralism* / Ed. by O. Safi. Oxford: Oneworld Publications, 2003. P. 147–162.
- Spivak 1994 – *Spivak G.Ch.* Can the subaltern speak? // *Colonial discourse and post-colonial theory* / Ed. by P. Williams, L. Chrisman. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1994. P. 66–111.
- Wadud 1995–1996 – *Wadud A.* Towards Qur'anic hermeneutics of social justice. Race, class and gender // *Journal of law and religion*. Vol. 12. No. 1. P. 37–50.
- Wadud 1999 – *Wadud A.* Qur'an and woman. Rereading the Sacred Text from a woman's perspective. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 118 p.
- Wadud 2006 – *Wadud A.* Inside the gender jihad. Women's reform in Islam. L.: One-world Publications, 2006. 325 p.
- Wadud 2022 – *Wadud A.* Once in a lifetime. Oldham: Kantara Press, 2022. 182 p.

References

- Abu-Lughod, L. (2002) "Do Muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others", *American anthropologist*, vol. 104, no. 3, pp. 783–790.
- Ahmed, L. (1992), *Women and gender in Islam. Historical roots of a modern debate*, Yale University Press, New Haven, CT, USA.
- Al-Janabi, M. M. (2018), *Sufiiskii teologo-filosofskii sintez Al-Ghazali* [Sufi theological and philosophical synthesis of Al-Ghazali], Rossiiskii universitet druzhby narodov, Moscow, Russia.
- Alloula, M. (1986), *The colonial harem*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Auda, J. (2008). Maqasid al-Shariah as philosophy of Islamic law. A system approach proach, International Institute of Islamic Thought (IIIT), London, UK, Washington, USA.
- Barlas, A. (2019), *Believing women in Islam. Unreading patriarchal interpretations of the Qur'an. Revised edition*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Esposito, J.L. and Mogahed, D. (2007), *Who speaks for Islam? What a billion Muslims really think*, Gallup Press, New York, USA.
- Falah, G.-W. (2005), "The visual representation of Muslim/Arab women in daily newspapers in The United States", in Fallah, G.-W. and Rose Nagel, C., eds., *Geographies of Muslim women. Gender, religion, and space*, Guilford Press, New York, USA, pp. 300–320.
- Gasymov, K. (2018), "Ijtihad in light of the purposes of Sharia. Ethico-legal theory of Jasser Auda", *Islamology*, no. 2, pp. 9–28.
- Gottschalk, P. and Greenberg, G. (2007), *Islamophobia. Making Muslims the enemy*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, USA.
- Graham-Brown, S. (1988), *Images of women. The portrayal of women in photography of the Middle East, 1860–1950*, Columbia University Press, New York, USA.
- Kynsilehto, A., ed. (2008), *Islamic feminism. Current perspectives*, University of Tampere, Tampere, Finland.
- Mahmood, S. (2006), "Secularism, hermeneutics, and empire. The politics of Islamic reformation", *Public culture*, vol. 18, no. 2, pp. 323–347.
- Mernissi, F. (1975), *Beyond the veil. Male and female dynamics in a modern Muslim society*, Schenkman, Rochester, USA.
- Mernissi, F. (1987), *Le harem politique: le prophete et les femmes*, Albin Michel, Paris, France.
- Mernissi, F. (1990), *Sultanes oubliées: femmes chefs d'état en Islam*, Le Fennec, Casablanca, Morocco.
- Mernissi, F. (1994), *Dreams of trespass. Tales of a harem girlhood*, Addison Wesley Boston, USA.
- Mernissi, F. (2001), *Scheherazade goes West: Different Cultures, Different Harems*, Le Fennec, Casablanca, Morocco.

- Petrushevskii, I.P. (1966), *Islam v Irane v VII–XV vv.* [Islam in Iran in 7th – 15th centuries], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR.
- Shaikh, S. (2003), "Transforming feminisms. Islam, women and gender justice", in Safi, O., ed., *Progressive Muslims. On justice, gender and pluralism*, Oneworld Publications, Oxford, UK, pp. 147–162.
- Spivak, G.Ch. (1994), "Can the subaltern speak?", in Williams, P. and Chrisman, L., eds., *Colonial discourse and postcolonial theory*, Harvester Wheatsheaf, Hemel Hempstead, UK, pp. 66–111.
- Wadud, A. (1995–1996), "Towards Qur'anic hermeneutics of social justice. Race, class and gender", *Journal of law and religion*, vol. 12, no. 1, pp. 37–50.
- Wadud, A. (1999), *Qur'an and woman. Rereading the Sacred Text from a woman's perspective*, Oxford University Press, New York, USA.
- Wadud, A. (2006), *Inside the gender jihad. Women's reform in Islam*, Oneworld Publications, London, UK.
- Wadud, A. (2022), *Once in a lifetime*, Kantara Press, Oldham, UK.

Информация об авторах

Игорь Л. Алексеев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ialxyv@gmail.com

Елена. Е. Самойлова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; helenaxsam@gmail.com

Information about the authors

Igor L. Alekseev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ialxyv@gmail.com

Elena E. Samoilova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; helenaxsam@gmail.com

Борьба с исламо-экстремистскими
вооруженными группировками в 1990-е гг.:
сравнительный анализ
алжирского и египетского кейсов

Сергей Ю. Серёгичев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sers80@mail.ru*

Аннотация. Борьба с терроризмом в арабском мире ведется уже много десятилетий. На передовой этой борьбы находятся Алжир и Египет. Их вооруженные силы, полиция и спецслужбы накопили огромный опыт контртеррористических операций. Но цена, которую алжирцы и египтяне заплатили за этот опыт, велика. В 1990-е гг. Алжир и Египет пережили «черное десятилетие». Радикальные исламистские движения в Алжире и Египте бросили открытый вызов государству, начав гражданскую войну (в Алжире) и развязав массовый террор в отношении сотрудников правоохранительных органов и туристов (в Египте). От рук исламистов пал глава Алжира Мухаммед Будиаф, едва не погиб в результате покушения египетский президент Хусни Мубарак, жертвами нападений со стороны исламских экстремистов стали десятки тысяч людей. Кровавая битва с исламо-экстремистскими вооруженными группировками в Алжире и Египте сформировала в итоге современную систему антитеррористической безопасности в этих странах. В настоящей статье речь пойдет о причинах острейших кризисов в сфере внутренней безопасности Алжира и Египта в конце XX в., характеристике действий вооруженных радикальных исламистских групп и сравнительном анализе политик безопасности алжирского и египетского правительств.

Ключевые слова: «черное десятилетие», Исламский фронт спасения, Вооруженные исламские группы, Исламская армия спасения, Мухаммед Будиаф, Хусни Мубарак, теракт в Луксоре 1997 г.

Для цитирования: Серёгичев С.Ю. Борьба с исламо-экстремистскими вооруженными группировками в 1990-е гг.: сравнительный анализ алжирского и египетского кейсов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 199–212. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-199-212

The fight against Islamic extremist armed groups
in the 1990s.
Comparative analysis of Algerian and Egyptian cases

Sergei Yu. Seregichev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sers80@mail.ru*

Abstract. The fight against terrorism in the Arab world has been going on for many decades. Algeria and Egypt are at the forefront of that struggle. Their armed forces, police and intelligence agencies have accumulated vast experience in counter-terrorism operations. But the price that Algerians and Egyptians paid for that experience is high. In the 1990s, Algeria and Egypt lived through a “black decade”. Radical Islamist movements in Algeria and Egypt openly challenged the state, starting a civil war (in Algeria) and unleashing mass terror against law enforcement officers and tourists (in Egypt). The head of Algeria, Mohamed Boudiaf, fell at the hands of Islamists, Egyptian President Hosni Mubarak almost died in an assassination attempt, and tens of thousands of people became victims of attacks by Islamic extremists. The bloody battle with Islamic extremist armed groups in Algeria and Egypt ultimately formed the modern anti-terrorist security system in those countries. The present article will discuss causes of the most acute crises in the sphere of internal security in Algeria and Egypt at the end of the twentieth century, the characteristics of the actions of armed radical Islamist groups and a comparative analysis of the security policies of the Algerian and Egyptian governments.

Keywords: black decade, Islamic Salvation Front, Armed Islamic Groups, Islamic Salvation Army, Mohamed Boudiaf, Hosni Mubarak, Luxor terrorist attack 1997

For citation: Seregichev, S.Yu. (2024), “The fight against Islamic extremist armed groups in the 1990s. Comparative analysis of Algerian and Egyptian cases”, *RGGU Bulletin. “Political Science. History. International relations” Series*, no. 5, pp. 199–212, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-199-212

Введение

Арабский мир в 1990-е гг. столкнулся со множеством серьезных вызовов, одним из которых была мощная волна вооруженного насилия в отношении государственных, общественных институтов, отдельных групп населения со стороны исламских экстремистов. В наибольшей мере от действий милитаризированных исламо-экстремистских группировок пострадали Алжир и Египет. В Алжире

фактически развернулась полномасштабная гражданская война между властями и исламскими экстремистами, Египет же накрыло самым настоящим террористическим «цунами»¹. В ходе борьбы с вооруженными исламо-экстремистскими формированиями алжирским и египетским властям пришлось пойти на целый комплекс чрезвычайных мер военно-административного и политико-юридического характера, частично выходящих за рамки правовых систем этих стран.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ этих мер и тех результатов, к которым они привели. Задачи же можно определить следующим образом: изучение причин резкого ухудшения ситуации в области внутренней безопасности в Алжире и Египте в 1990-е гг., условий формирования и роста активности исламо-экстремистских вооруженных групп и движений, особенностей их стратегии и тактики, анализ эффективности ответных мер со стороны правительств Алжира и Египта.

Основным дискуссионным вопросом в историографии является вопрос оправданности крайне жестких военно-полицейских методов алжирских и египетских властей по борьбе с исламской герильей 1990-х гг. Часть исследователей, признавая их тяжелый кровавый характер, полагает, что они были полностью адекватны сложившимся кризисным условиям того времени [Бабкин 2000]. Другие склонны полагать, что политики в «погонах» сами виноваты в эскалации насилия [Карпачева 2013].

«Черное десятилетие» в Алжире

В конце 1980-х гг. алжирское государство переживало острейший социально-политический кризис, вызванный падением мировых цен на нефть, инфляцией и снижением уровня жизни рядовых алжирцев, переориентацией страны с социалистического пути развития на рыночную модель (во многом это было связано с распадом СССР и социалистического лагеря в Восточной Европе, в результате чего была прекращена поддержка Алжира), отказом политического руководства страны от концепции социалистической ориентации и усилением в создавшемся идеологическом вакууме исламистской идеологии как «альтернативы» западному либерализму, усталостью населения от коррупции и nepотизма,

¹ За период с 1990 по 1997 г., по одним данным, жертвами войны между исламскими радикалами и властями в Египте стали 1300 человек, по другим – 1500 человек [Gerges 2000, p. 592; Nachman 1998, p. 8].

поразивших партийно-государственную машину, особенно ее верхи [Долгов 2004, с. 24–27, 33–34; Ланда 1999, с. 258]. В обществе возник колоссальный запрос на перемены в виде новых политических сил и движений, способных предложить отличную от многолетней правящей партии – Фронта национального освобождения (ФНО) – повестку дня.

Этот запрос в полной мере был удовлетворен после кровопролитного подавления массовых беспорядков 4–5 октября 1988 г., явившихся в некотором роде мини-гражданской войной, когда против крушивших все на своем пути толп демонстрантов властями были брошены танки. События октября 1988 г. стали отправной точкой алжирской «политической весны» 1988–1991 гг. В ходе нее в феврале 1989 г. была утверждена новая конституция страны, которая в числе прочего гарантировала право на образование политических партий [Ланда 1999, с. 203–207]. Одной из таких партий стал Исламский фронт спасения (ИФС), который благодаря своему харизматичному руководству и призывам к строительству подлинного исламского государства обрел на рубеже 1980–1990-х гг. невероятную популярность среди значительной части населения Алжира.

В ходе муниципальных и 1-го тура парламентских выборов (1990–1991) ИФС получил большинство голосов избирателей. В ответ на это командование алжирской армии, стремясь не допустить легитимного прихода к власти в стране исламистов, решило вмешаться в избирательный процесс. Под давлением военных 11 января 1992 г. президент Шадли Бенджедид распустил Национальную народную ассамблею (парламент), а сам ушел в отставку. На следующий день Высший совет безопасности (ВСБ) объявил о «временной» приостановке выборов, вводе армейских подразделений в столицу и формировании Высшего государственного совета (ВГС), который сосредоточил в своих руках всю власть в стране, его председателем стал Мухаммед Будиаф [Долгов 2004, с. 111].

В ответ на это ИФС попытался при поддержке ФНО и ФСС (Фронт социалистических сил) возобновить легитимный политический процесс в стране. Но уже 18 января 1992 г. стала очевидна тщетность этих усилий: неустановленные лица напали на армейскую казарму в городе Сиди Муса, убив одного военнослужащего. Ответственность за эту акцию власти сразу возложили на исламистских боевиков и приступили к арестам руководства ИФС. Вскоре начались чистки мечетей, которые были подконтрольны ИФС, что привело к уличным боям между исламистами и армейскими подразделениями. Стремясь не допустить разрастания масштабов исламистского мятежа, ВГС интернировал в сахарские

лагеря безопасности 7 тыс. активистов ИФС (это по официальным данным, по неофициальным – 30 тыс.). 4 марта 1992 г. судебным решением ИФС был распущен, и его деятельность была прекращена [Долгов 2004, с. 118–119]. Однако все эти меры не смогли остановить начинающуюся гражданскую войну в стране.

Вооруженное противостояние между властями Алжира и исламскими экстремистами принято делить на три основных этапа:

- 1992–1994 – формирование основных военизированных исламо-экстремистских фракций – ВИД (Вооруженное исламское движение, военное крыло ИФС) и ВИГ (Вооруженные исламские группы), начало их активной террористической деятельности, создание «освобожденных исламских зон» на большей части территории страны;
- 1995–1996 – первые крупные успехи алжирской армии и спецслужб, начало коренного перелома в войне;
- 1997–1999 – завершение активной фазы войны, уничтожение последних крупных очагов сопротивления исламских экстремистов, постепенный переход силовых структур страны к тактике точечной ликвидации ключевых фигур исламо-экстремистского подполья [Бабкин 2000, с. 109; Кепель 2004, с. 254; Mebarek 2022].

Гражданская война в Алжире 1992–1999 гг. относится к классическому типу партизанских войн, что было изначально предопределено численным составом вооруженных сил участников конфликта, изначальным уровнем их боевой подготовки, наличием/отсутствием у них тех или иных видов вооружения и военной техники. Эти и другие факторы повлияли на тактику и стратегию ведения боевых действий каждым из противников.

Выбор алжирскими исламскими экстремистами формы классической партизанской войны был вынужденной мерой, вызванной малой (по сравнению с официальными силовыми структурами страны) численностью личного состава², имеющего боевой опыт, отсутствием у них целых классов тяжелого вооружения (танков, бронемашин, артиллерии, авиации и др.), наличием мощных баз оперативной поддержки в крупных городах страны (отсюда активное применение тактики городской герильи), особенностями рельефа Алжира (горы и горные равнины представляли практи-

² Так, самым многочисленным исламо-экстремистским вооруженным формированием была Исламская армия спасения (ИАС), насчитывающая на пике своего влияния 40 тыс. человек, в то время как правительственные силы располагали 305,2 тыс. человек (см.: *Schulhofer-Wohl J. Civil War in Algeria, 1992 – present // Civil Wars of the*).

чески идеальные места для организации хорошо замаскированных баз исламо-экстремистских групп, состоявших из алжирских боевиков-«афганцев»).

Также переход алжирских исламо-экстремистов к партизанским действиям был прямым следствием не оправдавшихся надежд на быстрый развал Национальной народной армии (ННА) и массовый переход армейских подразделений на сторону восставшего «народа». Кроме того, в пользу выбора исламистами партизанского варианта ведения боевых действий говорила и сама история независимого Алжира, родившегося в пламени Войны за независимость 1954–1962, которая также носила в целом характер широкомасштабной партизанской войны.

В рамках тактики партизанской войны, активно применявшейся алжирскими исламистами, можно выделить несколько направлений.

1. Боевые, разведывательные, вербовочные, логистические операции в крупных городах (Алжире, Оране, Константине). Основным видом городских боевых операций алжирских исламо-экстремистов стала «минная» война (подрывы заминированного автотранспорта у объектов, принадлежавших государственным силовым структурам), обстрелы полицейских участков, засады на полицейские патрули, захват в заложники иностранцев.

Разведывательные операции были направлены на сбор сведений об уязвимых местах системы общественной безопасности Алжира, адресах проживания ключевых деятелей правящего режима, уровне их личной защиты, объектах компактного проживания иностранцев и т. д.

Вербовочные операции алжирских исламо-экстремистов традиционно привлекают мало исследовательского внимания как в силу высокой засекреченности этих материалов со стороны алжирских спецслужб, так и в силу того, что они, в отличие от терактов, не носят яркой эмоциональной окраски. Но именно благодаря успешной вербовочной деятельности алжирские исламо-экстремисты смогли так долго продержаться под напором превосходящих их по мощи и численности правительственных сил.

Логистические операции были направлены на снабжение боевых групп исламистов всеми необходимыми вещами и материалами (оружие, боеприпасы, взрывчатка, взрыватели, средства связи, медикаменты, фальшивые документы и т. д.).

2. Боевые операции в горно-лесистых районах Алжира. В 1992–1994 гг. крупные отряды исламистов совершили нападения на ряд гарнизонов ННА в целях не столько причинения ущерба, сколько желая пополнить свои запасы оружия и боеприпасов. В 1994–1999 гг.

исламо-экстремисты в целях устрашения общества и властей вырезали население множества практически беззащитных деревень.

3. Боевые операции за рубежом (теракты во Франции в 1994–1996 гг.).

Успех, который сопутствовал исламо-экстремистским незаконным вооруженным формированиям на первоначальном этапе гражданской войны, во многом был вызван неготовностью ННА и алжирских спецслужб эффективно противодействовать разветвленной сети баз исламо-экстремистского подполья в городах и горно-лесистой местности. К тому же самые боеспособные части алжирских силовых структур отвлекались на охрану важнейших стратегических объектов в столице и других крупных городах.

Однако, выдержав первый натиск незаконных вооруженных исламо-экстремистских формирований, власти Алжира провели целый ряд неотложных мер как силового, так и политико-административного характера, направленных на исправление критической ситуации в сфере внутренней безопасности.

1. Для повышения эффективности борьбы с партизанскими отрядами исламистов в сентябре 1992 г. был создан Центр ведения и координации противодиверсионных действий (ЦВКПД) при штабе командования сухопутных войск. В оперативном подчинении ЦВКПД были подразделения специального назначения ННА и командос Департамента разведки и безопасности (ДРБ) [Брасс 2004, с. 287–291]. Бойцов этих подразделений, равно как и спецназа Национальной жандармерии Алжира, в народе прозвали «терминаторами» за их бескомпромиссные методы по борьбе с исламистскими террористами.

2. Алжирские силовые структуры взяли на вооружение французскую тактику так называемых «полос изоляции» (принудительная эвакуация силовыми структурами населения из зон повстанческой активности, чтобы исключить добровольную и/или насильственную мобилизацию этих людей в отряды исламских радикалов) [Ланда 1999, с. 109; Бабкин 2001, с. 184].

3. Тактика «ложных банд» (создание глубоко законспирированных подразделений спецназа, «работавших» под видом отрядов исламо-экстремистов с целью публичной дискредитации и уничтожения исламистского подполья [Mellah 2004, p. 5]). Самое известное из этих подразделений – «отряд 192», который алжирские правозащитники обвиняют в убийстве бывшего премьер-министра страны Касди Мербаха³.

³ L'opération "Virus" // Algeria-Watch. URL: <https://algeria-watch.org/?p=53984> (дата обращения 08.05.2023).

4. Создание местными властями при поддержке ННА вооруженных отрядов народного ополчения – комитетов самообороны и бригад коммунальных гвардейцев (общая численность до 250 тыс. человек, в честь участников Войны за независимость 1954–1962 гг. они называли себя патриотами) [Бабкин 2001, с. 62].

5. Кампания по борьбе за «умы и души» умеренных исламистов с целью недопущения их перехода в ряды вооруженных радикалов. С этой целью алжирские генералы убедили вернуться из-за границы Мухаммеда Будиафа, «легенду» алжирской революции 1954–1962 гг., политика, пользующегося уважением простого народа. Будиаф стал первым главой ВГС. Спустя всего несколько месяцев после своего назначения он погибнет в результате покушения, которое совершит его охранник, придерживавшийся радикальных исламистских взглядов [Долгов 2004, с. 127–128].

6. Массовое освещение в алжирских и международных СМИ зверств, совершенных исламистами, особенно широкое тиражирование фотографий с мест массовых расправ исламистских боевиков над населением беззащитных деревень.

В результате реализации этих и других мер (в частности, проведения президентских выборов в ноябре 1995 г., конституционного референдума в ноябре 1996 г. и парламентских выборов в июне 1997 г.) алжирским властям не только удалось стабилизировать ситуацию, но и коренным образом переломить ее в конце 1990-х гг.: 1 октября 1997 г. вступило в силу соглашение о прекращении боевых действий между Исламской армией спасения (ИАС, насчитывавшей 5–6 тыс. боевиков) и армейским командованием. Данное соглашение явилось результатом успешных переговоров президента Алжира Ламина Зеруаля с умеренным крылом исламистов. В соответствии с достигнутыми договоренностями ИАС прекратила вооруженную борьбу с властями, взамен начав ее вместе с ННА против ВИГ, которая тоже быстро сошла со сцены, развалившись на разрозненные группы боевиков. В 2000 г. ИАС самораспустилась, воспользовавшись положениями «Закона о гражданском согласии 1999», и прекратила свое существование [Долгов 2015, с. 248; Бабкин 2001, с. 10].

В Алжире до сих пор происходят террористические атаки, но исламское радикальное движение уже не представляет непосредственной угрозы существованию государственных и общественных институтов, его участники превратились в обыкновенных уголовников, с которыми активно продолжают бороться полиция и жандармерия.

«Террористическое цунами» в Египте

Египетские события чем-то напоминали алжирские, но не были их точной копией. К моменту начала активной фазы террористической войны (март 1992 – ноябрь 1997 г.) Египет уже более десяти лет жил в условиях политики экономической модернизации, нацеленной на построение национальной конкурентоспособной экспортно-ориентированной промышленности, повышение эффективности госсектора и уменьшение внешнеторгового дефицита. Однако заявленные цели реформ так и не были достигнуты. Во второй половине 1980-х гг. экономика Египта вступила в полосу острого кризиса. С учетом того, что 53% египтян находятся за чертой бедности, это создало благоприятную почву для роста исламо-радикальных настроений [Видясова, Умеров 2002, с. 24, 55].

Главным отличием египетского «кейса» от алжирского является масштаб военных действий: если в Алжире в 1992–1999 гг. мы видим (особенно в 1992–1994 гг.) полномасштабные боевые операции относительно крупных по численности отрядов исламистских боевиков (захват и удержание городских кварталов, сельских районов, нападения на армейские части), то в Египте 1990-х гг. мы можем наблюдать лишь классический набор диверсионных акций, свойственный городской герилье, осуществлявшихся небольшими хорошо подготовленными группами боевиков (засады на полицейские патрули, подрывы заминированных машин, «охота» на VIP-персон из гражданских и силовых правительственных структур, включая президента АРЕ (покушение на Мубарака в Аддис-Абебе 26 июня 1995 г.), нападения на иностранных туристов).

Такое различие проистекает из-за особенностей подхода египетских властей к исламистскому движению в стране, с которым можно «заигрывать» (как это делали Садат и Мубарак), но при этом держать на дистанции «пушечного выстрела» от реальной власти [Видясова, Умеров 2002, с. 175–176]. В рамках этого подхода египетские службы безопасности ведут с 1940-х гг. безжалостную «охоту» на исламистов. Одним из результатов данных спецмероприятий является крайне ограниченный срок «жизни» активных ячеек египетских исламистов (за исключением отдельных районов на Синае), не позволяющий последним радикально нарастить свой силовой потенциал.

Кроме этого, развязанная исламистами в середине 1990-х гг. война против иностранцев, в первую очередь туристов, была ударом не только по государству (в декабре 1993 г. Мубарак заявил, что страна за прошедший год недополучила в сфере туризма 2 млрд долл. [Кепель 2004, с. 413]), но и по многочисленной про-

слойке рядовых египтян, чье благополучие, а зачастую просто и выживание напрямую зависит от присутствия иностранных туристов в стране. Поэтому, несмотря на все очевидные перегибы властей в борьбе с исламистами (пытки, незаконные задержания, игнорирование решений судов, захват в заложники родственников разыскиваемых исламистов [Ражбадинов 2003, с. 219–220]), большинство населения тем не менее не переходит на сторону последних, опасаясь не только правительственных репрессий, но и потери рабочих мест из-за возможного оттока туристов.

Ключевым событием, окончательно уничтожившим какой-либо шанс египетских исламистов на победу в партизанской войне, стал теракт в Луксоре 17 ноября 1997 г. Хладнокровное убийство 58 иностранных туристов, у которых не было ни единого шанса спастись, дало египетскому правительству карт-бланш на самые жестокие меры по защите населения от террористической угрозы со стороны исламистов. Но главным было не это, а то, что луксорская бойня помогла египетским силовикам окончательно дегуманизировать образ боевика-исламиста в глазах большей части населения страны. В результате принятых после событий 17 ноября 1997 г. мер (полицейская блокада крупных городов и населенных пунктов, массовые облавы на исламистов, усиление охраны важнейших туристических объектов, предоставление вооруженного полицейского эскорта крупным тургруппам во время их перемещений между зонами туристической безопасности и др.) террористическая активность исламских радикалов в Египте пошла на спад.

Заключение

Алжир и Египет в 1990-х гг. столкнулись с серьезными институциональными вызовами их национальной безопасности со стороны вооруженных радикально-исламистских группировок. Исламские радикалы развязали гражданскую войну в Алжире, протестуя против приостановки парламентских выборов в январе 1992 г. Их египетские «коллеги» из числа радикальных исламистов начали масштабную террористическую кампанию. Эти события были вызваны целым комплексом факторов: неудачной социально-экономической политикой властей Алжира и Египта, стремительными темпами обнищания большей части населения данных стран, отсутствием реальных альтернативных путей развития местных политических систем, ростом популярности «исламской альтернативы», не всегда оправданной жестокостью силовых структур в отношении целых групп населения, огромным уровнем коррупци-

рованности бюрократического аппарата, возвращением боевиков-«афганцев».

Правительства Алжира и Египта достаточно быстро осознали высокую степень угрозы своим режимам со стороны исламистских вооруженных групп и движений, а потому были вынуждены отреагировать соответствующим образом. Общими чертами алжирской и египетской кампаний по борьбе с исламо-экстремистскими вооруженными группировками стали:

- массированное использование силового аппарата для подавления террористической активности исламских радикалов;
- активная борьба за «сердца и умы» простого населения, в том числе меры по включению умеренных исламистов в лагерь проправительственных сил и публичной дискредитации членов незаконных вооруженных формирований;
- чрезвычайные меры военно-административного характера (военные суды над гражданскими лицами, обвиненными в терроризме, нарушение сроков содержания под стражей и т. д.).

Однако стоит выделить и весьма существенные различия между алжирским и египетским кейсами:

- наличие в Алжире относительно крупных отрядов боевиков, умело использовавших горно-лесистый рельеф местности, вынудило алжирские власти на первых этапах гражданской войны вести классические боевые операции против исламских радикалов, применяя широкий спектр вооружений (штурмовые вертолеты, танки, артиллерия и РСЗО), в то время как в Египте основная тяжесть борьбы с исламистами, прятавшимися в городских кварталах, была возложена на специальные подразделения полиции и служб безопасности (главным образом, это были Служба общей разведки (СОР) и Главное управление расследований государственной безопасности МВД АРЕ [ГУРГБ МВД]);
- различный размах и интенсивность боевых действий (в Алжире властям пришлось организовать комитеты самообороны и бригады коммунальных гвардейцев, чтобы не распылять силы армии и спецслужб на охрану провинциальных деревень и городков, подвергавшихся нападению боевиков, в Египте же власти не стали этого делать, так как боевики предпочитали нападать на госструктуры и иностранцев, а не вырезать деревни египетских феллахов, чем целенаправленно занимались алжирские исламские экстремисты);
- в Египте волна исламистского террора в основном пошла на спад после кошмарного теракта в Луксоре 17 ноября 1997 г.,

- а в Алжире активные боевые действия в основном прекратились в 2000 г. после самороспуска ИАС;
- политический кризис, порожденный гражданской войной в Алжире, был масштабнее по своим последствиям, чем в Египте (в Алжире военным практически пришлось «пересобрать» на ходу все государственное устройство, за 8 лет конфликта одного лидера страны убили, двух армия вынудила уйти в отставку).

Литература

- Бабкин 2000 – *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. 341 с.
- Бабкин 2001 – *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000 гг.). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. 208 с.
- Брасс 2004 – *Брасс А., Шумилин А.* «Двоюродные братья» или смертельные враги? Террор без границ. М.: АСТ, 2004. 330 с.
- Видясова, Умеров 2002 – *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX в.: опыт либерализации экономики и политической системы. М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. 248 с.
- Долгов 2004 – *Долгов Б.В.* Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004 гг.). М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 274 с.
- Долгов 2015 – *Долгов Б.В.* Радикальный исламизм в Алжире / Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд, 2015. 424 с.
- Карпачева 2013 – *Карпачева О.В.* История исламской оппозиции в Египте. М.: Либроком, 2013. 216 с.
- Кепель 2004 – *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Ф. Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468 с.
- Ланда 1999 – *Ланда Р.Г.* История Алжира: XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 308 с.
- Ражбадинов 2003 – *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте (на примере деятельности организаций «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа аль-ислямийя» (признана террористической организацией в России)). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2003. 274 с.
- Gerges 2000 – *Gerges F.A.* The end of the Islamist insurgency in Egypt? Costs and prospects // Middle East Journal. No. 4 (54). P. 592–612.
- Mebarek 2022 – *Mebarek W.* Violence en Algérie: 1992–2022, il y a trente ans la décennie noire // El Watan-dz.com. 31/05/2022. URL: <https://elwatan-dz.com/violence-en-algerie-1992-2022-il-y-a-trente-ans-la-decennie-noire> (дата обращения 24.05.2024).

- Mellah 2004 – Mellah S. Le mouvement islamiste algérien entre autonomie et manipulation // Comité Justice pour l'Algérie, Dossier n° 19. Alger, 2004
- Nachman 1998 – Nachman T. Islamic terrorism in Egypt. Challenge and response // Strategic Assessment. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 8–11.

References

- Babkin, S.E. (2000), *Dvizheniya politicheskogo islama v Severnoi Afrike* [Political Islam movements in North Africa], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Babkin, S.E. (2001), *Religiozniy ekstremizm v Alzhire (1992–2000 gg.)* [Religious extremism in Algeria (1992–2000)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Brass, A. and Shumilin, A. (2004), “*Dvoyurodnye brat'ya*” ili smertel'nye vragi? *Terror bez granits* [“Cousins” or mortal enemies? Terror without borders], AST, Moscow, Russia.
- Dolgov, B.V. (2004), *Islamistskii vyzov i alzhirskoe obshchestvo (1970–2004 gg.)* [The Islamist challenge and Algerian society (1970–2004)], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Dolgov, B.V. (2015), “Radical Islamism in Algeria”, in Savateev, A.D. and Kisriev, E.F., ed., *Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennogo mira: Strany Severnoi i Severo-Vostochnoi Afriki* [Islamic radical movements on the political map of the modern world. Countries of North and North-East Africa], Lenand, Moscow, Russia.
- Gerges, F.A. (2000), “The end of the Islamist insurgency in Egypt? Costs and prospects”, *Middle East Journal*, vol. 54, no. 4, pp. 592–612.
- Karpacheva, O.V. (2013), *Istoriya islamskoi oppozitsii v Egipte* [History of the Islamic opposition in Egypt], Librocom, Moscow, Russia.
- Kepel, G. (2004), *Dzhikhad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad. Expansion and decline of Islamism], Ladomir, Moscow, Russia.
- Landa, R.G. (1999), *Istoriya Alzhira: XX vek* [History of Algeria. 20th century], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Mebarek, W. (2022), “Violence en Algérie: 1992–2022, il y a trente ans la décennie noire”, *El Watan-dz.com*, 31/05/2022, available at: <https://elwatan-dz.com/violence-en-algerie-1992-2022-il-y-a-trente-ans-la-decennie-noire> (Accessed 24 May 2024).
- Mellah, S. (2004), “Le mouvement islamiste algérien entre autonomie et manipulation”, *Comité Justice pour l'Algérie*, Dossier n 19, Alger, Egypt.
- Nachman, T. (1998), “Islamic terrorism in Egypt. Challenge and response”, *Strategic Assessment*, vol. 1, no. 1, pp. 8–11.
- Razhbadinov, M.Z. (2003), *Radikal'nyi islamizm v Egipte (na primere deyatel'nosti organizatsii “Al'-Dzhikhad” i “Al'-Gamaa al'-islyamiya”)* [Radical Islamism in Egypt

(based on the example of the activities of the organizations “Al-Jihad” and “Al-Gamaa al-Islamiyya”)], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Vidaysova, M.F. and Umerov, M.Sh. (2002), *Egipt v poslednei treti XX v.: opyt liberalizatsii ekonomiki i politicheskoi sistemy* [Egypt in the last third of the 20th century. Experience of liberalization of the economy and political system], Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Сергей Ю. Серёгичев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sers80@mail.ru

Information about the author

Sergei S. Seregichev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sers80@mail.ru

УДК 323(569.1)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-213-222

От идеи к практике:
воплощение проекта курдской самопровозглашенной
автономии в Сирии

Рецензия на книгу:

Вертяев К.В., Иванов С.М., Макаренко В.В.

Рожава: феномен курдской автономии в Сирии /

отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев.

М.: ИВ РАН, 2023. 368 с.

Дмитрий С. Поляков

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

dm.polyakov9@yandex.ru

Аннотация. В российском научном сообществе большое значение придается теме сирийского кризиса. Однако в этом контексте практически без внимания остается вопрос функционирования курдской непризнанной самопровозглашенной автономии. И в целом книги, посвященные курдской проблеме, стали редкостью для отечественной историографии. Поэтому представленная статья посвящена уникальной в своем роде работе, а также тем проблемам, которые были поставлены в монографии.

В относительно краткой рецензии довольно сложно детально осветить все аспекты представленной рукописи, потому что почти каждая из обозначенных тем могла бы стать предметом полноценного исследования. Поэтому автором были выбраны отдельные сюжеты, которые, на его взгляд, представляются наиболее значимыми и интересными в вопросе феномена функционирования курдской автономии.

Ключевые слова: Сирия, сирийский кризис, курды, Рожава, Автономная администрация, ААСВС, децентрализация

Для цитирования: Поляков Д.С. От идеи к практике: воплощение проекта курдской самопровозглашенной автономии в Сирии. [Рец.]: Вертяев К.В., Иванов С.М., Макаренко В.В. Рожава: феномен курдской автономии в Сирии / отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев. М.: ИВ РАН, 2023. 368 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 213–222. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-213-222

From idea to practice.
Realizing the project of the Kurdish self-proclaimed
autonomy in Syria

Book review: *Vertyaev K.V., Ivanov S.M., Makarenko V.V. Rozhava.*
The phenomenon of Kurdish autonomy in Syria /
ed. by K.V. Vertyaev, I.A. Matveev.
Moscow: IV RAN, 2023. 368 p.

Dmitrii S. Polyakov
Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia,
dm.polyakov9@yandex.ru

Abstract. The Russian scientific community pays great attention to the topic of the Syrian crisis. However, in that context, the issue of the functioning of the Kurdish unrecognized self-proclaimed autonomy remains practically ignored. In general, books on the Kurdish cause have become a rarity for Russian historiography. Therefore, the presented article deals with the unique work of its kind, as well as with the problematics that were posed in the monograph.

In a relatively short review, it is quite difficult to cover in detail all aspects of the presented research, because almost every one of the indicated topics could become the subject of a full-fledged study. Therefore, the author has selected individual plots, which, in his opinion, seem to be the most significant and interesting in the issue of the phenomenon of the functioning of the Kurdish autonomy functioning.

Keywords: Syria, Syrian crisis, Kurds, Rojava, Autonomous Administration, AANES, decentralization

For citation: Polyakov, D.S. (2024), "From idea to practice. Realizing the project of the Kurdish self-proclaimed autonomy in Syria. [Book review]: *Vertyaev K.V., Ivanov S.M., Makarenko V.V. Rozhava. The phenomenon of Kurdish autonomy in Syria / ed. by K.V. Vertyaev, I.A. Matveev. Moscow: IV RAN, 2023. 368 p.*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 5, pp. 213–222, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-213-222

Сирийский кризис, начавшийся в 2011 г., длится уже более 13 лет и остается одной из насущных проблем Ближнего Востока. Стоит подчеркнуть, что активная фаза боевых действий внутреннего вооруженного конфликта закончилась в марте 2020 г., после завершения операции «Рассвет над Идлибом 2». Однако общая ситуация еще далека от политического урегулирования. Это во многом связано с тем, что вместе с официальным правительством террито-

рию Сирийской Арабской Республики (САР) также контролируют различные оппозиционные акторы, за спинами которых стоят внешние силы. Одним из таких акторов является Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (ААСВС). Именно ей посвящена коллективная монография «Рожавы: феномен курдской автономии в Сирии», вышедшая в Институте востоковедения РАН и выполненная К.В. Вертяевым, С.М. Ивановым и В.В. Макаренко. Как любая работа, она имеет свои сильные и слабые стороны. О них пойдет речь в этой статье.

Прежде всего, данная книга является продолжением работ [Вертяев, Иванов 2015; Вертяев и др. 2013], которые посвящены курдской проблеме и написаны этим же авторским коллективом, что сразу вносит значительный вклад в отечественную школу курдологии. Кроме того, в российской историографии крайне мало литературы, которая посвящена феномену Рожавы или Автономной администрации. Среди полноценных книг можно выделить лишь исследование О. Мазур [Мазур 2019]. Важно также не обделить вниманием монографии, в целом посвященные сирийской проблематике, но в которых обозначенная тема также фигурирует. Это работы В.М. Ахмедова [Ахмедов 2018], И.А. Матвеева [Матвеев 2020; Матвеев 2022] и коллективная монография Л.М. Исаева, А.В. Коротаева, А.Г. Мардасова и К.В. Семенова [Исаев и др. 2021]. Поэтому в ситуации слабой изученности курдской проблематики в Сирии в академической литературе представленная рукопись является очень важной для отечественной историографии.

Само название монографии сразу говорит о том, что исследование будет сфокусировано не просто на проблеме курдского населения Сирии, а на проекте территориальной автономии в географическом ареале Рожавы. Авторы обозначают это также в задаче монографии: «дать научный обзор исторического развития политической идеи от концепта “повстанческого государства” к демократической автономии и примененной в Рожаве особой “безгосударственной модели” демократии» [Вертяев и др. 2023, с. 20]. И у них это прекрасно получается. В книге представлена последовательная линия от появления мысли об автономии к ее воплощению. Четко продемонстрирована история вопроса, а также политические теории и концепции, которые легли в основу идеи курдского самоуправления и децентрализации в составе сирийского государства. В завершение продемонстрирована практическая реализация задуманного в условиях внутреннего вооруженного конфликта.

Авторы рассматривают регион Рожавы системно: как в контексте всей Сирии, так и в рамках специфической среды – курдского мира.

В первом случае Рожава является одним из сирийских регионов, который, однако, не коррелируется с административно-территориальным делением САР, но части которого связаны на этнической основе. Исторически Рожава включает в себя три региона: Хасаке (Джазира), Курд-Даг (Африн) и Кобани (Айн-эль- Араб). Авторы сумели показать важные социально-политические процессы, происходящие на этих территориях. Главное, что курды представлены не как инородный элемент сирийского общества, а как его важная составная часть. Например, курдское население наряду с остальными гражданами проявили себя во время Великого сирийского восстания 1925–1927 гг., а уже в годы независимости активно участвовали в устройстве политической жизни страны [Вертяев и др. 2023, с. 35].

Важно также, что Рожава не является моноэтническим регионом и в ней происходят процессы, характерные для глубоко разделенных обществ (ГРО) [Наумкин 2015]. Например, провинция Хасеке представлена как место соперничества между курдами и арабским племенем Шаммар. Схожая ситуация происходит и сегодня. Курдская самопровозглашенная автономия с конца 2016 г. отказалась от собственного топонима «Рожава» в названии, что произошло по причине расширения территорий, на которых проживают также другие сирийские этнические группы, в большинстве – племенные арабы. Конфронтация курдов с ними стала уже обыденным явлением, которая достигла пика во второй половине 2023 г.¹

Еще одна характеристика, присущая ГРО, – наличие межкурдских противоречий. Авторы выделяют три группы в курдском обществе. Первая – самая многочисленная. Ее члены глубоко инкорпорированы в сирийскую управленческую систему и не выступают за создание единого Курдистана. Вторая группа выступает за признание курдов в качестве этнического меньшинства, но без претензии на автономное существование, а тем более – на создание собственного государства. Только третья группа ратует за политическую автономию и федерализацию, а также за укрепление связей с Иракским Курдистаном [Вертяев и др. 2023, с. 21]. Стоит отметить, что представленная типологизация была характерна до начала внутреннего вооруженного конфликта в САР. Поэтому было бы интересно узнать, насколько она соответствует действительности в нынешних условиях. Учитывая, что

¹ Поляков Д. Сирия в 2023 г.: упадок и несбывшиеся надежды // Российский совет по международным делам (РСМД). 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriya-v-2023-godu-upadok-i-nesbyvshiesya-nadezhdy/> (дата обращения 18.05.2024).

провести полевые исследования в Автономной администрации на сегодняшний день довольно проблематично, вопрос останется без ответа еще долгое время.

В работе раскрыта и тема диалога с центральными властями в период истории современной Сирии. Заслуга авторов в том, что они подробно остановились на положении курдов при правлении партии Баас. Был развенчан миф, что эта этническая группа жила в постоянном угнетении. Наоборот, в исследовании указано, что с момента прихода Хафеза Асада к власти в 1970 г. отношение к курдам улучшилось. Более того, почти 20 лет на севере Сирии существовали лагеря Партии рабочих Курдистана (ПРК), а Дамаск оказывал им поддержку. Кроме того, в теме диалога курдов с центральными властями был рассмотрен важный процесс децентрализации. Дана краткая история вопроса и обозначены проекты, которые обсуждались сторонами в период внутреннего вооруженного конфликта. Однако при изучении этой проблемы не хватило более детального рассмотрения позиции сирийского правительства – чем она обоснована. Потому что Дамаск не отказывается от проведения децентрализации, а в 2011 г. даже был принят Законодательный акт № 107 («Закон о местном самоуправлении»)², что указывает на желание правительства провести реформы.

Говоря о втором случае, Рожава представлена через призму А. Оджалана как часть единого курдского мира в довестфальском виде: «курды... отказались от социально-политического участия в национальных государствах, удерживающих в своем составе насильно куски курдского мира, а должны были жить параллельным миром созданных ими демократических общин, образуя через негосударственные связи демократическую конфедерацию» [Вертяев и др. 2023, с. 260]. Таким образом, курдский мир является надгосударственным образованием, где Рожава выступает одной из его частей. Сразу вспоминается работа Р.Ш. Мамедова³, где представлена наднациональная картина Ближнего Востока, которая не видна на политической карте региона. В ней племена пустынных

² Аль-Мурасиль ат-тишарии ракм 107 (канун аль-идара аль-махалия) [Законодательный декрет 107 от 2011 г. Закон о местном управлении] // Аль-джумхурия аль-арабия ас-сурия маджлис аш-шааб [Народный совет Сирийской Арабской Республики]. 2011. URL: <http://parliament.gov.sy/arabic/index.php?node=5575&cat=4390> (дата обращения 18.05.2024).

³ Мамедов Р.Ш. Возвращение «арабского голоса»: через портал из потустороннего мира // Дискуссионный клуб «Валдай». 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vozvrashchenie-arabskogo-golosa/> (дата обращения 17.05.2024).

провинций Сирии и Ирака связаны родством с соплеменниками в Саудовской Аравии, Катаре, Кувейте. Руководящие кланы Ирака либо вестернизированы и имеют тесные связи с Лондоном и Вашингтоном, либо являются представителями шиитских партий и движений в Ливане, Сирии и Иране, поэтому ориентированы на Тегеран. Или же сеть «Братьев-мусульман»*, распространившаяся по всему Ближнему Востоку. В это же время элита «ихванов» представлена в Анкаре и Дохе или интегрирована в политический процесс, как в Иордании и Марокко, скрыта, как в Египте, является одной из основных военных сил, как в Йемене, или сращена с множеством исламистских движений, как на севере Сирии. То же самое происходит в наднациональном курдском мире. Процессы в одной из его частей эхом доносятся до других. Части невидимого на политической карте Курдистана связаны не только на этнической, торговой, культурной или гуманитарной основах. Между ними постоянно происходит обмен идеями. И Рожава тоже подвержена такому влиянию. То, что авторы смогли проиллюстрировать ситуацию в курдской автономии через эту призму, является огромным достоинством монографии.

Еще одно достоинство исследования – оно выполнено не в виде повествования, а имеет серьезное теоретическое основание. Однако в некоторых местах работе присуща излишняя теоретизация, которая не соотносится с реалиями «на земле». Например, авторы используют призму экологизма применительно к Рожаве как к «приодоориентированному варианту человеческой самоорганизации» [Вертяев и др. 2023, с. 26]. Только ничего общего с действительностью эти задекларированные в Общественном договоре положения не имеют. Заевфратье, а особенно курдский ареал являются наиболее загрязненными территориями Сирии. Это следствие политики, проводимой властями ААСВС. Если на территориях, подконтрольных сирийскому правительству, действуют коммунальные службы, в меру своей эффективности производится уборка мусора, то на территориях Автономной администрации эти необходимые меры практически отсутствуют. Хотя у правительства самопровозглашенной автономии имеются финансовые ресурсы для этого. Кроме того, крупные курдские города, в особенности Камышлы, известны своим «шумом», который создается от тысяч дизельных электрогенераторов, работа которых также загрязняет окружающую среду. Ко всему прочему, Заевфратье известно в Сирии кустарной переработкой нефти и самым «грязным» топливом, что также наносит урон окружающей

*Запрещенная в РФ террористическая организация.

среде⁴. Поэтому ни о каком экологизме на территориях ААСВС в реальности речи не идет.

Авторы указывают, что намеренно «оставили за скобками роль и влияние внешних игроков, таких как США и Россия, на ситуацию в ААСВС» [Вертяев и др. 2023, с. 28]. Однако для полноты картины как раз не хватило анализа воздействия глобальных акторов на ситуацию, в особенности – Соединенных Штатов. А именно было бы интересно рассмотреть создание Сирийских демократических сил (СДС) 10 октября 2015 г. при поддержке Вашингтона сразу после того, как Москва начала военную операцию в Сирии 30 сентября 2015 г. Важно, что объединение фракций YPG с отдельными группировками Сирийской свободной армии (ССА), а также отрядами туркоманов и арабских племен происходило одновременно с развертыванием российского военного контингента в Сирии. Получается, что структура вооруженных сил Автономной администрации не просто была создана при прямом участии США, но и в определенное время – когда РФ включилась в контртеррористическую операцию. Более того, трансформация Демократической федерации Рожавы – Северной Сирии в Демократическую федерацию Северной Сирии (ДФСС)⁵ в декабре 2016 г. совпало со взятием Алеппо также в декабре 2016 г. Это стало возможным при посредничестве России и Турции, без учета позиции США. Хотя первое перемирие между правительством и оппозицией в начале 2016 г. было заключено при посредничестве Москвы и Вашингтона, в тот же период определялась модальность решения вопроса, связанного с восточным Алеппо. В итоге Анкара вывела из города большинство бригад ССА в зону проведения операции «Щит Евфрата», а не в зону ДФСС. После этого американцы продолжили выстраивать свой оппозиционный проект. Все это говорит о реальной субъектности самопровозглашенной курдской автономии и о том, при каких условиях формировалась структура будущей ААСВС.

Было бы интересно взглянуть на трансформацию Рожавы от установления самоуправления в 2012 г. до появления ААСВС через призму участия в этом процессе Соединенных Штатов с целью создания альтернативного проекта переустройства Сирии. Потому что Автономная администрация сегодня (особенно после утраты Африна и сектора RAATA⁶) – уже не исключительно курдский

⁴ Поляков Д.С. Интервью с сирийскими и российскими информантами. Июль, декабрь 2022. Июнь, ноябрь 2023. Архив автора.

⁵ Это объяснялось целью снятия акцента с курдской составляющей.

⁶ Зона RAATA – аббревиатура, принятая ООН и обозначающая районы от Рас-эль-Айн до эт-Тель-аль-Абьяд.

проект. Значительную роль в нем играет арабское население, а также занимаемые им территории (особенно в экономическом плане, так как там располагаются основные нефтяные месторождения Сирии). В ситуации сложной социально-экономической обстановки в подконтрольной Дамаску зоне американцы демонстрируют приемлемое положение внутри ААСВС, которое можно экстраполировать на территорию всей Сирии. Кроме того, важно было бы отметить роль Автономной администрации в качестве инструмента США для оказания давления (экономического) на сирийское правительство и в качестве превентивной меры для функционирования иранского коридора «Тегеран–Бейрут».

Не отмечено было и то, что во многом именно Вашингтон препятствует процессу реинтеграции ААСВС в состав единой Сирии на принципе децентрализации. Учитывая, что американцы предоставляют военное прикрытие, власти самопровозглашенной автономии выставляют слишком завышенные требования в переговорах с Дамаском. Поэтому без учета влияния глобальных акторов феномен существования Рожавы раскрыт лишь частично.

В работе не хватило экономического аспекта функционирования Автономной администрации – то, что И.А. Матвеев называет параллельной экономикой ААСВС [Матвеев 2022, с. 131]. Авторы могли бы продемонстрировать рентную базу властей автономии – на основе чего им удастся поддерживать приемлемый уровень жизни. Какие регионы Автономной администрации формируют большую часть бюджета? В чем сегодня заключается основа экономических противоречий между регионами ААСВС, а также между курдами и племенными арабами? На каких условиях выстроена торговля между самопровозглашенной автономией и центральным правительством/другими зонами Сирии? Все эти вопросы остались без ответа, а ведь именно они во многом демонстрируют сложившуюся социально-экономическую обстановку на Северо-Востоке Сирии.

В целом представленная работа не только заполняет одну из лакун в изучении сирийского кризиса, но и вносит весомый вклад в отечественную курдологию. Труд может быть полезен не только специалистам в области социально-политических процессов на Ближнем Востоке, но студентам и аспирантам востоковедных специальностей, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными восточными обществами. В монографии ставятся многие вопросы, на которые трудно дать однозначные ответы. Поэтому тема феномена курдской автономии не закрыта. Остается пожелать коллективу авторов продолжить заниматься ее изучением.

Литература

- Ахмедов 2018 – *Ахмедов В.М.* Сирийское восстание: история, политика, идеология / Отв. ред. А.М. Хазанов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2018. 196 с.
- Вертяев, Иванов 2015 – *Вертяев К.В., Иванов С.М.* Курдский национализм: История и современность / Ин-т востоковедения РАН. М.: Ленанд, 2015. 352 с.
- Вертяев и др. 2013 – *Вертяев К.В., Жигалина О.И., Иванов С.М.* Политические процессы в курдских ареалах стран Западной Азии (Ираке, Турции, Сирии, Иране). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. 142 с.
- Вертяев и др. 2023 – *Вертяев К.В., Иванов С.М., Макаренко В.В.* Рожава: феномен курдской автономии в Сирии / Отв. ред. К.В. Вертяев, И.А. Матвеев. М.: ИВ РАН, 2023. 368 с.
- Исаев и др. 2021 – *Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В.* Метаморфозы сирийской оппозиции / Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Ленанд, 2021. 304 с.
- Мазур 2019 – *Мазур О.А.* Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2019. 122 с.
- Матвеев 2020 – *Матвеев И.А.* Сирия в конфликте / Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. 496 с.
- Матвеев 2022 – *Матвеев И.А.* Политэкономика Сирии в конфликте: В 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению / Отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2022. 392 с.
- Наумкин 2015 – *Наумкин В.В.* Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

References

- Akhmedov, V.M. (2018), *Siriiskoe vosstanie: istoriya, politika, ideologiya* [The Syrian uprising. History, politics, ideology], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Isaev, L.M., Korotaev, A.V., Mardasov, A.G. and Semenov, K.V. (2021), *Metamorfozy siriiskoi oppozitsii* [Metamorphoses of the Syrian opposition], Lenand, Moscow, Russia.
- Mazur, O.A. (2019), *Kurdsii vopros v politicheskom konflikte v Sirii* [The Kurdish question in the political conflict in Syria], Institut Blizhnego Vostoka, Moscow, Russia.
- Matveev, I.A. (2022), *Politekonomiya Sirii v konflikte* [Political economy of Syria in the conflict], vol. 2, Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Matveev, I.A. (2020), *Siriya v konflikte* [Syria in conflict], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Naumkin, V.V. (2015), "Deeply divided societies in the Middle East. Conflict, violence, and foreign intervention", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 1, pp. 66–96.

- Vertyaev, K.V. and Ivanov, S.M. (2015), *Kurdsii natsionalizm: Istoriya i sovremennost'* [Kurdish nationalism. History and the present], Lenand, Moscow, Russia.
- Vertyaev, K.V., Zhigalina, O.I. and Ivanov, S.M. (2013), *Politicheskie protsessy v kurdskikh arealakh stran Zapadnoi Azii (Irake, Turtsii, Sirii, Irane)* [Political processes in the Kurdish areas of Western Asian countries (Iraq, Turkey, Syria, Iran)], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.
- Vertyaev K.V., Ivanov, S.M. and Makarenko, V.V. (2023), *Rozhava: fenomen kurdskei avtonomii v Sirii* [Rozhava. The phenomenon of Kurdish autonomy in Syria], IV RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий С. Поляков, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; dm.polyakov9@yandex.ru

Information about the author

Dmitrii S. Polyakov, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; dm.polyakov9@yandex.ru

Политические элиты Танзании в меняющемся мире:
о сборниках тезисов международных конференций
«Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем:
исследования ученых России, Танзании и других стран»
(под ред. Д. Бондаренко; М.: ИАф РАН, 2022. 189 с.);
«Место Африки в мире в прошлом и настоящем»
(под ред. Д. Бондаренко; М.: Ин-т Африки, 2024. 200 с.)

Михаил Е. Смирнов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, karibu-smirnov@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам, которые затрагивались на международных научных конференциях с участием экспертов из Танзании, России и других стран, организованных в Дар-эс-Саламе в марте 2022 и 2024 гг. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Российской академией наук, Институтом Африки РАН, Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, Российским центром науки и культуры в Дар-эс-Саламе совместно с Мемориальной академией мвалиму Ньерере и университетом Дар-эс-Салама.

Первая – «Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем: исследования ученых России, Танзании и других стран» – была приурочена к 100-летию отца-основателя Танзании Джулиуса Камбараре Ньерере. Вторая – «Место Африки в мире: прошлое и настоящее» – состоялась в 2024 г., в преддверии 60-летия образования Объединенной Республики Танзания, отмечаемого 26 апреля.

Изданные по итогам этих конференций Институтом Африки РАН сборники тезисов выступлений охватывают чрезвычайно широкий тематический спектр – от места африканских стран в современном мире до трансформации их властных институтов, политических элит, государственных языков и культуры, их влияния и взаимосвязи с глобальными процессами.

Авторы, задействовав уникальный архивный и периодический материал, фокусируются на глобальных цивилизационных аспектах, дают разносторонний анализ роли Африки в сегодняшнем мире, привлекая

внимание к проблематике отношений власти и общества, особенностях формирования и функционирования элит в современной политико-экономической обстановке в разных странах Африки и всего континента в целом. Проведенные исследования вносят существенный вклад в более широкое и панорамное понимание поднятых проблем в контексте усиления африканской темы в дискурсах современности.

Ключевые слова: Африка, Танзания, Россия, элита, лидеры, власть, трансформация, Ньерере, суахили

Для цитирования: Смирнов М.Е. Политические элиты Танзании в меняющемся мире: о сборниках тезисов международных конференций «Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем: исследования ученых России, Танзании и других стран» (под ред. Д. Бондаренко; М.: Ин-т Африки, 2022. 189 с.); «Место Африки в мире в прошлом и настоящем» (под ред. Д. Бондаренко; М.: Ин-т Африки, 2024. 200 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 5. С. 223–233. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-223-233

Tanzanian political elites in a changing world.

About the books of abstracts

“Leadership and power in Africa in the past and present.
Research by scientists from Russia, Tanzania and beyond”
(ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2022. 189 p.;
“The place of Africa in the world. The past and present”
(ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2024. 200 p.)

Mikhail E. Smirnov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, karibu-smirnov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issues which were raised at international scientific conferences with the participation of experts from Tanzania, Russia and other countries, organized in Dar es Salaam in March 2022 and 2024 by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Russian Academy of Sciences, the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, the Russian Center for Science and Culture in Dar es Salaam together with the Mwalimu Nyerere Memorial Academy and the University of Dar es Salaam.

The first, “Leadership and Power in Africa in the past and present. Research by scientists from Russia, Tanzania and other countries”, commemorated the 100th anniversary of the founding father of Tanzania, Julius Kambarage

Nyerere. The second – “Africa’s Place in the World. The past and present” – took place in 2024, on the eve of the 60th anniversary of the formation of the United Republic of Tanzania, celebrated on April 26.

The collections of abstracts of reports published by the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences following those conferences cover an extremely wide thematic spectrum – from the place of African countries in the modern world to the transformation of their power institutions, political elites, state languages and culture, their influence and interrelation with global processes.

The authors using unique archival and periodical material, focus on global civilizational aspects, give a comprehensive analysis of the role of Africa in today’s world, drawing attention to the issues of power and society relations, the specifics in the formation and functioning of elites in the modern political and economic situation in different countries of Africa and the continent as a whole. The conducted research makes a significant contribution to a broader and more panoramic understanding of the issues raised in the context of strengthening the African theme in modern discourses.

Keywords: Africa, Tanzania, Russia, elite, leaders, power, transformation, Nyerere, Swahili

For citation: Smirnov, M.E (2024), “Tanzanian political elites in a changing world. About the books of abstracts ‘Leadership and power in Africa in the past and present. Research by scientists from Russia, Tanzania and beyond’ (ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2022. 189 p.; ‘The place of Africa in the world. The past and present’ (ed. by D. Bondarenko; Moscow: Institut Afriki, 2024. 200 p.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 5, pp. 223–233, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-5-223-233

Тема возникновения и укрепления позиций современных политических элит в Тропической Африке, в том числе на примере Танзании, их интересы (обусловленные этническим/региональным происхождением, связями с теми или иными кланами, сферой деятельности) и мотивы участия во власти и проведения той или иной политики, особенности их функционирования в африканских обществах, взаимодействия с теми или иными социальными группами, их исторические метаморфозы давно привлекают внимание российских и зарубежных исследователей, вызывают оживленные дискуссии в научном сообществе, часто определяемые собственной интерпретацией этого процесса с точки зрения того или иного ученого.

Различные аспекты этой темы были проанализированы некоторыми англоязычными учеными, в частности, в работах Самуэля

Хантингтона [Huntington 1991], Ханны Эвелин Бриттон [Britton 2005], Патрика Бонда [Bond 2000]. В российской историографии проблема возникновения и укрепления позиций политических элит, различные аспекты модернизации общества, политического лидерства, роли этнокультурного фактора в политике африканских государств, в том числе Танзании, находят свое отражение в исследованиях И.О. Абрамовой, Л.Л. Фитуни, А.Л. Сапунцова [Абрамова, Фитуни, Сапунцов 2007, с. 36–41], Л.В. Гевелинга [Гевелинг 2001, с. 17–27], В.Б. Бурениной [Буренина 1993, с. 6–10], Л.Я. Прокопенко, В.Г. Шубина [Прокопенко, Шубин 2001, с. 55], И.Е. Синицыной [Синицына 1972, с. 56–64] и др. Впрочем, самые поздние из них датируются первой декадой XXI в., а самые основательные относятся к 80-м или даже 70-м годам прошлого века.

В этом смысле сборники материалов двух научных конференций в Дар-эс-Саламе можно рассматривать как удачную попытку закрыть образовавшуюся временную брешь в исследованиях [Лидерство и власть в Африке 2022; Место Африки в мире 2024].

Непосредственно танзанийской проблематике на этих форумах были посвящены 26 докладов. Причем их авторы сочетали фундаментальные методологические инструменты и функционально-исторический подход. Данный подход позволяет анализировать структурно-политические отношения современных элит, особенности их возникновения, прихода к власти и стабилизации их властных позиций, а также их воспроизводства в дальнейшем.

Так, известный отечественный африканист И.И. Филатова (ВШЭ, Москва, Россия) в своем исследовании сделала упор на социально-исторические корни постколониальных элит Танзании и других государств Восточной Африки.

Поддерживая тезис о том, что большинство современных африканских государств берут начало в колониальную эпоху, автор вместе с тем утверждает, что общества, которые их создают и перестраивают, представляют собой более сложную проблему, а природа и происхождение постколониальных элит до сих пор остаются неясными и неуловимыми. По мнению Филатовой, основными причинами этого следует считать тот факт, что многие исследователи подчиняются своего рода негласным запретам, идущим из западного понимания принципов политкорректности, а также придерживаются определенных подходов и стереотипов по данной теме, которые идут своими корнями из обществ, расположенных вне Африки, а также очень большое многообразие самих типов современных африканских элит, что делает их тщательное исследование затруднительным.

Автор рассматривает основные причины и факторы, способствовавшие возникновению, а затем оформлению и закреплению в

обществе элит Восточной Африки в период колониального правления, с учетом их характерных особенностей. Исследователь в своей работе делает серьезный акцент на эволюционной преемственности особенностей функционирования общественных отношений в рассматриваемых странах – начиная от времен доколониализма и до нынешней эпохи. Также автор проанализировал основные особенности обществ Восточной Африки, которыми они характеризовались ко времени освобождения от колониального правления, а также основные направления эволюции местных элит в период независимости. Особый интерес вызывает попытка автора на основе анализа фактического материала по странам региона показать степень реализации элитами своих лидерских функций, их жизне-способность, а также то место, которое они занимают в структуре африканского общества.

Часто за рамками исследований политических элит Африки остается такой важный аспект, как их взаимоотношения в рамках существующей политической системы, определение роли и взаимодействия, вопрос о степени влияния существующих элит на направление развития общества и государства и на особенности властных отношений. Попытку в какой-то степени восполнить этот пробел предпринял Джейсон Нкьябонаки (Мемориальная академия мвалиму Ньерере, Дар-эс-Салам, Танзания), остановившийся на особенностях управления и развития в Танзании.

Согласно его точке зрения, политические и социальные лидеры выбирают для себя определенное политическое поведение или с учетом определенных обстоятельств, или на основе своих талантов и харизмы. Политический лидер может обеспечить стране устойчивое экономическое благополучие, если осуществит адекватную мобилизацию своих приверженцев с целью реализации своей программы.

Проанализировав документальные материалы, он говорит, что для ускорения социально-экономической динамики страны и улучшения качества управления в ней прежде всего необходимо обеспечить качественное лидерство, в том числе на низовом уровне. Что касается Танзании, то, по его мнению, эта страна нуждается в длительной работе по улучшению навыков и управления со стороны лидеров самых разных уровней, чтобы обеспечить компетентное управление и положительную динамику во всех сферах жизни.

Порой исследование африканских политических элит лишены персонифицированного характера, что во многом обедняет их, учитывая тот большой вес, который имеет конкретная историческая личность в каждой отдельно взятой стране Черного континента. В этой связи интерес вызывает анализ темы трансформации поли-

тических элит, данный Т.С. Денисовой (Институт Африки РАН, Москва, Россия), рассматривающей принципы политического лидерства в постколониальной Тропической Африке.

Исследователь выдвинула весьма интересную гипотезу, которая заслуживает более глубокого рассмотрения и анализа в будущем на уровне отдельных государств, а именно: внутренняя и внешняя политика в африканских государствах, как и их направление развития в целом, чрезвычайно сильно зависит от особенностей личности и характера президентов, и эта черта резко выделяет страны Африки на фоне остальных государств мира.

При этом, говоря о первом поколении правителей в государствах Африки после получения независимости, автор утверждает, что, несмотря на чрезвычайно разные результаты их правления (в отдельных странах наблюдался уверенный рост уровня жизни и укрепление стабильности, а в других – расцвет коррупции, экономический крах и развал управления), все они пользовались большим авторитетом, и их право на власть не оспаривалось обществом (впрочем, этот тезис кажется спорным в некоторых случаях).

Еще одно утверждение этого исследователя, которое заслуживает внимания, заключается в том, что легитимность африканских правителей во многом опиралась на присущую жителям Африки идеализацию и даже сакрализацию своих лидеров. Она в качестве доказательства приводит характерное для африканцев послушание родителям, главам семей, а также обожествление вождей племен и царей и культ предков.

Тем не менее, как утверждает Т.С. Денисова, в некоторых государствах гражданское общество оказалось недостаточно сплоченным, и ощущались серьезные размежевания из-за серьезного неравенства в уровне жизни регионов, а также из-за разной степени модернизации различных социальных слоев. Также некоторые страны так и не смогли обрести полную фактическую независимость и приобрести уважение на международном уровне. Все это ослабляло позиции их лидеров, и поэтому они ради своей легитимации и усиления контроля над обществом искусственно организовали культ собственной личности (особенно в тех случаях, когда они не обладали харизмой и необходимым авторитетом внутри своих обществ).

Но представляется, что в работе можно было бы более четко прописать особенности характера самих правителей и те моменты, когда они сами по своей инициативе старались активно изменить внутри- и внешнеполитическую ситуацию в своих государствах (с разной степенью успешности).

Проблема лидерства в современной Африке отнюдь не потеряла своей актуальности и остроты по сравнению с первыми постколониальными годами. Более того, по мнению Б.К. Пандея из Национального института финансового менеджмента имени Аруна Джейтли (г. Фаридабад, Индия), Африка ныне переживает судьбоносный период своей истории, и в связи с этим особенно серьезные задачи ложатся на плечи правителей африканских стран: им необходимо адекватно отвечать на имеющиеся вызовы и постараться добиться успеха по таким важнейшим направлениям, как обеспечение сбалансированного развития, способствование прекращению внутренних и внешних конфликтов, обеспечение свободы и демократии, недопущение распада своих государств.

Этот ученый привел собственный взгляд на то, как африканским государствам следует укреплять лидерские потенциалы своих правителей, чтобы они могли эффективно реформировать свои страны в самых разных сферах жизни. Он сделал особый акцент на концепции «Африка для Африки», согласно которой необходимо отказаться от устаревшей и ставшей неэффективной постколониальной модели развития и перейти к реальному обеспечению демократии и вовлечению в управление страной самых разных слоев населения на принципах взаимовыгодного сотрудничества, накопленного африканскими обществами опыта и деятельного участия всех акторов. Кроме того, целесообразно применять опыт как успешных стран континента (например, Танзании), так и дружественных Африке государств за ее пределами, таких как Россия и Индия.

Особое внимание на конференции привлекла личность Джулиуса Камбараре Ньерере, во многом в связи со столетием со дня его рождения, но также в связи с его огромной ролью в социально-экономической и культурной модернизации Танзании и в создании единой танзанийской нации. Ведь Ньерере, в отличие от некоторых других африканских лидеров, на практике стремился воплотить свои теоретические замыслы. В том, как это происходило в области образования для взрослых в Танзании в 1967–1985 гг., разбирался Хамиси Матиас Мачангу (Институт образования взрослых, Дар-эс-Салам, Танзания). По мнению автора, несмотря на то что образование для взрослых является основой высокого уровня жизни людей, существующие исследования игнорируют идеи и инициативы Ньерере по его развитию в Танзании. Исследование, основанное на архивных и устных источниках, приводит мысли Ньерере об образовании для взрослых, которые позволяют проанализировать успешную реализацию соответствующих программ. Интерес представляет

и реакция местного населения на реализуемые программы обучения для взрослых, изучение которой оставляет другим экспертам широкое поле для исследований в этой области.

Некоторые участники конференций сконцентрировались на гендерной ситуации в политических элитах Танзании и других африканских стран. Важность темы обусловлена тезисом о том, что страны, характеризующиеся равноправным участием мужчин и женщин в политике, имеют шансы достичь значительного прогресса в уровне жизни и внутривластной устойчивости. В этой связи стоит подчеркнуть, что в африканских странах становится все больше женщин, которые занимают важные политические посты. Танзания в этом смысле, по крайней мере статистически, не выглядела лидером. Возможно, эта ситуация станет меняться после того, как в марте 2021 г. неожиданно скончался президент Джон Магуфули, и на эту должность впервые в истории страны была избрана женщина – Самия Сулуху Хассан.

Автор исследования «Женщины и политическое лидерство в постколониальной Танзании» Хиджа А. Ураса (Педагогический колледж университета г. Дар-эс-Салам, Танзания; Университет Кириллы и Мефодия, Трнава, Словакия) придерживается мнения, что это событие является очень важным и фактически судьбоносным для танзанийской политической жизни, так как до этого страной всегда управляли только мужчины. Исследователь правильно указывает, что женщины в Танзании традиционно были вынуждены преодолевать самые разные трудности в экономической и общественно-политической жизни, которые их отвлекали от активного занятия политикой, но в конечном счете в результате как глобальных, так и локальных изменений роль женщин в политической власти Танзании значительно усилилась.

Автор, используя как уже опубликованные материалы, так и не опубликованные до нее архивные документы, рассмотрела уровень участия женщин в политической жизни Танзании и их борьбу за достижение лидерских позиций в течение значительного промежутка времени, признавая тот очевидный факт, что она до последнего времени была непропорционально мала и для ее увеличения потребуются немало усилий и времени.

Признавая тот неоспоримый факт, что изданные сборники представляют собой редкую в наше время попытку анализа широкого спектра проблем, составляющих современные дискурсы, тем более вызывающие академический и практический интерес, что их авторами выступили представители различных научных школ – российской, африканской, европейской, в то же время некоторые существенные аспекты остались вне рамок исследования.

В частности, это касается вопроса ротации элит. Глубокое погружение в эту тему, на наш взгляд, позволило бы изучить тенденции и закономерности смены персонального состава правящей властной группы, а также условия и обстоятельства, в которых к власти приходят люди, способные устойчиво повышать уровень жизни в своих странах и при этом старающиеся учесть интересы и пожелания основных социальных слоев, благодаря чему происходит успешная модернизация и укрепление гражданского общества, в чем ныне нуждаются очень многие африканские государства, все еще далекие от завершения модернизации.

В итоге эти и некоторые другие дискуссионные моменты не в силах перечеркнуть усилия авторов материалов сборников, принявших попытку всесторонне раскрыть танзанийскую проблематику: трансформацию политических элит страны, властные отношения, panaфриканские стратегии развития лидерства, вовлеченность танзанийских женщин в политический процесс и т. д. И это им в известной мере удалось, а содержание материалов по ней соответствует контексту ее рассмотрения в российской и международной африканистике. Тем с большим нетерпением мы будем ждать новых сборников.

Литература

- Абрамова, Фитуни, Сапунцов 2007 – *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л., Сапунцов А.Л.* «Возникающие» и «несостоявшиеся» государства в мировой экономике и политике. М.: Ин-т Африки РАН, 2007. 197 с.
- Буренина 1993 – *Буренина В.Б.* Политические элиты Кении и Танзании: структура и механизмы власти. М.: Ин-т Африки РАН, 1993. 67 с.
- Гевелинг 2001 – *Гевелинг Л.В.* Клептократия: социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики: Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001. 591 с.
- Лидерство и власть в Африке 2022 – *Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем: исследования ученых России, Танзании и других стран* / Под ред. Д. Бондаренко. М.: ИАФ РАН, 2022. 189 с.
- Место Африки в мире 2024 – *Место Африки в мире в прошлом и настоящем* / Под ред. Д. Бондаренко. М.: Ин-т Африки, 2024. 200 с.
- Прокопенко, Шубин 2001 – *Прокопенко Л.Я., Шубин В.Г.* Африканский ренессанс // Африка: поиск идентичности / Отв. ред. Ю.В. Потемкин, В.Г. Шубин. М.: Ин-т Африки РАН, 2001. С. 25–63.
- Синицына 1972 – *Синицына И.Е.* Танзания: партия и государство. М.: Наука, 1972. 281 с.

- Bond 2000 – *Bond P.* Elite transition: from apartheid to neoliberalism in South Africa. L.: Pluto Press, 2000. 332 p.
- Britton 2005 – *Britton H.E.* Women in the South African parliament: from resistance to governance. Champaign: University of Illinois Press, 2005. 232 p.
- Huntington 1991 – *Huntington S.* The third wave: Democratization in the late 20th century. Norman; L.: University of Oklahoma Press, 1991. 388 p.

References

- Abramova, I.O., Fituni, L.L. and Sapuntsov, A.L. (2007), “*Voznikayushhie*” i “*nesotoyavshiesya*” gosudarstva v mirovoi ekonomike i politike [“Emerging” and “failed” states in the world economy and politics], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia, pp. 37–41.
- Bond, P. (2000), *Elite transition: from apartheid to neoliberalism in South Africa*, Pluto Press, London, UK.
- Bondarenko, D., ed. (2022), *Liderstvo i vlast' v Afrike v proshlom i nastoyashchem: issledovaniya uchenykh Rossii, Tanzanii i drugikh stran* [Leadership and power in Africa in the past and present. Research by scientists from Russia, Tanzania and beyond], Institut Afriki, Moscow, Russia.
- Bondarenko, D., ed. (2024), *Mesto Afriki v mire v proshlom i nastoyashchem* [The place of Africa in the world. The past and present], Institut Afriki, Moscow, Russia.
- Britton, H. (2005), *Women in the South African parliament: from resistance to governance*, University of Illinois Press, Champaign, USA.
- Burenina, V.B. (1993), *Politicheskie elity Kenii i Tanzanii: struktura i mekhanizm vlasti* [The political elites of Kenya and Tanzania. The structure and mechanisms of power], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia.
- Geveling, L.V. (2001), *Kleptokratiya: sotsial'no-politicheskoe izmerenie korruptsii i negativnoi ekonomiki: Bor'ba afrikanskogo gosudarstva s destruktivnymi formami organizatsii vlasti* [Kleptocracy. The socio-political dimension of corruption and negative economics. The struggle of the African state against destructive forms of power organization], Humanitarium, Moscow, Russia.
- Huntington, S. (1991), *The third wave: Democratization in the late 20th century*, University of Oklahoma Press, Norman, USA, London, UK.
- Prokopenko, L.Ya. and Shubin, V.G. (2001), “African Renaissance”, in *Afrika: poisk identichnosti* [Africa in the search for identity], Institut Afriki, Moscow, Russia, pp. 25–63.
- Sinityna, I.E. (1972), *Tanzaniya: partiya i gosudarstvo* [Tanzania. The party and the state], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Михаил Е. Смирнов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; karibu-smirnov@yandex.ru

Information about the author

Mikhail E. Smirnov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; karibu-smirnov@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 5
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 12.12.2024

Выход в свет 19.12.2024

Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 14,6

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2085

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru